

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Эпидемии и природные катаклизмы

в Золотой Орде
и на сопредельных территориях
(XIII–XVI вв.)

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Центр исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова

ЭПИДЕМИИ И ПРИРОДНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (XIII–XVI вв.)

Казань – 2018

УДК 930.24+332.362

ББК 63.2+63.3(0)4

Э 71

**Серия «История и культура Золотой Орды
и татарских ханств»**

Выпуск 24

Научный редактор *И.М. Миргалеев*

Ответственный редактор *Роман Хаутала*

Редколлегия:

*Р.С. Хакимов, Юлай Шамильоглу, Т.Ф. Хайдаров,
И.М. Миргалеев, Роман Хаутала*

Рецензенты:

А.П. Бужилова, А.Г. Ситдилов, Л.Ф. Абзалов

Э 71 Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 284 с.

ISBN 978-5-94981-280-8

В предлагаемом сборнике публикуются материалы круглого стола «Экологический и эпидемический фактор в средневековой Евразии», прошедшего в рамках V Международного Золотоордынского Форума «История Золотой Орды и татарских ханств» (Казань, 15–18 марта 2017 г.), и статьи, собранные специально для этого сборника, а также стенограмма Международного круглого стола «Черная смерть в Золотой Орде» (Казань, 28 апреля 2016 г.).

На обложке: картина М.Спадаро (Д.Гарджуло) «Пьяцца Меркателло в Неаполе во время чумы 1656 года» (Музей Сан-Мартино, Неаполь, Италия).

ISBN 978-5-94981-280-8

УДК 930.24+332.362

ББК 63.2+63.3(0)4

© Авторы, 2018

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом сборнике публикуются материалы круглого стола «Экологический и эпидемический фактор в средневековой Евразии», прошедшего в рамках V Международного Золотоордынского Форума «История Золотой Орды и татарских ханств» (Казань, 15–18 марта 2017 г.), и статьи, собранные специально для этого сборника, а также стенограмма Международного круглого стола «Черная смерть в Золотой Орде» (Казань, 28 апреля 2016 г.).

К большому сожалению, такие аспекты истории, как экологические вопросы, так и «эпидемическая история» до сих пор занимают в отечественной историографии небольшое место. Многие из них представляют собой скорее концептуальные статьи, затрагивающие теоретические вопросы по данной тематике, нежели большие исторические «реконструкции» прошлого на основе антропогенных и природных причин.

Задумывая проведение специального круглого стола и издания его материалов, мы предполагали прежде всего уделить особое внимание методикам междисциплинарного исследования, раскрывающим процессы взаимодействия человека, природы и общества в эпоху «Чёрной смерти» в регионе *Magna Tartaria*. Кроме того, мы хотели представить на суд читателей материал для изучения эпидемических, природных, экологических и климатических изменений и катастроф, вариаций адаптационных стратегий; культурные, военно-политические и экономические факторы, культурные составляющие антропогенного воздействия на природную среду обитания, практики преобразования ландшафтов в *Magna Tartaria* и близлежащих регионах.

Вторая пандемия чумы «Чёрная смерть» явилась своеобразным Рубиконом, отделившим эпоху Средних веков от Нового времени, средневековую схоластику от антропоцентризма и рационализма, феодализм от капитализма. По неподтвержденным данным, общее число умерших по миру составило порядка 60–80 млн. человек. Её результатом явились как колоссальные социальные и политические потрясения, так и мощнейший технологический рывок. Возникший

Предисловие

на руинах старого, Новый мир привнес в сообщества людей совершенно иные представления о государственном и административном устройстве, этнических, языковых, религиозных, межкультурных и междивизиационных отношениях. В любом случае эти изменения для современников событий очень долго не были очевидны. Лишь в последнее время в научном сообществе были предприняты попытки комплексного переосмысления темы «Эпидемия Чёрной смерти и её влияние на экономическое и общественное развитие». В итоге были получены результаты по Западной Европе, Ближнему Востоку и отчасти Китаю. Однако по региону *Magna Tartaria* (Золотой Орде), а также по расположенным по соседству регионам (Восточная Европа, Балканы, Анатолия, Персия) аналогичных выводов пока не имеется.

Надеемся, что данный сборник будет полезен широкому кругу специалистов.

Ильнур Миргалеев

*к.и.н., руководитель Центра исследований
Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

FOREWORD

We are slowly seeing the shifting of the historiography of the western part of Eurasia from a series of overly simplistic themes to a more complex historical approach that arose in the first half of the 20th century, especially with the famous *Annales* school, associated with the journal whose name since 1994 has been *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. This school of historiography examines the social, economic, and cultural aspects of world history in different regions and periods. The school represented an explicit rejection of the «great man», diplomacy, and war as the be all and end all of historiography. Instead, relying upon new developments in the social sciences, it set out to study socio-economic-cultural transformations in the history of human kind over the medium and long term. At various points representative of the school drew upon large quantities of data and employed the methods of statistics to reveal different insights into the past.

Certainly one of the parts of the world whose scholars had an interest in the medieval history of Eurasia was the Russian Empire and later the Union of Soviet Socialist Republics. In the former, drawing upon the national history of Karamzin, there grew a whole ideology of the 13th–14th centuries and later as defined by the so-called (and misnamed!) «Tatar Yoke» (more recently: Монголо-татарское иго). This was a scholarly vision of the past in which the Mongol World Empire – in the territories of Western Eurasia the «Golden Horde» – was responsible for all that was wrong in the Russian Empire, including autocracy. The «Tatar Yoke» was seen as the cause of population decline, economic decline (especially as a result of taxation), slavery, and many other misfortunes to befall the Russian dukedoms. In Soviet times this was continued by the notion that the Mongol-Tatars were repressors of the Great Russian people. As the late Professor Mirkasim Usmanov has shown, this was a result of a decision taken on August 9, 1944 by the Central Committee of the Communist Party¹.

¹ M.A. Usmanov, «Sostoyanie i perspektivī istočnikovedeniya istorii Ulusa Djuči», *Istočnikovedenie istorii Ulusa Djuči (Zolotoy Ordī). Ot Kalki do Astrakhani*,

It is a revolution in the historiography of the Mongol World Empire (in my own case inspired by a few lines in William H. McNeill's *Plagues and Peoples*) which now makes it possible to reject this overly simplistic approach and to understand that it was not man, but rather his environment, in the form of disease (which was also affected by the factor of climate change) which led to massive depopulation in the territories of Asia, Europe, and Africa beginning in the mid-14th century². This is a completely different explanation for economic, social, and cultural beginning in the mid-14th century, a period in which we see the collapse of the Mongol World Empire, the rise of Muscovy, and later the rise of the Tatar khanates of the Later Golden Horde.

There is so much to be said about this, but the essays in this volume examine the impact of the «Black Death» in terms of its geographic spread and regional variation, individual moments in the history of Kaffa, Dubrovnik, and other places, the role of climate change, and even how it reflected in numismatics. This volume has been a long time in coming, a very long time indeed!

Uli Schamiloglu

*Ph.D. (History), Professor,
Nazarbayev University (Astana, Kazakhstan)*

1223–1556, ed. M.A. Usmanov et al. (Kazan: Institut Istorii im. Sh. Mardjani; Kazanskiy Gosudarstvenniiy Universitet, 2002), pp. 3–14.

² For the historiography on bubonic plague in Russia, see: T.F. Khaydarov, «Istoriografiya epidemii ‘Chernoy smerti’ na territorii Ulusa Dzhuchi (1814–2016)», *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 164–192.

«ЧЁРНАЯ СМЕРТЬ» В ИСТОРИОГРАФИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

С.А. Прокопенко

До середины XX в. европейская историография отдавала проблематику «Болезни и общество» на откуп традиционной истории медицины. Та, в свою очередь, сводила её до изучения деятельности врачей, биографий и частных сюжетов [7, с. 290]. Картина изменилась благодаря усилиям представителей социальной и экономической истории, а также исторической демографии. Болезни выдвинулись в число приоритетных тем в последние десятилетия XX в. Если на Международном конгрессе исторических наук в Бухаресте (1980) вопросы эпидемиологии рассматривались лишь эпизодически, то на мадридском МКИН (1990) история болезней с самого начала определяла повестку конгресса [30, с. 751]. В мае 1997 г. в Иерусалиме микробиологи организовали первую международную конференцию по обмену опытом идентификации палеоэпидемий.

Интерес к эпидемиологической смертности историков можно объяснить, с одной стороны, пограничным характером проблематики, дававшей пищу модным на тот момент ментальным исследованиям, а с другой стороны – её комплексным и кумулятивным влиянием на динамику народонаселения. Именно в 1960–70-е гг. неомальтузианство стало рассматриваться как некая альтернатива или же дополнение к марксизму. В соответствии с теорией «эпидемиологического перехода» (автор понятия – Омран А.Р., 1971) все страны в своём развитии проходят через этапы изменения «структуры смертности»¹.

¹ Международная номенклатура причин смертности была впервые предложена на Парижском международном статистическом конгрессе (1855 г.). Если говорить об эпидемиологических причинах, то основные современные типологии болезней включают в себя, кроме инфекционных (в т.ч. конвенционные или карантинные: чума, оспа, холера, тиф, жёлтая лихорадка), сердечно-сосудистые (или системы кровообращения), дегенеративные (цирроз, диабет, язвенные и т.д., или органов пищеварения), бронхимальные (или органов дыхания) и болезни новообразований (онкологические).

Суть перехода заключается в движении от преобладания экзогенных причин смертности к эндогенным. На первом этапе, совпадающем с эпохой «традиционного общества», смертность регулировалась экобиологическими факторами [3, с. 98]. Сами эпидемии, кроме прямых катастрофических потерь и деформации половозрастной структуры населения, вызывали и другие негативные последствия, в частности, бегство людей из очага поражения.

Особняком в этом историографическом процессе стояла тема «Чёрной смерти». Обширнейшую специализированную библиографию изучения «Чёрной смерти» уже во второй половине XIX в. – начале XX столетий можно найти в статье бельгийского историка Ш. Верлиндена [37, с. 104–105]. Чаще всего в древнегреческих медицинских текстах для болезни, которую мы склонны интерпретировать как чуму, использовался термин *loimós*: в смысле «болезни неожиданной, заразной и тяжёлой». Другой синоним чумы – *plegé* (др.греч.), как и *plaga* или *pestis* (латин.), также означает «общую болезнь, охватившую большую часть населения», «бедствие», «разорение» [31, с. 192–194, 197–198; 10, с. 1478]. Но чума 1347–1353 гг. в силу своих масштабов и последствий занимает исключительное положение. Можно говорить об особом культурном коде, который сложился в европейской культуре после этой рубежной эпидемии [27, с. 190].

Часть специалистов относят чуму к числу циклических болезней. Первый известный нам цикл этой пандемии в Европе приходится на середину первого тысячелетия, апофеозом которого стала т.н. «юстинианская чума» VI в. н.э., охватившая Средиземноморье [см.: 31; 9, с. 543–548]. Эпидемия середины XIV в. рассматривается как начало т.н. «второй пандемии чумы», цикл которой продлился почти шесть столетий [14, с. 321]². Приведу выборочные сведения о частотности эпидемий. В Египте на протяжении 1347–1517 гг. чума появлялась в среднем примерно раз в пять с половиной лет (всего 28 раз), в Сирии – 23 раза или раз в 7 лет [35, с. 388–389]. В Европе

² Хотя Ф. Крузе с большим основанием утверждает, что последней крупной эпидемией чумы в Западной Европе стала пандемия в Мессине в 1742–1744 гг. [18, с. 155].

во второй половине XV в. зарегистрировано 1021 упоминание этой болезни, по периоду 1501–1550 гг. – ещё 1434, по 1551–1600 гг. – 1755, но уже по 1601–1650 гг. – только 173 упоминания [см. подр. об этом в первом томе 11].

На сегодняшний день специалистами признан факт уникально высокой вирулентности, сложившейся в Европе позднего средневековья и раннего Нового времени. По меньшей мере три четверти смертей при Старом режиме вызывались инфекционными болезнями [28, с. 393]. Для всех трёх довольно разных проявлений повышенной вирулентности есть общий знаменатель: т.н. минимум Маундера – снижение солнечной активности и ультрафиолетового излучения, губительного для бактерий [25, с. 252, 255]. Однако этот общий фактор отнюдь не кажется главным во всех случаях. Новые болезни (тиф, сифилис³, до сих пор не идентифицированная «потница» или «английский пот»⁴) были ничем иным, как впервые зарегистрированными в истории мутациями в мире микробов. Объяснение этому феномену одно: начавшаяся первая фаза глобализации мира и как следствие – растущие миграции. Правда, в 1990-е гг. А. Карлен, проведя параллели между современной эпидемиологической ситуацией и положением в Новое время, модифицировал тезис о мутации в мире микробов. По его мнению, к которому присоединились многие специалисты, начавшееся радикальное обновление человеком среды обитания привело к контракте уже ранее существовавшими микробами, но с которыми человечество до этого практически не сталкивалось [19, с. 409–411].

Намного лучше разработано представление о причинах постепенного ухода чумы из Европы (исключая Восточную Европу) с последней трети XVII в., и чуть позже из стран Магриба, Египта, Сирии и Турции. На сегодня наиболее популярны две версии: спе-

³ Симптоматика т.н. «большого сифилиса» была впервые описана в 1495 г. военным хирургом Марчелло Кумано у венецианских солдат, осаждавших Новару.

⁴ Клиника этой скоротечной смертельной болезни была описана в последней трети XV в. Последняя эпидемия «английского пота» была зарегистрирована в Англии в 1551 г. Современные медики выдвинули гипотезу о том, что причиной болезни был *hantavirus* или *arbovirus*.

цифическое объяснение – пресловутое вытеснение серой крысой чёрной крысы [4, с. 308], и совершенствование карантинной службы [25, с. 241]. В последнее время версия, связанная с крысами, подверглась модернизации. Часть исследователей утверждают об изменении пути миграций крысы. Согласно другой гипотезе, связанной с концепцией биоселекции, определяющей «выбор» микробом или вирусом хозяина-носителя (переносчика), появился новый штамм чумы – бактерия *Yersinia pseudotuberculosis*, – которая могла заменить прежний штамм, более вирулентный для человека [34, с. 135].

Плодотворной методологической новацией последних десятилетий стало введение в научный оборот понятия «патогенный комплекс», который включает в себя человека, патогенного агента и его переносчиков. Это позволило соединить биологический и социальный аспекты исследования объекта. Поскольку биоселекция воздействует также на экологическую нишу и равновесие в мире микроорганизмов, при анализе должны учитываться также морфология почвы, топография, растительный покров, температурный режим, солнечная радиация, уровень и характер гидрологического режима. Из социальных факторов важную роль играют плотность населения, его мобильность, зона расселения, тип жилища, одежда. Например, лёгкий костюм открывал дверь жалящим насекомым, но был негостеприимным по отношению к эктопаразитам, хорошо переносившим жару и пот – неперенные спутники плотной и тёплой одежды (обычай ношения шуб в средневековье в определённой мере благоприятствовал распространению блох, а значит и чумы).

В настоящее время исследователи сосредоточились на детальном выявлении клинической истории болезней в конкретно-исторических обстоятельствах, чтобы точнее определить влияние потерь на последующее восстановление населения. Неясность нарративных свидетельств XIV в. не позволяют полностью реконструировать клиническую картину чумы. Ещё более запутана эпидемиологическая ситуация в Восточной Европе. Так, первая зарегистрированная эпидемия в Киевской Руси датируется 979 г., а первая зарегистрированная масштабная эпидемия – 1229–1230 гг. Но даже эпидемии 1309, 1318, 1341, 1344 и 1349–1350 гг. в северо-восточной Руси были неясной этиологии и масштабов [5, с. 9]. Мы можем

только утверждать, что Чёрная смерть здесь являла собой сочетание двух известных форм: бубонной и лёгочной.

Наиболее подробная эпидемиологическая информация о чуме содержится в монографии норвежского историка Оле Й. Бенедиктова, обобщившего тематическую литературу на 12 европейских языках с привлечением ряда летописей [8, сар. 2–4]. Но и он был вынужден использовать ретроспективный метод, то есть предполагать неизменность патогенного комплекса в целом и самой болезни в частности на протяжении многих столетий.

Чумная палочка *Yersinia pestis* была открыта в 1894 г. одновременно и независимо друг от друга французским бактериологом А. Йерсином и японским исследователем Ш. Китасато. Первоначально англичане У. Хантер, М. Уилм и У. Симпсон предположили, что заражение происходит через пищеварительный тракт с пищей или водой (вариант: через открытую рану из заражённой почвы). Вторая версия предполагала передачу болезни путём прямого контакта с больным или же по воздуху и через его одежду⁵. В 1898 г. сотрудник Института Пастера П.-Л. Симон установил, что инфицирование проходило прямым путём через блоху *Xenopsylla Cheopis*, «хозяином» которой были крысы (первоначально чёрная) [21, с. 83–84]⁶. Непрямыми переносчиками являлись блохи, паразитирующие на человеке, и больные люди.

Известны несколько форм чумы и несколько видов инфицирования (первичная бактерицидная, первичная лёгочная, вторичная бактерицидная, вторичная лёгочная)⁷. Считается, что бубонная чу-

⁵ М. Долс (1977) указал на радикальное различие в восприятии природы чумы средневековыми мусульманами и христианами. Если первые не верили в контактный характер болезни, последние широко использовали карантин и бегство как средства предохранения от заражения [см.: 31, с. 58–59].

⁶ М. Макормик утверждает применительно к первому пандемическому циклу, что разносчиком болезни была блоха *Nosopsylla fasciata*, также паразитирующая на коричневой (пасюк)/серой крысах. Критику его позиции см.: [9, с. 545–546].

⁷ Симптоматика бубонной чумы лучше всего известна неспециалистам по повести А. Камю «Чума» (на примере эпидемии в алжирском Оране). Она следующая: первоначально головная боль, вводящая больного в ступор и прострацию, покраснение глаз, обмётанные губы, бубоны в районе лимфатических узлов, мучительная жажда, бред, пятна на теле, ощущение внутренней распя-

ма, которая поражала лимфатическую систему, за неделю приводила к гибели 40–90% заболевших. Лёгочная чума за два дня давала 90–100% смертности. Такие высокие показатели объяснялись тем, что передача инфекции в этом случае происходила воздушно-капельным путём (считается, что в странах с умеренным климатом лёгочная чума приходилась в основном на зимний сезон [35, с. 390]). Сочетание обеих форм приводило к сепсису: температура больных повышалась до 42 градусов, не выживал никто. Часть учёных полагает, что т.н. септицемическая чума является третьим, особым видом чумы. Заражение происходило в основном путём прямой инфильтрации бактерии *Yersinia pestis* в кровеносную систему человека заражённой блохой. Это приводило к быстрому размножению бактерии в основном в сердце, печени, почках и селезёнке. Начало болезни проявлялось внезапно и сильно, с температурой от 40 до 42 градусов, когда начиналось внутреннее кровоизлияние. В другом случае, как и при бубонной чуме, массовый вброс бактерий в кровеносную систему проходил в момент разрыва воспалённых лимфатических узлов [см. подр.: 14, с. 322].

Новый уровень европейской палеомедицины задало исследование французов об эпидемии чумы в Провансе в 1720–1722 гг. Руководил проектом, охватившим семь коммун (включая Марсель), Ж.-Н. Бирабен. Исследование построено на перекрёстной проверке приходских актов (14 тыс.) и эксгумации вероятных жертв эпидемии, с последующим биоанализом их останков. Для нейтрализации эффекта миграций исследователи использовали метод известнейшего французского демографа Ж. Буржуа-Пише: помесечное составление списков умерших в интервале за февраль 1702 – 31 декабря 1725 гг. Также в особые списки выделили всех жертв чумы изученных коммун. При построении пирамиды возрастов был взят за основу ценз 1702 г. [36, с. 830–835].

тости. В конце болезни пульс становится нитевидным «и любое, самое незначительное движение влечёт за собой смерть». Медики Нового времени в клинической таблице делали также акцент на распухом языке больного. См. также: [8, с. XV; 20, с. 102; 29, с. 109–111; 1, с. 336]. О сложностях идентификации формы чумы по документам той эпохи см.: [15, с. 225].

Сходные результаты, полученные при использовании разных методик, доказывают возможность применения указанных методов в дописьменный период или же для этапов с небольшим числом сохранившихся письменных источников. Из конкретных результатов исследования отмечу вывод о стремительном характере пандемии (за 16 месяцев чумы половина смертей пришлась на первые два месяца, а на первые три – 2/3). Если говорить о половозрастной избирательности, то женская смертность преобладала над мужской, а в целом была выше у подростков и взрослого населения⁸. Это соответствует наблюдениям авторов трактатов Нового времени, которые утверждали о наибольших потерях среди женщин, а также, подчёркивая социальный аспект, – среди бедных [17, с. 200]. Большие потери женского населения можно объяснить практикой активного участия женщин в обряде похорон и гендерными стереотипами поведения. Ведь важнейшую роль в соседско-родственных контактах играли именно женщины. Не случайно то, что от 47,7% до 71,5% умерших во время эпидемии в приходах такого крупного города, как Марсель, оказались родственниками. Ход одной из крупнейших и наиболее изученных пандемий чумы – т.н. «кастильской» 1596–1602 гг. – подтверждает эти закономерности. Ясно, что чрезмерные потери от чумы женщин существенно подрывали возможности быстрого восстановления населения за счёт новых браков и роста рождаемости.

Классическая версия причин появления «Чёрной смерти» в Европе и её маршрута из природных очагов *Yersinia pestis* в Монголии через крымскую Каффу до сицилийской Мессины изложена Микеле ди Пьяцца (Michele Di Piazza) в *Historia secula ab anno 1337 ad*

⁸ Л.П. Репина полагает, что чуме, в отличие от оспы и инфлюэнцы, не была свойственна избирательность по возрастам. В пользу этого свидетельствуют некоторые локальные эксгумации. Например, чумное кладбище 1629–1630 гг. в Лари (Larieu) – коммуна Пэй-Сан-Пьер в Верхних Альпах (Франция) – демонстрирует удивительное гендерное и возрастное равновесие (выборка 34 трупов) [см.: 2, с. 198; 6, с. 65].

animum 1361⁹. Ценным и точным подтверждением географии и хронологии распространения чумы являются записки арабского эрудита и путешественника Ибн Баттута из Танжера (1304–1369 или 1377). В записках есть упоминания о нескольких случаях чумы в Индии около 1345 г. А уже в начале лета 1348 г. он пишет об опустошениях на Ближнем Востоке: в Газе, Хомсе, Дамаске и т.д.¹⁰

Но эта картина нуждается в уточнении. Собственно «Чёрной смерти», вероятно, предшествовала эпидемия, которая разразилась на территории Золотой Орды, в Семиречье почти за десятилетие до Европы. Археологи обнаружили массовые захоронения христиан на караванных путях поставок шёлка и специй, датируемые примерно 1340 г., причём на некоторых могилах прямо указывалось на чуму как причину смерти. В 1346 г. в Астрахани и Сарае – пунктах остановки караванов, следовавших на территорию русских княжеств, также была зарегистрирована чума [34, с. 133–134]. Известные французские демографы Ж. Дюпакье и Ж.-Н. Бирабен следующим образом подытожили современные сведения о хронологии и географии «Чёрной смерти»: проникновение через Константинополь в 1347 г. в Средиземноморье, в 1348 г. она из Бордо распространилась в районы Атлантики и пересекла Ла-Манш, в 1349 г. из Лондона достигла Северного моря, в 1350 г. через Любек зашла на Балтику [22, с. 476]. В Норвегии, где эпидемия стала известна как «Великая смерть», чума появилась в 1349 г. сначала в Бергене и свирепствовала до 1351 г. [12, с. 137–138]. По ходу эпидемии среди княжеских домов на Руси можно сделать вывод о том, что она распространилась от Чернигова до Суздаля в течение 1353 г. [8, с. 214]. Пандемия чумы на территории Тартарии малоисследована: в уже упомянутой монографии Оле Й. Бенедиктова Золотая Орда вообще не упоминается. В связи с историей Руси нам известно, что одним из каналов

⁹ Отмечу мнение П. Бьюля, который считает, что хрестоматийная история появления Чёрной смерти в Западной Европе, видимо, легенда, так как это невозможно с эпидемиологической точки зрения. См.: [13, с. 122].

¹⁰ На протяжении своей жизни Ибн Баттута совершил пять путешествий по Северной Африке, Ближнему Востоку, Аравийскому полуострову, Индии, Юго-Восточной Азии, Китаю. Первое путешествие началось в июне 1325 г., а последнее – в 1349 г. См.: [26, с. 31–32].

проникновения чумы на её территорию была Волга. Как правило, болезнь приходила из эндемических очагов, расположенных на востоке (Монголия и Прибайкалье) или же на юге (Северный Иран, Кавказ). Достоверно известно также о том, что вторая волна чумы 1364–1365 гг. пришла в центральную Русь с Волги (Нижний Новгород) [5, с. 13].

Сенсационно выглядит недавняя ревизия этиологии пандемии. Как полагают, виновником «Чёрной смерти» в действительности является вирусная геморроидальная лихорадка, поскольку этиология бубонной чумы не совмещается с тем, что нам известно на сегодня о начале эпидемии в Сицилии. Хотя, как показала эксгумация жертв в разных странах, определённо бубонная чума была элементом последующей вспышки, потому возможна комбинация бубонной чумы, вирусной геморроидальной лихорадки и других болезней [13, с. 122].

Насколько широко можно экстраполировать полученные результаты? Хорошо известно, что европейское население того времени проживало в основном на селе. Мы также знаем, что эпидемия середины XIV столетия в одинаковой степени поражала не только места скученности – города, но и деревню. Однако вряд ли «Чёрная смерть» приобрела такие масштабы и набрала такую скорость распространения без присутствия чумы лёгочной. Да и мы знаем, что на Русь пришли сразу и бубонная, и лёгочная чума (по свидетельству новгородского летописца за 1352, «человек харкал кровью и на другой или на третий день издыхал»).

Другой вопрос, часто становящийся предметом дискуссии – оценка числа погибших в ходе пандемии. За четыре года пика чумы (1348–1350 гг.) смерть унесла примерно треть населения Европы (25 млн. из 80 млн.). В ряде местностей – крупных городах – процент смертности был ещё выше (до половины) [18, с. 154]. Нормативная оценка совокупных потерь на сегодняшний день в Западной и Центральной Европе, а также в Средиземноморье – 40% [11, с. 322]. Вариативность национальных и региональных оценок достаточно велика, но обычно не опускается ниже 15%. По Англии, где мы располагаем статистикой в национальном масштабе, смертность по данным священнослужителей составляла 35–40%. Инвентарии

смертей крестьян (менее надёжные источники) показывают величину от 30 до 45%. В Лондоне она составила 25–30% [25, с. 193]. Русские источники сообщают о чрезвычайной локальной смертности («нереальные утверждения» о полном опустошении городов, как Глухов или Белозерск [8, 215]).

Тем больший интерес представляют современные попытки подсчитать демографические потери в результате «Чёрной смерти» с применением археологических или же комплексных методик и количественных методов. Ранее указывали на то, что в условиях дефицита источников статистический анализ потерь для XIV столетия невозможен. Лучший из имеющихся вариантов – ретроспективная экстраполяция результатов XVII в. [24, с. 446]. Но Оле Й. Бенедиктов в 1993 г. представил исследование о катастрофической смертности в Скандинавии путём анализа костяков со средневековых кладбищ и рассмотрел потенциал восстановления численности населения. По его оценке, на торговых путях смертность населения составила от трети до половины. А с учётом того, что в этом микроскопе только половина двадцатилетних доживала до возраста 50 лет, становится понятным, почему население региона сокращалось после эпидемии ещё два столетия [см.: 12, с. 138–141]. Другим примером переосмысления является коллективная работа по Наварре (Испания) – королевству с экстраординарным обеспечением источников за тот период. Считалось, что в результате эпидемии Наварра потеряла между 1330–1366 гг. порядка 50–63% населения. Модель построена с учётом таких переменных, как смертность по когортам, нормы плодovitости, коэффициенты общей рождаемости и общей смертности, индекс маскулинности, индекс замужних женщин и проч. Используя некоторые, т.н. принстонские таблицы, эмпирические обоснованные предложения Губера, Гранта, Переса Морела и т.д., авторы построили теоретическую половозрастную модель населения Наварры, определили средний возраст вступления женщин в первый брак, нормы плодovitости, рождаемости (42,19% – цифра, которая хорошо согласуется с эмпирическими данными малых выборок). Половозрастной анализ смертности в регионе дал общую норму смертности 37–39%, что позволило определить коэффициент естественного прироста населения. На основании этих

данных были подсчитаны потери в результате катастрофической смертности в 1348–1350 гг. Они составили 35,5% населения региона [16, с. 283, 290, 304] – существенно меньше, чем считали ранее по нарративным источникам.

«Чёрная смерть» в Золотой Орде в европейской историографии специально не исследовалась. Дело ограничивалось спорами о роли хана Джанибека во время пресловутой осады Каффы, да спекулятивными рассуждениями об эпидемии чумы как переломном рубеже в истории Золотой Орды, оказавшей, вероятно, влияние на начало феодальной смуты после смерти хана (между 1357–1378 гг. было последовательно убито 25 ханов) [см. подр.: 23, с. 323]. Учитывая опыт европейских коллег, можно предположить, что исследовательская стратегия предметного изучения эпидемии чумы на территории Среднего Поволжья должна заключаться во введении в научный оборот археологических материалов, а также поиске дополнительных нарративных свидетельств современников пандемии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер Е.Е. «Чёрная смерть». Средние века. 2004. Т. 65. С. 335–339.
2. Репина Л.П. Население городов. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М.: Наука, 1999. Т. 1. С. 169–213.
3. Сабгайда Т.П. Предотвратимая смертность как интегральный индикатор медицинской детерминанты эпидемиологического перехода // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2009. № 5. С. 97.
4. Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 608 с.
5. Alexander J.T. Bubonic Plague in Early Modern Russia. Public Health and Urban Disaster. Oxford: Oxford Univ. press, 2003. 387 p.
6. Ardagna Y., Tzortzis S., Bizot B., Signoli M. Profil paléopathologique d'un cimetière de pestiférés du XVIIe siècle (Puy-Saint-Pierre, Hautes-Alpes, France) // Antropo. 2012, vol. 27, pp. 63–72.
7. Betrán Moya J.L. La peste como problema historiográfico // Manuscripts: Revista d'història moderna. 1994, no. 12, pp. 283–319.

8. Benedictow Ole J. The Black Death. 1346–1353. The Complete History. Woodbridge: The Boydell Press, 2006. 433 p.
9. Benedictow Ole J. The Justinianic Plague Pandemic: Progress and Problems // *Early Science and Medicine*. 2009, no. 14, pp. 543–548.
10. Bianucci R., Benedictow Ole J., Fornaciari G., and Valentina G. Quinto Tiberio Angelerio and New Measures for Controlling Plague in 16th-Century Alghero, Sardinia // *Emerging Infectious Diseases*. 2013, no. 19(9), pp. 1478–1483. DOI: 10.3201/eid1909.130311
11. Biraben J.-N. Les hommes et la peste en France et dans les pays méditerranéens. Paris-La Haye: Mouton, 1975, vol. 1, 455 p.
12. Brothen J. Population Decline and Plague in late medieval Norway // *Annales de démographie historique*. 1996, no. 1, pp. 137–149.
13. Buel P.D. Historical dictionary of the Mongol world empire. Plymouth (UK): The Rowman & Littlefield Publishing Group. Inc., 2003. XLIX, 334 p.
14. Byrne J.P. Encyclopedia of the Black Death. Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC, 2012, t.1. XXI, 428 p.
15. Cabrera Sánchez M. La epidemia de 1488 en Córdoba // *Anuario de Estudios Medievales*. 2009, no. 1, pp. 223–244.
16. Castán Lanaspá G., Dueñas Carazo S. Revisión de la incidencia de la Peste Negra (1348) en Navarra a través de un modelo matemático de población // *Studia historica. Historia medieval*. 2006, no. 24, pp. 275–314.
17. Cipolla C. M., Zanetti D. Peste et mortalité différentielle // *Annales de démographie historique*. 1972, no. 2, pp. 197–202.
18. Crouzet F. Histoire de l' économie européenne. Paris: Ed. Albin Michel S.A., 2000. 440 p.
19. Cunningham A. Disease: Crisis or Transformation? New Approaches to the History of Late Medieval and Early Modern Europe. Selected Proceedings. Copenhagen in 1997 and 1999. Selskab, 2009, pp. 397–415.
20. Delumeau J. La Peur en Occident. XIVe–XVIIIe siècles. Paris, 1978. 485 p.
21. Duarte da Silva M.A. Micróbios no convés: a peste bubônica e o fim das quarentenas no Brasil (1899–1904) // *História Revista*. 2015, no. 2, pp. 80–97.
22. Dupaquier J., Biraben J.-N. Les hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens // *Annales de démographie historique*. 1976, no. 1, pp. 475–480.
23. Ebbs and flows of Medieval Empires. AD 900 – 1400. A Short History of Medieval Religion, War Prosperity and Debt. Will Slatyer: Partridge, 2014. 341 p.

24. Ell St.R. Iron in Two Seventeenth-Century Plague Epidemics // *Journal of Interdisciplinary History*. 1985, no. 3, pp. 445–457.
25. *Histoire des Populations de l'Europe*. Paris: Fayard, 1997, vol. I. 660 p.
26. Huerta Mazcuñan J. Ibn Battuta y la peste negra // *Aljamía. Revista de la Consejería de Educación en Marruecos*, 2014, no. 25, pp. 25–32.
27. Jouan Dias Angelo de Souza C. Muerte y escatología: transcendencia medieval a través de la imagen. Un análisis historiográfico, iconográfico e iconológico sobre la muerte en la sociedad medieval y en la tradición pictórica del norte de Europa en los siglos XV y XVI. Tesis doctoral dirigida por José Antonio González Alcantud (dir. tes.). Universidad de Granada, 2016. 276 p.
28. Livi Bacci M. La Popolazione europea. Congreso Internacional. Carlos V. Europeísmo y Universalidad, Granada, mayo de 2000. Madrid: Sociedad Estatal para la Conmemoración de los Centenarios de Felipe II y Carlos V, 2001, vol. IV, pp. 387–401.
29. Monteano Sorbet P. J. La Peste Negra en Navarra. La balance demográfica de 1347–1349 // *Príncipe de Viana*. 2001, no. 222, pp. 87–120.
30. [Nota]. *Hispania*, 2005, no. 220, 751 p.
31. Phillips, William D. Jr. Peste negra: The fourteenth-century plague epidemics in Iberia. On the Social Origins of Medieval Institutions. *Essays in Honor of Joseph F. O'Callaghan*. Leiden: Brill, 1998, pp. 47–62.
32. Pino Campos L. M., Hernández González J. P. Los conceptos de peste y epidemia: semántica y lexicografía // *Revista de filología de la Universidad de La Laguna*. 2008, no. 26, pp. 191–204.
33. *Plague and the End of Antiquity. The Pandemic of 541–750*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. XIV+360 p.
34. Sánchez David C. E. La muerte negra: «el avance de la peste» // *Revista Med de la Facultad de Medicina*. 2008, no. 1, pp. 133–135.
35. Shoshan B. Notes sur les épidémies de peste en Egypte // *Annales de démographie historique*. 1981, no. 1, pp. 387–404.
36. Signoli M., Séguy I., Biraben J.-N., Dutour O. Paléodémographie et démographie historique en contexte épidémique: La Peste en Provence au XVIIIe siècle // *Population*. 2002, no. 6, pp. 821–846.
37. Verlinden Ch. La grande peste de 1348 en Espagne. Contribution à l'étude de ses conséquences économiques et sociales // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1938, no. 1, pp. 103–146.

REFLECTIONS ON REGIONAL VARIATION IN THE IMPACT OF THE BLACK DEATH ON THE GOLDEN HORDE

Uli Schamiloglu

0. In 1988 I gave my first public lecture on the Black Death in the Golden Horde at a conference on Central Asia at the University of Wisconsin-Madison. This was later published in *Central Asian Survey* in 1993, as many of you know [1]. After my presentation I was severely criticized by my colleagues at the time at Indiana University-Bloomington. Here we are, twenty-eight years later, participating in the 5th Golden Horde Forum featuring a half-day focus on the role of the Black Death in the Golden Horde. I could not be more pleased and excited that this subject has advanced so far over the past three decades.

1. When I first noted 30 years ago that Toqtamış migrated to the west with the four tribes of the Şirin, Arğın, Barın, and Kıpçak, I had no clue about what the mechanism for this might be [see my: 2, p. 179–184 and p. 203–204 (this work will be published soon in English and Russian)].

2. Later, as I began to study the role of the Black Death in the territories of the Golden Horde, I proposed that there was severe depopulation across the territories of the Golden Horde, including areas such as Lake Issıq-Köl and Volga Bulğaria where epigraphical languages disappeared completely. Connected with this obviously was the depopulation and destruction of urban centers and the rise in relative strength of nomadic confederations [see my: 1; 3].

3. More recently, I have discussed how the sudden expansion of Lithuania south as far as the Crimea and other phenomena can be seen as the sudden movement of troops and perhaps population into areas depopulated by plague [4, p. 335]. I have also called attention to the Black Death as a reason for the Kipchakization of the Middle Volga region [4, p. 336].

4. Most recently, there has been a proposal that the bacterium *Yersinia pestis* responsible for the Black Death may have mutated further in London or elsewhere in Western Europe and circulated back into the Volga region and elsewhere in western Eurasia [5]. It has been suggested that this mutation rendered the bacterium far more deadly than it had been before. (This may also be connected with human reactions to multiple exposures to plague, as was the case with multiple waves of smallpox in the 20th century, but I am not a medical doctor and reaching outside of my comfort zone.) This could support some data in the Russian sources, according to which the disease arrived from the west [for an overview of the historiography on the Black Death in Russia and the Golden Horde, see: 6].

5. This leads me to ask whether what we are seeing is an original wave of plague which was destructive, but which was followed by additional waves (as in 1358, 1360, 1364, etc.) which were the results of mutations in Western Europe which circulated back to the western territories of the Golden Horde plus the more recent proposal that there may be additional diseases such as smallpox making the history of epidemics in the western territories of the Golden Horde so particularly devastating in the 1350s–1360s [see also: 7].

6. To return to the migration of Toqtamış: Can this be just one data point among many more which can be found suggesting that the depopulation in the western territories of the Golden Horde (*Aq orda*) was far more severe than the depopulation in certain surrounding areas, such as Lithuania, Central Asia, and perhaps the territories which today we call Xinjiang. Other evidence we can see to support such an idea would be the resurgence of Tamerlane (Timur), the revival of an Islamic Turkic literature in the first half of the 15th century in Central Asia (culminating eventually in the elevation of this language to the language we now call «Chagatay»), and the renaissance of the Uyğur alphabet in the 15th (?) century [see my: 8, p. 506].

7. To conclude, could it be that Central Asia had suffered less from these later waves of an even more destructive version of the plague, through a mechanism yet to be determined. If so, this would support the notion that we need to study plague in the 14th–16th centuries in the terri-

tories of the Golden Horde and the Later Golden Horde, but that we also need to identify evidence supporting the idea that plague expressed itself differently over time and space as a result of the evolution of the bacterium *Yersinia pestis*, the arrival of other diseases such as smallpox, climate change, and factors yet to be determined [see especially: 7].

REFERENCES

1. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde. *Central Asian Survey* 12:4 (1993), pp. 447–457.
2. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde*. Ph.D. dissertation. Columbia University, 1986.
3. Schamiloglu U. The End of Volga Bulgarian. *Varia Eurasiatrica*. Festschrift für Professor András Róna Tas. Szeged, 1991, pp. 157–163.
4. Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, and Civilization. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 325–343.
5. Spyrou M.A. et al. Historical *Y. pestis* Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemic. *Cell Host & Microbe*. Jun 8, 19(6), 2016, pp. 874–881. DOI: 10.1016/j.chom.2016.05.012.
6. Khaydarov T.F. Historiography of the Epidemic of “Black Death” on the Territory of Juchid Ulus (1814–2016). *Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 1, pp. 164–192. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.164-192
7. Green M. Climate and Disease in Medieval Eurasia. *Oxford Research Encyclopedia of Asian History* (forthcoming). DOI: 10.1093/acrefore/9780190277727.013.6.
8. Schamiloglu U. Ortaçağ Dillerinden Modern Dillere: Avrupa ve Türk Dünyasında Yeni Edebi Dillerin Varlığa Gelmesi. *IV. Dünya Dili Türkçe Sempozyumu Bildirileri*. 22–24 Aralık 2011, Muğla, i–ii, ed. Mehmet Naci Önal. Ankara, 2012, i, pp. 501–507.

«ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ» И КРИЗИС В УЛУСЕ ДЖУЧИ: ИДЕАЛЬНЫЙ ШТОРМ

И.Л. Измайлов

Невозможно наслаждаться криками птиц и вечерней прохладой – миром, как он есть. Ибо он покрылся нынче густым слоем истории, сквозь который пробивается к нам его речь. Это его искажает. Он утрачивает самоценность, ибо с каждой деталью связывается целая вереница образов смерти и отчаяния. Ни одно утро не обходится без агонии, вечер – без тюрьмы, полдень – без ужасающей резни.

Во время чумы человеческое тело не живет, оно истощается.

Альбер Камю. Записки бунтаря. 1944

Истоки кризиса: болезнь роста. Улус Джучи был средневековой империей, где существовала жесткая иерархическая структура управления провинциями и покоренными народами, жестокая машина подавления любого недовольства. Обычно в отечественной историографии империя Джучидов рассматривается в качестве некоей темной и враждебной силы, давившей и иссушавшей самую душу народа. В то время как некоторые исследователи, подпав под магию слов евразийцев, стали считать ее едва ли не идеальным государством. Вполне очевидно, что рассматривать ее историю сквозь «свет» или «тень» также непродуктивно, как и видеть в любом историческом явлении отголоски современных политических баталий. Исторические события более сложны и многообразны и за редким исключением не поддаются однозначному маркированию. Империя Джучидов в этом смысле является весьма ярким примером, что особенно ярко выявилось в период ее кризиса.

Непрерывные войны на границах, междоусобицы и мятежи аристократии, а также сдерживание внутреннего недовольства требовало содержания огромной и боеспособной армии, состоявшей из отрядов знати. Поддержание их лояльности выливалось в дилемму

— платить или подавлять. На практике это приводило к периодическим внутренним конфликтам с недовольной клановой аристократией и вассальными правителями, а также постоянному росту финансовых выплат со стороны государства. Подобное положение, в свою очередь, создавало необходимость содержания огромного штата чиновников и роста фискальных сборов, что тяжким грузом ложилось на население страны и его хозяйственную деятельность.

Но эти соображения не должны заслонять от нас и положительные стороны создания «мировой державы». После своего возникновения Улус Джучи переживал период своего расцвета, когда вслед за многолетними междоусобными войнами и взаимными набегами, а также кровавого завоевания, наступил период относительно прочного мира, даже при периодических столкновениях на границах. Единые законы, отсутствие многочисленных таможенных перегородок и стабильное управление воспринимаются населением как огромное благо. Путешественники особо отмечали, что «купцы, снабженные тамгой, свободно странствовали повсюду, и никто не дерзал трогать их» [33, с. 38–39]. Беспрепятственная торговля позволяла быстрее обмениваться новинками науки и техники, быстрее претворять их в производство (например, производство чугуна и огнестрельного оружия [см.: 15, с. 60–76; 3, с. 396–405; 27]). Кроме того, перераспределение продукта в пределах державы способствовало сосредоточению его в руках местной знати, например, на Руси, Булгарии и т.д. Судя по археологическим материалам, благосостояние даже простого населения столицы было довольно высоким, а средоточие излишков богатств и продуктов в отдельных городах вызывало в них бурный расцвет ремесел и архитектуры, наук и культуры.

Однако во второй половине XIV в. перед Улусом Джучи встали сложные проблемы, и он должен был претерпеть изменения, чтобы соответствовать требованиям времени. В этот период его не только раздирали борьба за власть между претендентами на ханский трон, но и потрясали катаклизмы, которые привели к кровавой смуте, затронувшей все общество, самые основы его существования. Историки и философы уже давно пришли к выводу, что любое государство, как всякий социальный организм, проходит определенные стадии развития — появления, расцвета и гибели. Иногда этот цикл

протекает очень медленно, растягиваясь на века, иногда чрезвычайно быстро. Характер и скрытые механизмы этого процесса далеко еще не познаны. Почему одни государства, возникнув в результате великих завоеваний, гибли буквально в течение жизни одного-двух поколений, а другие, даже переживая крупные потрясения, продолжали существовать многие века? Особенно интересны ответы на этот вопрос, когда речь идет о государствах, созданных кочевыми народами. Объяснений причин появления и распада кочевых империй довольно много, но все они в той или иной мере могут быть сведены к «географической» и «социальной» теориям. Первая ставит во главу угла циклические колебания климата, то есть периоды увлажнения и усыхания (аридизации) степей, которые, непрерывно пульсируя, оказывают непосредственное влияние на кочевые народы, неся им то процветание, то упадок. Синхронизируя между собой даты исторически известных движений кочевников и данные палеогеографии, историки нашли поразительные совпадения, позволившие сделать вывод о неслучайности их совпадения. Среди исследователей этой теории такие выдающиеся исследователи, как С. Хантингтон, А. Тойнби и Л.Н. Гумилев. Однако не меньше сторонников имеет и другая – социальная теория. Особую популярность она имеет среди отечественных историков, установивших закономерности развития кочевых обществ в зависимости от изменений в их общественном строе. Динамика этих процессов хорошо показана в работах Б.Я. Владимирцова, И.Я. Златкина, Г.А. Федорова-Давыдова и многих других.

Как бы ни была привлекательна та или иная теория, нельзя забывать, что в истории действует целый комплекс причин, которые дают в каждом конкретном случае свою составляющую, влияющую на общество. Видимо, в таком противопоставлении «природное – социальное» данная проблема не может иметь убедительного решения. Для любого народа «расклад сил», толкнувших его в водоворот истории, был различен, неизменным остается само наличие этих противоречивых сил. При таком понимании природные и социальные факторы кажутся не антагонистичными, а взаимно дополняющими друг друга, как бы «подталкивая» общество к созиданию или разрушению. Каким бы фаталистским не казался этот взгляд на

историю общества, он позволяет отойти от старой, строго детерминированной социально-экономическими причинами концепции истории. Видимо, во многом прав был А. Тойнби, указывавший, что перед обществом постоянно встают вопросы («вызовы»), вызванные природными, демографическими, социальными, хозяйственными и политическими факторами, и, в зависимости от того какой ответ находит общество – соответствующий или нет, – оно развивается дальше или гибнет.

Мысли о сложном характере кризиса в Улусе Джучи и влиянии на его причины и последствия многих факторов были высказаны Ю. Шамильоглу и Э.С. Кульпиным [38; 41; 16; 17], а позднее развиты и дополнены в моих трудах [12; 13]. В них было подчеркнуто, что сам кризис носил системный характер и имел комплексное воздействие на все стороны жизни общества Золотой Орды. Особо подчеркивалось, что природно-экологический кризис совпал с воздействием пандемии чумы, многократно усилив ее воздействие на население страны, особенно на городскую его часть. Недавно к этой точки зрения в целом присоединился Т.Ф. Хайдаров [35; 36; 37]. При этом нельзя не отметить, что для стилистики его работ характерно стремление не замечать вклад коллег в изучение данной темы, а также использовать их выводы и мысли, вплоть до названия статьи, выдавая за свои достижения и без ссылки на первоисточник [например, см.: 36]. Это заставляет вновь обратиться к анализу причин кризисных явлений в Улусе Джучи и уточнить собственные выводы на этот счет.

Каковы же были основные черты этого вызова? Наиболее популярным в советской историографии объяснением распада Улуса Джучи является концепция о росте сепаратизма отдельных местных феодалов, чье стремление к власти разорвало страну на враждующие области. Механизм этого процесса вполне ясно описан историками [см.: 32, с. 109–144; 16, с. 77–105; 13, с. 682–686, 691–694]. Главный конфликт, по их мнению, протекал между различными экономически и политически вполне самодавлеющими улусами и владеющими ими группировками знати, выдвигавшими своих претендентов на ханский трон. Они стремились овладеть центральным административным аппаратом с целью получить доступ к казне

империи, вершить ее внутреннюю и внешнюю политику для собственного обогащения. Все это ослабляло центральную власть и, таким образом, вело к сокращению внешнеполитической активности, что в свою очередь усиливало сепаратизм кочевой аристократии, видевшей в военных походах один из главных источников своего обогащения [4; 32; 9; 10].

Представляется, однако, что социальный фактор был все-таки достаточно поверхностным и внешним явлением в условиях, когда страну поразил системный кризис, и стал скорее спусковым механизмом политического кризиса, нежели его причиной. Преувеличение же социально-политических явлений может привести историков к парадоксальному выводу: центральная власть слабела от сепаратизма феодалов, тогда как главным их стремлением был захват сарайского престола и, следовательно, укрепление центральной власти! Вряд ли только одним сепаратизмом можно объяснить резкое ослабление империи Джучидов и усиление центробежных тенденций в 60–80-х гг. XIV в.

Экологический кризис: аридизация степи и трансгрессия Каспия. К сожалению, все аспекты данной проблемы подробно изложить невозможно из-за недостатка фактических данных, поэтому следует остановиться на ключевых моментах, наметить основные составляющие этого процесса. В первую очередь, видимо, надо указать на природные факторы, самый важный из которых – резкое усыхание степной зоны запада евразийских степей в XIV–XV вв. – подтверждается трудами ряда геологов, географов и даже историков [6; 7; 8; 1, с. 8–22; 27; 18; 16, с. 77–105; 17, с. 128–131]. Следует особо подчеркнуть, что все аграрные общества, к типу которых относилась и Золотая Орда, всегда испытывали зависимость от колебаний климата в целом и погодных условий в каждый год, в частности.

Улус Джучи в этом смысле являл собой территорию, которая зависела от изменений климата в гораздо большей степени, чем многие другие страны. Объясняется это тем, что эта страна лежала в центре евразийского материка и являлась зоной резко континентального климата, для которого характерны значительные перепады

климата и недостаток влаги. Уже вследствие этого территория Улуса Джучи была подвержена аридизации. Неслучайно значительную часть этой территории занимали степи и полупустыни.

Степи вообще являются экстремальным для жизни человека природной зоной, принимая во внимание их климат: естественные суровые климатические условия, такие как сухие и холодные северо-восточные и восточные ветра, резкий континентальный климат (обычно холодная малоснежная зима и жаркое сухое лето) и минимальное количество осадков – в определенные периоды времени все эти факторы могли действовать единовременно, и их абсолютные показатели могли быть близки к экстремуму. Важнейшим показателем взаимодействия всех этих факторов является наличие и распределение воды. По выразительному заключению эколога И. Иванова, «богатство видов и интенсивность жизни степи во всей ее истории, от плейстоцена до голоцена, определялась не столько похолоданиями и потеплениями и толщиной гумусного слоя, сколько уровнем увлаженности» (цит. по: [17, с. 129–130]). Аридизация степи и установление резкоконтинентального климата в Дашт-и Кыпчаке вела к уменьшению количества выпадавших осадков летом и установлению холодных малоснежных зим, что вело к постепенному наступлению песков на некогда благодатные степи (см. подробнее: [1, с. 8–22]). Сами по себе циклические изменения климата, которые происходят постоянно и постепенно, не могли бы нанести сильнейшего удара по хозяйству. Видимо, решающую роль в том, что последствия оказались столь трагичными, сыграло резонансное сложение ряда факторов. Главными из природных аномалий, очевидно, стали не просто ухудшение климата для ведения сельского хозяйства и аридизация степи, но из года в год повторяющиеся неблагоприятные годы – малоснежные холодные зимы, потепления и морозы весной, сухие ветра и жара летом, которые превзошли «запас прочности» сельского хозяйства.

Судя по тому, что мы знаем о скотоводстве в Улусе Джучи, наиболее многочисленными животными в составе его стада были овцы и лошади. Когда условия для хозяйствования были благоприятны, это способствовало росту благосостояния скотоводов и росту их стад. Но постепенно нарастали и негативные явления. Возросший в числе

скот, особенно овец, с одной стороны, наносил существенный урон ландшафту, вытаптывая и буквально «сжедая» траву, даже самую низкую; а с другой – огромная концентрация масс скота не позволяла скотоводам быстро перемещаться, выбирая нетронутые участки степи. В условиях недостатка влаги и суровых зим огромные массы овец были неспособны выжить, что вызывало массовый падеж скота. Примеров подобных экологических катастроф в истории Внутренней Азии было множество, так, например, изучение массовой гибели скота в XIX–XX вв. в Волго-Уральском междуречье показало, что кризис был спровоцирован годами благоприятных природных условий и, соответственно, резким увеличением поголовья скота (с 200 тыс. до 5 млн. голов), в котором 77% составляли овцы.

Скорее всего, именно с таким кризисом «перепроизводства» мелкого рогатого скота столкнулось население Улуса Джучи, когда в благоприятных климатических условиях оно стало наращивать поголовье овец. Но резко возросшее число овечьих отар стало интенсивно эксплуатировать почвы, способствуя их деградации. Ситуация стала кризисной тогда, когда неблагоприятные для сельского хозяйства годы перестали чередоваться с благоприятными, а стали, напротив, следовать один за одним. Сами же причины катастрофы земледелия очевидец описывает очень ярко и точно: «в год неурожайный, вследствие падежа, приключавшегося скоту их, или вследствие [сильного] снега и утолщения льда» [30, с. 235].

Для содержания крупного рогатого скота эти климатические изменения также были неблагоприятны, поскольку выпас их в степи в летнее время и стойловое содержание зимой требовали обильного травостоя. Сокращение пойменных лугов привело к уменьшению заготовок сена на зиму и, соответственно, вело к сдвигу хозяйств, выращивавших крупный рогатый скот для нижеволжских мегаполисов Золотой Орды к северу.

Эти природные катаклизмы нанесли также страшный урон и земледелию. Само по себе возделывание почв в этой зоне «рискованного» земледелия было кризисным, поскольку даже в условиях более-менее благоприятных считается, что во Внутренней Азии каждый третий год является неурожайным. Но в условиях, когда площадь возделанных земель постоянно сокращалась под воздейст-

вием общей аридизации, чередование этих неблагоприятных условий могло и, скорее всего, привело к катастрофе, которая ударила не только по полукочевому скотоводству, но и по земледелию. Свидетельствуют об этом, в частности, современники. Так, ал-Айни сообщал, что в 1302–1303 гг.: «...в землях Токты, оказались мор, засуха и дороговизна вследствие того, что они [жители] сеяли 3 года сряду и ничего у них не выросло, и что погиб весь их скот» [30, с. 513].

Другим свидетельством об этом являются записи секретаря при дворе египетского султана ал-Мелика ан-Насира, ал-Омари (ум. 1348/9 г.), кто, опираясь на рассказы, купцов и проповедников, побывавших в улусе Джучи, дал его описание. В этих записях есть один интересный рассказ очевидца: «Эта страна [одна] из самых больших земель [изобилующая] водой и пастбищами, дающая богатый урожай, когда сеется в ней [хлеб], но они [жители ее] народ бродящий и кочующий, обладающий скотом; у них нет [никакой] заботы о посевах и посадках. До покорения ее [этой страны] Татарами, она была повсюду возделана, теперь же в ней [только] остатки этой возделанности. ... Плоды, существующие у них в настоящее время, суть остатки того, что погибло из насажденного теми, кто был до них из таких [людей], у которых страсть к посевам и насаждениям» [30, с. 233]. Долгое время в отечественной историографии он являлся свидетельством в пользу «разрушительного монгольского нашествия, разорившего Восточную Европу». Но в настоящее время есть основания взглянуть на это свидетельство с другой стороны. Во-первых, оно противоречит тем историко-археологическим сведениям, которые есть у нас о хозяйстве населения восточноевропейской степи в XII – начале XIII в., которое было скотоводческим и только в некоторых районах Подонья сохранило очаги земледелия. Во-вторых, по данным археологии мы знаем о значительном развитии земледелия в сельской округе Улуса Джучи, что заставляет с сомнением относиться к свидетельству об «отсутствии заботы о посевах и посадках». Тем более, что далее тот же свидетель говорит о том, что в землях Улуса Джучи растут «разные деревья, разные плоды [как-то]: виноград, гранаты, айва, яблоки, груши, абрикосы, персики и орехи» [30, с. 233], что предполагает не просто возделы-

вание, но значительные навыки земледелия, особенно в отношении виноградарства. Далее он же отмечает, что в городах «разводится много овощей, как-то: брюква, репа, капуста и другие» [30, с. 234]. Иными словами, представляется, что автор описывает ситуацию, которая сложилась не сто лет назад, во время монгольского завоевания, а в 40-е гг. XIV в., когда в условиях климатических аномалий земледелие постепенно деградировало, а население переключалось на скотоводство, которое в этих неблагоприятных условиях было все же более жизнеспособным и гибким.

Одновременно, началась трансгрессия (повышение уровня) Каспийского моря, волны которого затопили значительную часть дельты Волги и многие поселения в ней, вплотную подступив к нижневолжским городам. По словам итальянского географа Марино Санудо (1320 г.), «море каждый год прибывает на одну ладонь и уже многие хорошие города уничтожены» (цит. по: [1, с. 15]). Повышения уровня Каспия были периодическими в разные десятилетия даже одного столетия и постепенными, а не катастрофическими, о чем свидетельствуют морские отложения на целом ряде нижневолжских археологических памятников. Но не вызывает сомнений факт, что наивысшей точки повышение уровня Каспия достигло в конце XIII – первой половине XIV в. (подробнее см.: [1, с. 15]). В любом случае затопление плодороднейших земель в низовьях Волги нанесло сильнейший удар по земледельческой округе, что способствовало подрыву экономической основы хозяйства Орды.

Черная Смерть: причины и последствия. В это же время всю Европу, как Западную, так и Восточную, постиг страшный демографический удар. Благоприятные климатические условия и улучшение жизни вызвали рост народонаселения. Численность населения, например, в Западной Европе в X–XIII вв. выросла почти в 2 раза. Видимо, так же резко увеличилось население и в Восточной Европе и, хотя монгольское нашествие нанесло большой ущерб населению, рост его продолжался даже более ускоренными темпами. На территории Золотой Орды он стимулировался политической стабильностью, появлением огромных городов и множества поселений. Трудно сейчас говорить о численности жителей Орды, но,

несомненно, она достигала нескольких миллионов человек. Ухудшение природных условий все чаще приводило к периодическим продовольственным кризисам. Засуха и голод следовали друг за другом. В ряде русских летописей прямо подчеркивается связь между засухой, голодом и мором: «Того же лета бысть сухомень велиа по всей земле и въздух куряшеся и земля горяше», а потом наступала «хлебна дороговь повсюду и глад велий» [20, с. 162]. За ними приходил «мор на люди велик и силен, а пришел изНизу от Бездежа, в Новьгород в Нижний ...Тако же и по всем градом был мор велик и страшен» [22, с. 113]. Связь между этими бедствиями не случайна, а вполне закономерна.

Голод гнал людей в города, где они вынуждены были даже продавать своих детей, о чем сообщают арабские географы [30, с. 231, 235]. Скопление людей, ослабленных недоеданием, в городах Поволжья, Крыма и Хорезма оказалось благоприятной почвой для болезней. Не исключено, что латентно существовавшие болезни в некоторых регионах, где обитали больные мелкие грызуны, выплеснулись в перенаселенные города, где стали собирать скорбную жатву, набирая силу до пандемии невероятных размеров. Наиболее страшной стала эпидемия бубонной чумы, которая к середине XIV в. несколько раз кругами возвращалась в Дашт-и Кыпчак, буквально выкашивая население, особенно в перенаселенных городах. Русский летописец писал об этом «великом море» под 1346 г.: «Быть от бога на люди под восточною страную, на город Орначь и на Хозторокань и на Сарай и на Бездеж и на прочие грады в странах их, бысть мор силен на Бесермены и на Татарове и на Ормены и на Обезы и на Жиды и на Фрязы и на Черкасы и, на всех томо живущих, яко не бе кому их погребати» [21, с. 57; 23, с. 57, 76–77].

Эпидемия 1346–1350 гг. нанесла колоссальный удар по всей Европе, собрав смертельную жатву с ее населения. По подсчетам демографов, в Европе «Черная смерть» унесла жизни почти 20 млн. человек или до 25%, а в ряде плотно населенных мест до 90% населения [28, с. 84–90; 25, с. 220–239; 29, с. 78–131]. Например, население Англии сократилось примерно на одну треть обитателей [28, с. 78]. Судя по некоторым документальным свидетельствам, ле-

тальность этой пандемии составляла 70–80% от заболевших, но в отдельных местах она могла достигать даже 100% случаев.

Для Улуса Джучи этот удар оказался особенно страшен. По словам современника, арабского историка и географа Ибн-ал Варди, «в землях узбековых» произошла эпидемия чумы, от которой «обезлюдели деревни и города». Он же пишет, что ежедневно в Крыму умирало до тысячи человек, а всего там умерло более 85 тысяч жителей [30, с. 498, 530]. Последствия шествия Черной Смерти по Орде, судя по этим данным, были просто катастрофическими для всей хозяйственной, демографической и социальной структуре государства. Особенно невосполнимым оказался урон, нанесенный городам и их окрестностям в Поволжье и Северном Причерноморье. Можно сказать, что именно с этого времени начался закат городской жизни в Нижнем Поволжье и Нижнем Поднепровье [см.: 25, с. 220–239; 26].

Экономический и социально-политический кризис. Упадку хозяйства Улуса Джучи во многом способствовал также кризис трансазиатской торговли. Основой этой беспрецедентной системы евразийской торговли, важнейшим отрезком которой являлась территория Улуса Джучи, являлись три обстоятельства.

Практически все главные торговые пути имели не просто направление в пространстве, но четко организованную инфраструктуру. Первым шагом к этому стало создание системы бесперебойно функционирующих коммуникаций – ямов (йамов/джамов) – почтовых станций с лошадьми и караван-сараями. Здесь гонцы, чиновники и другие уполномоченные, следовавшие по официальным делам, могли отдохнуть, сменить лошадей и получить продовольствие. Обычно ямы располагались на расстоянии 30–60 км между собой, т.е. на длину дневного перехода на всех важнейших караванных путях, связывая различные города и порты страны, плотной сетью покрывая всю территорию Улуса Джучи. В период становления Монгольской империи эти ямы являлись частью государственных мероприятий по освоению вновь завоеванных земель, обеспечивая быструю и бесперебойную почтовую связь с самыми дальними пределами империи. Ямская повинность была одной из важнейших государственных повинностей населения, избавление от которой

особо оговаривалось в тарханных ярлыках, например, русскому духовенству. Кроме чисто государственных интересов – быстрого распространения важной государственной информации во все концы страны, система ямов, вместе с возникшими рядом с ними караван-сараями, представляла собой важнейшие торговые артерии страны, по которым беспрепятственно и безопасно двигались караваны с товарами от портов Крыма до Каракорума и Ханбалыка. Яркое описание этого пути из Кафы в Сарай, а из него – в Ургенч и оттуда в Индию, дал в начале XIV в. путешественник и географ Ибн Батутта. Это были не только пути движения материальных ценностей, но информации – культурных и технологических достижений, религиозных проповедников. Недаром часто караван-сарай служили вакуфом для какой-либо суфийской общины, и близ этих караван-сараяев возникали святые места, мечети и ханака – странноприимные дома и суфийские обители.

Одновременно ямы служили узлами, стягивавшими огромную империю в единую систему. Они не только обслуживали властные полномочия ханов, но и обеспечивали сохранность и безопасность магистральных путей. Флорентийский негодант Пеголотти, описывая торговые пути Евразии, отмечал: «Путь из Таны в Китай по словам купцов, совершивших это путешествие, вполне безопасен и днем и ночью; только если купец по дороге туда и обратно умрет, то все его имущество передают государю страны, в которой он умер, и будет взято его чиновниками, но если вместе с ним там окажется его брат или близкий друг, который скажет, что он – брат умершего, то ему и будет отдано имущество умершего, и оно, таким образом, будет сохранено» [40, с. 21–23]. Сохранность и практически полная безопасность купцов и их товаров на всем пути от Причерноморья до Китая, способствовали резкому росту торговли в Евразии. Во многом этому благоприятствовала также сложившаяся торговая конъюнктура. Старые традиционные торговые пути из Леванта в Северное Средиземноморье были потеряны после череды поражений крестоносцев в Палестине и Сирии в конце XII в. и вернули свое значение в XIII–XIV вв. из-за монгольских завоеваний и войн между Хулагуидами и мамлюками Египта.

По магистральному торговому пути, начинавшемуся в Китае и проходившему через Орду, шли многие необходимые для Западной Европы товары – пряности, специи, красители, шелк, хлопок, драгоценные камни, хлеб и рабы [20, с. 60–91]. Этот поток товаров, чрезвычайно ценившихся на рынках Европы, обогащал посредников и служил одной из основ благосостояния всех городов Дашт-и Кыпчака. С торговлей были связаны не только поступления в казну от торговых пошлин, но и благополучие многочисленной obsługi: караванщиков, проводников, охраны, владельцев караван-сараяв, ремесленников и т.д. Кроме того, многие мастерские занимались изготовлением предметов на продажу и переработкой полуфабрикатов. Все они очень чутко реагировали на любые изменения торговой активности.

Другим важным условием служило создание стабильной до определенных пределов денежно-финансовой системы Улуса Джучи. Уже в середине XIII в. была создана своя денежно-весовая система, основой которой стал серебряный дирхем (йармак) весом 1,56 г. Позднее эта система была упорядочена ханом Токтой в 1310/11 г. и с некоторыми изменениями просуществовала вплоть до гибели государства, а в некоторых регионах – и позднее. Одновременно выпускались и медные монеты, пропорциональные ценности серебряной монеты, которые имели хождение внутри страны и за ее пределами, а в некоторых государствах (например, Московском великом княжестве) она стала основой возникшей денежно-весовой системы. Стабильность и кредитоспособность торговцев Улуса Джучи способствовало не только укреплению их связей со Средиземноморьем, но и появлению передовых форм кредитно-финансовых систем – банков и векселей. По аналогии с Юаньским Китаем, возможно, на территории Улуса Джучи имели хождение и бумажные деньги – государственные векселя.

Способствовало этому также унифицированная весовая система. В Улусе Джучи действовала обычная восточная система, основой которой служил мискаль, состоявший из 100 ратлей (455,7 г). Одна десятая часть ратля составляла вес 4,68 г и соответствовала обычному сарайскому дирхему. Вес его в 1,56 г складывался из двух данников по 0,78 г, вес которых составлял 1/6 часть мискаля.

То есть обычный мискаль составлял 144 весовых норм дирхема [см.: 34; 19]. Единообразие и сопоставимость денежно-весовых систем с весовыми системами Востока делала рынок Золотой Орды открытым для взаимодействия с разными странами, привлекая торговцев со всего мира.

Укрепление денежно-весовой системы вместе со стабилизацией торговли сделали доходы от торговли важной составляющей бюджета страны. Некоторые историки вообще считают ее основной статьей пополнения государственной казны [2, с. 69; 11, с. 66–97]. В разные годы таможенные сборы, т.н. тамга и пошлины, вероятно, варьировались от складывавшейся конъюнктуры, способа продажи и сорта товара. В XIII в. тамга, видимо, не превышала 10% от стоимости сделки. Но уже в конце XIII – начале XIV в. она была, очевидно, снижена и в Причерноморье доходила до 3% [5, с. 92]. Учитывая огромный товарооборот за счет собственных товаров и, особенно, транзитной торговли, можно только предполагать поистине колоссальные прибыли государственной казны и местных властей. Крупнейшими торговыми центрами транзитной торговли являлись порты Северного Причерноморья, служившие источниками огромных прибылей [см.: 11; 14; 5]. Например, постановление Сената Венеции от 30 декабря 1343 г. прямо подчеркивало их значение, указывая, что «В тех районах (наши) купцы извлекают самую большую выгоду и прибыль, так как там – целый источник товаров...» (цит. по [14, с. 302]). Это не удивительно, поскольку товарооборот только итальянских купцов в Причерноморье достигал сотен тысяч дукатов и составлял примерно около трети всего товарооборота, например, Генуи. Точную прибыль от внешней торговли и сумму таможенных сборов в Улусе Джучи вряд ли можно будет вычислить достаточно точно, но ясно, что она являлась весьма существенной частью бюджета Улуса Джучи.

Вместе с тем вовлеченность в евразийскую торговлю ставила экономику Золотой Орды в зависимость от колебаний мировой торговой конъюнктуры. Но если итальянские торговые республики могли менять направление своих торговых контактов, то для Улуса Джучи резкое сокращение товарооборота со странами Средиземноморья было невосполнимой утратой.

Спад в международной торговле начался еще в 40-х гг. XIV в. и достиг пика во второй половине века. Вызван он был рядом причин, среди которых освободительное восстание в Китае против монгольской династии Юань, нестабильное положение в Средней Азии и Могулистане, эпидемии чумы, смута в Анатолии после распада державы Ильханов, а также вспышка войны между основными средиземноморскими торговыми державами – Генуей и Венецией. Все это вызвало ограничение товарооборота между Востоком и Западом, резко подорвав экономическое положение нижеволжских городов.

Другим составляющим кризиса стало расстройство денежно-весовой системы страны [34, с. 15–17; 19, с. 81–118]). В 1370-е гг. монетная чеканка в Нижнем Поволжье скудеет и не может обеспечить страну серебряной монетой. Судя по монетнымкладам, возрастает число монет местной чеканки, тогда как в первой половине XIV в. преобладали выпуски монет из Сарая ал-Джадид и Гюлистана. Другим следствием Черной Смерти и экологических кризисов стало увеличение числа кладов, что указывает на стремление населения страны копить деньги, а не пускать их в оборот. По данным Г.А. Федорова-Давыдова, на 60–70-е гг. XIV в. приходится более 70% кладов монет, зарытых между реформами 1310/11 и 1380 гг. [31]. Следствием этого стало извлечение серебряных денег из денежного обращения, а также увеличение оборота обрезанных и медных монет, а также монет более низкой весовой нормы. Все это является свидетельствами глубокого кризиса, поразившего товарно-денежные отношения в стране, превратив ее из развитой рыночной страны в конгломерат территорий, ведущих натуральное хозяйство. И хотя периодически происходила некоторая стабилизация и даже оживление торговли, этот рост не был устойчивым вплоть до 1380–х гг.

Только в конце XIV в. наметился медленный выход из кризиса, несколько ожививший мировую торговлю [14, с. 60–63, 300–331], но он способствовал только некоторой стабилизации ситуации в Улусе Джучи, поскольку за годы смуты была полностью уничтожена инфраструктура трансзиатских торговых магистралей.

Усиление могущества клановой аристократии и рост сепаратизма регионов. Нельзя сбрасывать со счетов, конечно, и соци-

ально-политические процессы. За сто лет своего существования Улус Джучи не только пережил становление, но и достиг высокого уровня развития общества.

Внутри страны происходили сложные процессы, которые вели к феодализации ее территории, а уже к XIV в. здесь достаточно заметны черты высокоразвитого феодализма, для которого характерна именно децентрализация владений и власти [32, с. 109–138]. Долгое время эта система уравнивалась сильной центральной властью и была достаточно стабильной, но в неблагоприятных условиях она стала быстро трансформироваться и распадаться.

По письменным источникам явно заметен рост могущества как улусбеков, так и стоявшей за ними клановой татарской знати – владельцев более мелких ленных владений – икта и суйургалов. Экономическая мощь их базировалась на развитом скотоводстве и земледелии, а также на участии в дележе государственных налогов и других доходов, а политическая – на влиянии их кланов в системе имперской власти. Сильная судебная и административная власть в пределах подчиненных им улусов давала им для этого важные финансовые и политические рычаги. Кроме того, многие крупные феодалы становились во второй половине XIV в. тарханами, то есть владельцами безусловных держаний, освобожденных практически от всех налогов и повинностей в пользу хана [32, с. 124–134]. Материальные ресурсы некоторых из них были просто колоссальными. Так, арабские источники указывали, что некоторые эмиры крупных владений, получая от них доход до 100–200 тысяч золотых динаров, могли содержать войско в 5 тысяч хорошо вооруженных всадников [30, с. 244]. Кроме обширных владений и значительного числа военных отрядов, татарская аристократия, объединенная в кланы, имела своих представителей в придворных кругах и столичном чиновничестве, благодаря чему кланы имели также солидные поступления от сбора налогов и пошлин. Судя по историческим данным, число высших эмиров, собиравшихся на курултай, варьировалось от 50 до 70 человек [30, с. 168]. Очевидно, эти эмиры составляли высший слой татарской клановой аристократии.

Вместе с тем, в социальной жизни страны в XIV в. наметились новые тенденции. Все чаще бывали случаи превращения улусбека-

ми своих владений, включавших города и кочевья, в полунезависимые владения. С одной стороны, мелкие феодалы и города, бывшие опорой власти ханов, стали подпадать под власть более могущественных эмиров и улусбеков, видя в этом единственную возможность ослабить влияние природных и социальных действий. С другой – выросло число кланов, могущество которых возросло, а место в клановой иерархии оставалось второстепенным. Они рвались к власти, но их амбиции сдерживала существующая правящая четырехклановая система. Представители этих кланов, используя силу традиции, ресурсы ордынской казны и вооруженные силы империи, не позволяли претендовать на повышение своего статуса другим кланам, не входившим в число правящих.

В принципе, эта этнополитическая система была достаточно стабильной и обеспечивала преемственность и устойчивость власти в Улусе Джучи. Ее единство не могла поколебать даже попытка Ногая узурпировать власть во второй половине XIII в. Однако в результате пандемии Черной Смерти, очевидно, именно традиционные правящие кланы понесли значительные потери и стали терять свое влияние. Ослабление их власти вызвало желание у других кланов занять их место. Однако в существовавшей в Улусе Джучи политической и этносоциальной системе достичь власти можно было только в том случае, если клан мог привести к власти хана, связанного с ним теми или иными родственными узами. Система из четырех правящих кланов, которая в обычных условиях делала государство стабильным, в условиях пандемии чумы и природных катаклизмов стала причиной жестокой борьбы за власть и источником политической деконсолидации. Очевидно, что целый ряд кланов начал борьбу за власть, используя в качестве предлога выдвижение собственного султана из рода Джучи, надеясь с его помощью сместить другие кланы и занять главенствующее положение при дворе. Но поскольку претендентов было много, а поддержкой большинства крупных и знатных кланов не пользовался никто, то это привело к хаосу и полному падению авторитета ханской власти. Так, описывая ситуацию в стране, сложившуюся после смерти Бирдибека, историк Ибн-Халдун писал: «Было также (кроме Мамая – *И.И.*) несколько [других] эмиров монгольских, поделившихся в управлении

владениями в окрестностях Сарая; они были несогласны между собою и правили своими владениями самостоятельно. Так, Хаджи-Черкес завладел окрестностями Астрахани, Урус-хан своими уделами; Айбек-хан таким же образом. Все они назывались походными эмирами» [30, с. 289].

Политическим поводом для взрыва центробежных сил послужила борьба за ханский престол сразу нескольких Чингизидов, каждый из которых имел права на державу предков и многочисленные отряды сторонников. Ухудшение природных условий, упадок земледелия и скотоводства, затухание торговли и ремесла, уменьшение притока дани и военной добычи в Поволжье, разлад денежного обращения, ослабление власти и влияния центральных органов управления, служившие фоном для усиления мощи отдельных кланов и стремления их к рычагам центральной власти, все это стало чертами нарастающего кризиса. Именно эти причины неумолимо поставили вопрос о существовании империи, а все попытки ответа на вызов времени оказались неудачными.

В период междоусобных войн, удачно названных в русской летописи «замятней великой», страна разделилась на три больших части. Одна область – европейская часть Орды западнее Волги, где правил от имени ханов Мамай, в русских летописях стала называться «Мамаева Орда», вторая – Нижнее Поволжье с центром в Сарай ал-Джадиде получила название «Муротова Орда», и третья – земли Кок-Орды. Разумеется, на деле таких частей было гораздо больше. Они периодически появлялись, завоевывались или распадались, особенно на окраинах страны.

С этого времени в Улусе Джучи начинается длительный период упадка, пошел распад единого государства. Начавшаяся междоусобица и потеря развитых областей, таких как Булгария, Хорезм и Мухша, несли с собой также ухудшение финансового положения и углубление спада в торговле и ремесленном производстве. Из-за опасности быть подвергнутым нападению прекратилось регулярное функционирование караванных путей, и, как следствие, нарушился ввоз сырья и вывоз продукции ремесла. Происходил постепенный упадок земледелия и запустение оседлых поселений в Поволжье. Столичные города стали обносить стенами. На волне ослабления

центральной власти укрепляли свою самостоятельность правители Руси, Булгарии, Мухши, Хорезма и других улусов. В условиях междоусобицы именно они, довольно стабильно развивавшиеся области, стали объектами борьбы ханов за выплату дани, манипулирования претендентами на власть и карательных набегов. Все эти действия разрушали привычный порядок и вызывали желание отстоять свои земли от посягательств самозванных ордынских правителей.

Запольшавшая внутренняя война и отпадение ряда провинций, особенно таких как Крым и Хорезм, несли с собой также углубление спада в торговле и ремесленном производстве. Из-за военной опасности прекратили регулярно функционировать караванные пути, и, как следствие, нарушился ввоз сырья и вывоз продукции ремесел. Продолжался упадок земледелия и запустение оседлых поселений в Поволжье.

Описанные события, перенасыщенные заговорами, битвами, при обилии сменяющих друг друга правителей, создают ощущение головокружительного спуска с горы. Действительно, это было время, когда держава стремительно катилась в пропасть и задержалась на самом краю. Действительно, годы «великой замятни», когда вся Золотая Орда в течение двадцати лет кружилась в кровавой круговерти, прошли роковой межой, разделившей ее историю. Отныне, диктуемая совокупностью объективных причин и интересов людей, деятельность политиков, какие бы цели они при этом не преследовали, постепенно свелась к борьбе за единство или раздробление страны. И, хотя железная логика необходимости пробивала себе дорогу, находились люди, смеющие бросить ей вызов.

Еще одним следствием ослабления центральной власти, череды эпидемий и экологических кризисов стал распад внутренних связей в стране. Фактически в условиях этих бедствий, а также наступивших политических катаклизмов, целый ряд процветающих областей (Крым, Хорезм, Мухша, Булгария) оказались в состоянии вакуума власти и вынужденной автономии. В меньшей степени подверженные экологическим кризисам, чем Нижнее Поволжье, они сохранили экономическую устойчивость или быстро оправились от пандемии чумы. В условиях распадающихся внутренних связей и натурализации хозяйства они меньше всего нуждались в едином государ-

стве, тяготея к обособлению. В ряде случаев обособление от центральной власти опиралось на давние и полузабытые традиции прежнего регионального единства. Недаром в условиях междоусобицы страна начала раскалываться по старым границам, очевидно, имевшим некоторую хозяйственно-культурную основу – Крым, Булгария, Мухша и Хорезм.

Стремление к децентрализации находило поддержку и в полунезависимых вассальных регионах, где всегда была сильна тенденция к отделению от Орды. Наиболее явственно это прослеживается на Руси. Здесь именно в это время не просто укрепляются силы, готовые противостоять власти «ордынского царя», но и возникает идеологическое обоснование этой борьбы за освобождение от власти «басурман».

Вместе с тем, вопреки мнению ряда историков [10, с. 56–58], нельзя преувеличивать стремление к сепаратизму ордынских эмиров в середине XIV в. Как бы то ни было, большинство из них боролось между собой именно за овладение сарайским престолом.

В условиях хозяйственного и политического кризисов в стране в регионах возникли и укрепились силы, стремившиеся бороться за сохранение власти в пределах своих владений, но получить перевес они смогли только в начале XV в. До тех пор, пока сохранялась единая политическая власть (хан и его администрация) и экономические связи (торговля, единая денежная система), Улус Джучи оставался единым.

Это ярко демонстрирует, что стремление к объединению страны и возрождению ее великодержавия не потеряло своей исторической инерции. Выразителем этих интересов стал хан Токтамыш (1380–1396 гг.), опиравшийся на военные силы татарских кланов, которые прочно утвердились в Кок-Орде и Сарае, потеснив прежних властителей. Взойдя на трон он «послы своя отпусти ... ко всем князем русским, поведая им свои приходь и како воцарися, и како супротивника своего и их врага Мамайя победи, а сам шед седеет на царстве Волжском» [23, с. 141].

Таким образом, становится ясно, что ни одна причина сама по себе не могла вызвать столь масштабный кризис, который поразил Улус Джучи, фактически поставив его на грань выживания. Напри-

мер, нельзя согласиться, что «Черная смерть» стала Рубиконом для существования Золотой Орды [37]. Страна и ее население не только пережили первую волну пандемии, но и стали возрождаться, а на внешнеполитической арене достигли определенных успехов. Никакие «грызуны из Средней Азии» [36, с. 327] не смогли бы сократить численность городского населения и предопределить упадок городской цивилизации. Прекрасный пример дает в этом смысле Византия, которая успешно выходила из многих кризисов в своей истории.

Дестабилизация Улуса Джучи была вызвана целым рядом причин, которые в комплексе могли и дали эффект нарастающего кризиса всех сторон жизни. Войны в Китае и падение империи Юань повлекли прекращение масштабной караванной торговли, что привело к сокращению поступления серебра в страну, изъятию монет из обращения и тесаврации их в клады, а также к постепенному запустению караванных городов в силу резкого сокращения движения товаров по торговым путям. Снижение доходов столичной аристократии вызвало желание пополнить казну за счет регионов, что вызвало сопротивление региональных властей. Все это происходило на фоне резкого ухудшения климатических и природных условий, которые губительным образом повлияли на условия развития сельского хозяйства, особенно земледелия на Нижней Волге и скотоводства в Заволжье и Приаралье.

Это был своего рода «идеальный шторм», когда все условия начинают складываться самым неблагоприятным образом. Одна дестабилизирующая причина усиливает другую, а та в свою очередь способствует возникновению следующей. Так происходит нарастание и сложение причин и последствий кризиса, усугубляя общую ситуацию. В этом смысле история Улуса Джучи середины и второй половины XIV в. – это период следовавших один за другим нараставших кризисов. Но, если брать точку невозврата, то это будет свержение и гибель Идегея в 1420 г., после которой наступила настоящая агония великой империи. До этого момента ситуация, и военно-политическая, и хозяйственно-экономическая, была неустойчивой, когда чаша исторических весов могла склониться в ту или другую сторону, шло чередование периодов стабилизации (например, первые годы правления Токтамыша в 1380–1391 гг. или

правление Идегея в 1399–1410 гг.) и резкой дестабилизации во время нашествий эмира Тимура в 1391 и 1395–1396 гг.

Вполне возможно, что из природно-экологического и даже торгово-хозяйственно кризиса страна могла бы выйти, хотя и с большими потерями, но сохранив часть городской инфраструктуры и значительную часть страны. Однако выстоять против множественного давления разного рода дестабилизирующих условий, особенно военно-политического кризиса, империя Джучидов оказалась неспособна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексин А., Гумилев Л.Н. Каспий, климат и кочевники Евразии // Татарская археология. 1997. №1. С. 8–22.
2. Губайдуллин Г. (Газиз Г.) История татар. М.: Московский лицей, 1994. 190 с.
3. Горелик М.В., Измайлов И.Л. Военное дело Улуса Джучи. Вооружение // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 396–405.
4. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 479 с.
5. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 276 с.
6. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века (Ландшафт и этнос. V) // Вестник ЛГУ. 1966. № 18. С. 81–90.
7. Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной Евразии // История СССР. 1967. № 1. С. 53–66.
8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. 2-е изд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 495 с.
9. Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М.: Наука, 1980. С. 174–213.
10. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.
11. Еманов Е.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XIV вв. Тюмень: МИ «РУТРА», 1995. 225 с.

12. Измайлов И.Л. Экологические катаклизмы // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 682–686.

13. Измайлов И.Л. Экономический и социально-политический кризисы // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 691–694.

14. Карпов С.П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.

15. Кирпичников А.Н. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия // СА. 1957. № 3. С. 60–76.

16. Кульпин Э.С. Золотая Орда. М.: Московский лицей, 1998. 220 с.

17. Кульпин Э.С. Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации // Цивилизации. Вып. 6. М.: Наука, 2004. С. 127–157.

18. Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Судьба степей. Новосибирск: Мангазея, 1997. 208 с.

19. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 192 с.

20. Петров А.М. Великий шелковый путь (о самом простом, но мало известном). М.: Восточная литература, 1995. 127 с.

21. ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

22. ПСРЛ. Т. XI. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.

23. ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.

24. ПСРЛ. Т. 30. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., Наука. 1965. 240 с.

25. Руссев Н.Д. «Безносая привратница эпох»: Черная смерть на Западе и Востоке Европы // Stratum Plus. 1997. С. 220–239.

26. Руссев Н.Д. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII–XIV вв. Кишинев: ВАШ, 1999. 240 с.

27. Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды (итоги предварительного исследования). Уфа: УНЦ РАН, 1997. 68 с.

28. Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М.: Высшая школа, 1976. 249 с.

29. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. Кн. I: Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. 468 с.

30. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.: Тип-я ИАН, 1884. 564 с.
31. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет. Основные периоды развития денежного обращения в Золотой Орды // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 92–192.
32. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
33. Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 1998. С. 38–59.
34. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
35. Хайдаров Т.Ф. Эпидемия «Черной смерти» в русских княжествах и в Золотой Орде (1345/46–1430): предпосылки и последствия // Исторический часопис. 2015. Vol. LXIV, pp. 189–222.
36. Хайдаров Т.Ф. Природные и социально-экономические кризисы в Золотой Орде // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы: Институт археологии, 2016. С.639–656.
37. Хайдаров Т.Ф. Рубикон Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. №2. С. 314–335.
38. Шамильоглу Ю. Черная смерть и ее последствия // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 686–691.
39. Byrne J.P. The Black Death. Westport, L.: Greenwoode Press, 2004. 232 p.
40. Pegolotti F.B. La pratica della Mercatura. Ed. by Allan Evans. Cambridge (Mass.), 1936. 443 p.
41. Schamiloglu U. Climate change in Central Eurasia and the Golden Horde // Золотоордынское обозрение. 2016. №1. С. 6–25.

ЭПИДЕМИЯ ЧУМЫ В XIII–XIV ВЕКАХ И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Т.Ф. Хайдаров

На рубеже XIII–XIV вв. на пространствах Евразии разразился системный кризис, усугубившийся резким изменением климата, трансгрессией среднегодовых температур и количества выпавших осадков, ростом сейсмической активности [12, с. 364]. Попытки европейских монархов выйти из сложившегося кризиса путем концентрации основных финансовых потоков с помощью подчинения своей власти крупных землевладельцев, поддержки средневековых городов и внедрения новых технологий в сельское хозяйство, привели лишь к осложнению внешнеполитической обстановки в Европе (первая общеевропейская война за рынок – Столетняя война (1337–1453)) и к углублению экономического кризиса с последующим банкротством основных финансовых институтов развитого Средневековья (католической церкви – Авиньонское пленение пап, ордена Тамплиеров и итальянских банков) [7, с. 139]. В то же время в Центральной Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке стала наблюдаться тенденция по освобождению от власти монгольских ханов и воссозданию независимых крупных государственных объединений.

В Европе системный кризис очень быстро усугублялся из-за резкого падения престижа основного носителя политической идеологии «латинского единства» – католической церкви. Основной причиной этого падения было общее обмерщание церковных структур и стремление престола Св. Петра получить контроль над светскими властями. Поэтому возникшие антицерковные движения (ереси) [катары или альбигойцы, патарены, тиссераны (ткачи)], зачастую наравне с существовавшими требованиями возврата к первохристианским ценностям полностью подвергали критике сложившийся церковный строй [26, с. 423].

Попытки папских властей в первой половине XIII в. выйти из надвигавшегося церковного кризиса путем организации церковного

суда (инквизиции) [7, с. 175] и создание новой идеологической основы с помощью монашеских орденов францисканцев и доминиканцев [10, с. 62], положения не выправило. Наоборот, видимым результатом этой неудачной церковной реформы стало резкое увеличение антицерковных движений, интеллектуальным базисом которых стали апокалиптические настроения [30], вызванные резким ростом смертности народонаселения вследствие ухудшения климатической, эпидемической и экономической обстановки [37].

Как отметили современенные исследователи, большую роль в углубление общеевропейского кризиса сыграла пришедшая с востока эпидемия *Черной смерти*. Согласно умершему от неизвестной болезни итальянскому хронисту Маттео Виллани, родиной чумы являлись Китай, Северная Индия и Ближний Восток. Более конкретный регион происхождения болезни в районе Гималаев указывают арабские географы Ибн ал-Варди и Ибн Баттута. Найденные археологами в районе озер Балхаш и Иссыкуль остатки неохристианских катакомб и многочисленные находки позволили не только датировать вспышку чумы около 1330 г., но и определить пути распространения чумы на запад. Ими стали торговые пути, начинавшиеся в Китае, Северо-Восточной Индии и Трансоксании. В 1346 г. вспышка Черной смерти фиксируется в районе Западного побережья Аральского моря и золотоордынского города Хаджитархан. Последующее распространения эпидемии в Волго-Донском регионе и причерноморских степях зафиксировано в трудах крупных византийских историков Никифора Грегора и Иоанна VI Кантакузина [45, s. 33].

В конце 1347 г. чума на борту генуэзских галер оказывается в Мессине и Марселе. Весной 1348 г. она вспыхивает на Пиренейском полуострове и в крупных итальянских городах. Очень скоро Венеция, Генуя и Флоренция превращаются в мертвые города. Эмоциональное восприятие этого события отражено в предисловии к «Декамерону» [45, s. 57].

Примерно в это же время, как следует из данных исторических источников, волна эпидемии, поднявшись вверх по реке Гаронна, охватывает города Тулузу и Бордо и выходит на Атлантическое побережье Франции в районе Гаскони. Здесь она губит младшую дочь французского короля Филиппа VI, принцессу Жанну, отправ-

лявшуюся на свадьбу с кастильским наследником трона. Вскоре после этого чума была отмечена в Париже.

В конце лета эпидемия в «обход крупных портов» достигает Британских островов. В начале 1349 г. *Черная смерть* вспыхивает в Шотландии и Ирландии. Впрочем, многие жители «изумрудного острова» смогли пережить эпидемию, спрятавшись в горах и горных территориях, но и их она безжалостно и неожиданно «уничтожила повсюду самым жестоким образом» в 1357 г. [44].

Параллельно с английской вспышкой *Черной смерти* осенью 1348 г. чума фиксируется в Норвегии, Шлезвиг-Голштинии, Ютландии и Далмации. В 1349/1350 гг. – в Германии и в Польше. В 1352 г. болезнь была зафиксирована в самых отдаленных уголках Европы (на Балеарских островах, в Гренландии). Причем единственным местом, не затронутым чумой, остается Исландия. После 1352 г. исторические источники фиксирует снижения заболевания в Европе.

Столь быстрое распространение *Черной смерти* в Европе ученые связывают как с наличием в Европе крупных рек [44], так и с появлением легочной формы чумы [45, с. 37]. В западной историографии было признано, что наравне с массовой убылью населения, видимым последствием эпидемии стал общий экономический кризис, приведший в эпоху Возрождения к серьезным изменениям в религиозных воззрениях, жизненном укладе, культуре и политической сфере.

Несколько по иному складывалась ситуация на Востоке. Исходя из летописных данных, можно сделать вывод, что в 1346 г. *Черной смертью* оказались охвачены нижневолжские и причерноморские степи, города Сарай, Хаджитархан, Бельджамен и Орнах в устье Дона, а также народы Закавказья [34, т. 15, л. 279, с. 57].

Наиболее спорным моментом первой вспышки чумы в Золотой Орде является упоминание города Ворначь (Орначь). Скорее всего, под этим названием следует понимать не среднеазиатский Ургенч, а один из золотоордынских городов, находившихся либо на Северном Кавказе, о чем свидетельствуют упомянутые народы, либо в устье Дона [29, с. 225], на что указывают Карамзин и упоминание, возможно, ближайших ордынских городов (Хаджи-Тархан, Сарай,

Бельджамен) [20]. Отчасти доказательством этого предположения может служить тот факт, что в перечислении не указываются другие среднеазиатские центры.

Свидетельством дальнейшего продвижения *Черной смерти* в землях Золотой Орды являются средневековые хроники флорентинца Маттео Виллани и Габриэле де Мусси. Проживая в Кафе (Феодосия) во время осады войсками золотоордынского хана Джанибека (1346–1347), они смогли сделать очень много записей относительно неизвестного ранее европейцам заболевания. Согласно представленной ими информации, чума в городе возникла весной 1347 г., когда татары при помощи катапульт устроили бомбардировку телами умерших от чумы. После чего в Кафе разразилась вспышка неизвестной ранее болезни. У всех заболевших и умерших наблюдались характерные для *Черной смерти* симптомы (сыпь в паховой области и боль в суставах). Вследствие незнания городскими врачами природы болезни, оказание последующей медицинской помощи зачастую не было эффективным [16, с. 52]. Очень скоро умерших внутри городских стен стало так много, что горы тел были видны осаждавшим татарам. Христиане попробовали захоронить мертвых в водах Черного моря, но очень скоро воздух и местные грунтовые воды оказались отравленными трупным ядом. Оставшиеся в живых жители вынуждены были обратиться в бегство. Однако спасшиеся продолжали сеять яд чумы среди жителей тех мест, где останавливались [45, с. 20].

Более подробную информацию о крымской вспышке чумы 1347 г. можно найти у арабоязычных авторов ал-Айни [38, с. 529–530] и Ибн ал-Варди [38, с. 498]. Согласно данным этих источников, перед тем как через два года чума объявилась в окрестностях Рума (Константинополь), она убила в Крыму более 85000 человек. Подтверждают данные о длительности чумы появление в текстах русских летописях даты 1348 г. [34, т. 22, ч. 1, л. 253, с. 410]. Косвенно на это указывают упоминания днепровских городов (Киева, Чернигова и Полоцка), находившихся на тот момент в прямой вассальной зависимости от Улуса Джучи [34, т. 23, с. 110]. В 1351–1353 гг. Мор, схожий с восточными странами, был зафиксирован в Пскове, Новгороде и Ладоге [34, т. 37, с. 73].

Эта вспышка чумы для ордынских городов не стала полностью катастрофой, и если бы не разразившаяся после смерти Джанибека *Великая жамия*, численность населения Улуса Джучи очень скоро достигла бы «дочумных» величин [24, с. 113]. Впрочем, первая волна чумы имела куда больше последствий, чем это казалось на тот момент времени. В первую очередь эпидемия стала уносить носителей знаний в области ремесел и представителей купечества. Это в итоге привело к началу глубочайшего экономического кризиса, характеризовавшегося началом упадка ордынских городов и ухудшением качества готовых изделий, ускорением децентрализации страны и постепенным изменением культурного кода среди населения. Основными носителями последнего и являлись наиболее образованные в Золотой Орде высшие круги городов Булгарского улуса. Прямым свидетельством этих процессов стало исчезновение после 1356 г. из обихода языка волжских булгар [50, с. 453].

Наиболее страшной по последствиям для Улуса Джучи стала начавшаяся в 1363 г. вторая волна чумы. Именно она затронула все крупные городские центры Поволжья и Северо-Восточной Руси. Наиболее полная версия этих событий представлена в тексте «Рогожского летописца», где этому событию посвящен отдельный рассказ «О мору великом». Согласно летописному свидетельству, чума возникла в 1363 г. близ ордынских городов Бельджамен и Сарай. Упоминание этих населенных пунктов ставить под сомнение господствовавший в отечественной историографии тезис об исключительной роли в распространении чумы северо-западных русских городов (Пскова, Новгорода, Смоленска, Ладоги). Летом 1363 г. чума начинает двигаться на север и очень скоро достигает земель Булгарского улуса. Уже осенью эпидемия была зафиксирована в Нижнем Новгороде. В начале 1364 г. она охватила Коломну и Рязань; летом 1364 г. – Переславль, Кашин, Тверь и Ростов; зимой 1364/65 г. – Москву, откуда к лету-осени она разошлась по «городамъ и влаstemъ Московьскимъ» [34, т. 15, с. 76–77] и территории Литвы [34, т. 11, ч. 2, с. 12].

Таким образом, можно говорить о том, что к концу 1363 г. эпидемия чумы пришла на Русь именно через ордынские земли. Массовая смертность среди населения во время этой вспышки достигла

100 человек в день. Это позволило русским летописцам сделать подробное описание данного заболевания [32, с. 381–382]. Из летописных текстов можно сделать вывод, что средневековые авторы описали по крайней мере две формы чумы: бубонную и легочную. Период вспышки чумы, согласно летописным данным, охватывал «от Семена дни летопроводца до рождественского говения», т.е. от июля до декабря. Географическая близость к русским землям Улуса Джучи позволяет нам говорить о том, что аналогичные признаки болезни были характерны и для заболевших в ордынских городах. Количество умерших в этих городах было также близко к данным русских летописей.

Наиболее серьезные последствия второй волны чумы сказались на населении золотоордынских городов. Подробные сведения о бедствиях во время «Черной смерти» в Улусе Джучи можно встретить в многочисленных письменных источниках того периода [23, с. 173; 38, с. 213]. Согласно им, в землях Золотой Орды наблюдался массовый голод и рост работорговли [21, с. 141; 22, с. 167]. Это в свою очередь являлось косвенным свидетельством массовой миграции населения. Данное предположение в целом подтвердили результаты археологических раскопок. Согласно им, характерной чертой второй половины XIV в. стала дезурбанизация в Пруто-Днестровском междуречье и резкое торможение в развитии поволжских городов [33, с. 101]. При этом наблюдается резкий подъем причерноморских торговых городов, что, по мнению отечественного историка Г.А. Федорова-Давыдова, свидетельствовало о возросшем значении для функционирования экономики Улуса Джучи в этот период транзитной торговли [39, с. 81].

Самые большие изменения произошли во внутривнутриполитической картине Улуса Джучи. После смерти хана Бердибека в 1359 г. золотоордынский престол стал объектом борьбы между различными кланами Ак-Орды и Кок-Орды. Если раньше удавалось снимать эти противоречия за счет стабилизирующего фактора в лице верхушки городского населения и болгарской элиты, то после массовой смертности во время первой волны *Черной смерти* происходит усиление в Золотой Орде центробежных тенденций [43, с. 699]. С большей долей вероятностью можно говорить о подъеме в этот пе-

риод регионов, менее пострадавших от эпидемии «Черной смерти» (Кок-Орда, Крым, Московское княжество и отчасти Булгарский улус). Именно эти территории стали центрами центробежных сил в Золотой Орде. В 1363 г. внутривполитическая обстановка в Золотой Орде настолько обострилась, что можно говорить обо всех этих центрах, как о полунезависимых государствах. В этих условиях возникновение военно-политического союза между некоторыми участниками конфликта стало вопросом времени. Примером тому может служить временный союз между Великим князем Московским Дмитрием Ивановичем и правителем Крыма ордынским темником Мамаем. Однако эпидемия чумы, разразившаяся в поволжских степях Улуса Джучи и в северо-восточных русских княжествах, помешала дальнейшему усилению этого союза. Причем это не только проявлялось в нехватке у обоих членов союза собственных сил для окончательной победы над своими политическими противниками, но и в росте противостояния в ближайшем окружении.

В конце 1364 г. ставленник Мамае в Сарае ал-Джадиде был смещен представителем Кок-Орды Азиз-Шейхом. Он пробыл в столице достаточно долго – почти до 1367 г., что можно объяснить не только поддержкой ордынской аристократией и слабостью действий самого Мамае [19], но и продолжавшейся эпидемией чумы. К тому же, самому темнику приходилось распылять свои силы в борьбе сразу же с несколькими сильными противниками (Булгарским улусом, Кок-Ордой и Литвой). Только после уступок в 1365 г. Великому княжеству Московскому и Великому княжеству Литовскому регионов, наиболее пострадавших от волн чумы (мордовские земли, Волынь и Подолия), темнику удалось начать наступление против засевшего в Сарае Азиз-Шейха. Отчасти это объяснялось практическим обезлюдиванием этих земель после второй волны эпидемии чумы [25, с. 113].

Вполне вероятно, что Мамае вплоть до 1365 г. в своих действиях опирался на финансовую поддержку генуэзцев. Обладавшие более широкой сетью колоний в причерноморском регионе, чем венецианцы, генуэзцы, несмотря на массовую смертность среди итальянских колонистов во время первой волны чумы, смогли сполна

воспользоваться плодами своей победы в Третьей венецианско-генуэзской войне 1350–1355 гг. [35, с. 245–266].

Вытеснив своих прямых конкурентов из Крыма и установив полный контроль над причерноморской торговлей Улуса Джучи, генуэзцы смогли на время стабилизировать экономическое положение татарского государства и решить проблему с голодом в ордынских землях. Однако разразившийся в 1365 г. конфликт с темником Мамаем из-за размера ввозной пошлины свел на нет эти достижения [36, с. 39]. Последовавшее во время этого конфликта разграбление генуэзской Кафы войсками темника [41, с. 142–143] привело к установлению полного контроля со стороны Мамаия практически над всей территории полуострова [3, с. 22–23]. Успешное наступление его войск в Среднем и Нижнем Поволжье косвенно свидетельствовало об этих событиях. Впрочем, добиться полного контроля над этими районами ему так и не удалось.

Скорее всего, причиной неудачи Мамаия стала разразившаяся в 1363 г. вторая волна эпидемии чумы. Последствия, как было выше сказано, оказались еще более масштабными, чем после первой волны эпидемии. В этих условиях некоторые золотоордынские князья попытались решать свои внутривосточные проблемы с помощью набегов на ослабевших соседей [34, т. 18, с. 102–103]. В ответ на эти действия состоялся поход новгородских ушкуйников вглубь территории Золотой Орды [32, с. 338].

Безусловно, следует признать, что эти набеги ушкуйников не могли полностью сказаться на развитии Улуса Джучи. Однако эти действия приводили к осложнению московско-ордынских отношений, что в условиях «Великой замятни» способствовало политическому возвышению Великого князя Московского Дмитрия Ивановича на пространствах Золотой Орды. Видимым итогом этих событий стало закрепление за Москвой земель мордвы, Рязанского и Суздальско-Нижегородского княжества. Впрочем, окончательно ордынский вопрос для русских княжеств в этот раз не был решен.

В 1374/75 гг. в ордынских землях русские летописи фиксируют массовый мор среди населения [34, т. 11, ч. 2, с. 21.]. Скорее всего, по мнению Н.А. Богоявленского, это была сибирская язва. Имеющее схожую с бубонной чумой симптоматику, данное заболевание

отличалось от первой тем, что заражало не только людей, но и домашних животных. Поэтому зачастую средневековые летописцы обозначали эти два заболевания одним словом – «мор». Упоминание о сибирской язве встречается в 1309, 1375, 1433 и 1448 гг. [6, с. 110].

В условиях массового мора среди населения «Мамаева орда» не смогла вовремя упредить своих политических оппонентов во главе с правителем Хаджи-Тархана, эмиром Хаджи-Черкесом, известным в русских летописях под именем Салчеи. Впрочем, хотя последнему и удалось в 1375 г. объединить Нижнее Поволжье [23, с. 389, 391], совершенные в 1374 и 1375 гг. новгородскими ушкуйниками набеги на поволжские земли Орды не позволили темнику Мамаю окончательно праздновать победу. Вместо окончательной победы произошло нагнетание внутриордынского и ордынско-московского конфликтов, что в итоге вылилось в победу Дмитрия Донского на Куликовом поле в 1380 г. [9, с. 704].

Последовавшее за этим правление хана Тохтамыша вплоть до начала 1390-х гг. не было отмечено повторными волнами чумы. В отличие от ордынских земель, в северо-западных русских княжествах было зафиксировано несколько крупных вспышек чумы (1386/87, 1389/90, 1393). Прямыми следствиями этих вспышек можно считать закат Новгородского княжества и начало присоединение Смоленского княжества к Великому княжеству Литовскому.

В 1396 г. в нижневолжских степях вновь вспыхнула чума [34, т. 11, с. 162.]. Очаг этой вспышки явно находился там же, где и возникли первая и вторая вспышка, то есть между ордынскими городами Бельджамен и Хаджи-Тархан. Скорее всего, параллельно с эпидемией чумы разразилась эпидемия сибирской язвы. Положение населения еще большее осложнилось, так как многие города Улуса Джучи подверглись разграблению войска Тамерлана (восточно-европейский поход Тамерлана (1395–1396)). В этих условиях возвращение его в Самарканд осенью 1396 г. нужно рассматривать как меру вынужденную, вызванную страхом перед набиравшей силу эпидемией чумы, и как следствие необходимостью сохранения войска. Впрочем, уход правителя Самарканда не остановил процесс распада Золотой Орды. Последовавшие затем в 1398 г. поход Вели-

кого князя Литовского Витовта в Западно-ордынские улусы и, в 1399 г., поход войск Великого князя Московского Василия I Дмитриевича на Булгарский улус завершили то, что не доделал Тамерлан несколькими годами ранее.

Прямым следствием этих походов стало, кроме ускорения центробежных тенденций в Золотой Орде, еще и углубление экономического кризиса. Практически перестает стабильно функционировать основной торговый путь по Волге, что еще более обостряет внутриордынскую борьбу за верховенство престола. В этой ситуации большое влияние оказали вспышки чумы. Правда, вплоть до присоединения Казани в 1552 г. к Московскому царству вспышки чумы на территории Поволжья практически не фиксировались. Скорее всего, причиной тому является переключение внимания русских летописцев на более важные в стратегическом плане регионы. Вследствие этого в отечественной историографии закрепились точка зрения об исключительном проникновении эпидемии через Новгород и Псков из Германии и европейских стран [34, т. 18, л. 184–187об., с. 102–110].

В этой ситуации фиксация вспышки в Северо-восточной Руси в 1408–1410 гг. [34, т. 5, с. 257; т. 11, с. 203–205; т. 18, с. 155, л. 317] и пришедшего на Русь из Киева в 1419–1420 гг. [34, т. 11, с. 161] мора выглядит достаточно интересной. Если судить по названиям перечисленных в летописях городов, охваченных эпидемией, можно предположить, что таковыми оказались не только русские, но и ордынские поселения в Поволжье. Современные исследователи предполагают, что, скорее всего, с чумой и сибирской язвой произошла вспышка сыпного тифа и черной оспы [1].

Как и во время вспышек чумы второй половины XIV в., исторические источники фиксируют значительные изменения на политической карте. Ослабление во второй половине XIV в. позиций ордынских ханов на правобережье Днепра способствовало росту напряженности на западных границах Улуса Джучи. В этих условиях Великий князь Литовский Ольгерд в 1360-х гг. начинает проводить крайне агрессивную политику по отношению к областям, находившимся непосредственно под управлением татар в Подолье, Киевщине, Черниговско-Северской земле и Верхнеокских княжествах. В

1362 г. ему удастся разбить в битве у Синей Воде (при Днепробугском лимане) трех ордынских царевичей (Хачибея, Кутлубугу и Дмитрия) с «дедичами и отчичами» [25, с. 56]. Впрочем, по замечанию М.К. Любавского, дальнейшее освобождение этих земель от ордынского ига и окончательное их присоединение к Великому княжеству Литовскому Ольгерду так и не удалось. Более того, поставленный им в Киеве на княжение Владимир Ольгердович вынужден был вернуться к практике выплаты дани Улусу Джучи [25, с. 55].

Положение стало резко меняться, когда в конце XIV в. хан Токтамыш передал Великому князю Литовскому Витовту ярлык-пожалование на сбор дани с русских княжеств [9, 22]. Произошло это либо после военных походов, совершенных в 1397 и 1398 гг. против ордынских соперников Тохтамыша [39, s. 216; 48, s. 491], либо после возвращения в 1399 г. ордынскому правителю сарайского престола [4, с. 32; 5; 24]. Одно совершенно ясно, что получение этого ярлыка позволило литовскому князю значительно усилить свои позиции. Неслучайно именно с ним, как с «королем Литвы и Руси» рыцари Тевтонского Ордена заключили мирный договор [2, с. 74–75, 84–87].

Как следует из текста Белорусской I летописи, Витовт изначально через своих ордынских ставленников стремился установить в первую очередь контроль над западно-ордынскими и русскими землями [34, т. 35, с. 31]. Поэтому ни о какой политической стабилизации в Улусе Джучи речь и не шла. В этом случае появление на политической сцене в 1419 г. нового его ставленника, потомка Туки-Тимура Улуг-Мухаммада, являлось прямым доказательством реализации на практике этой политики. Впрочем, далеко не все потомки Токтамыша были ставленниками литовского господаря. Зачастую многие из них, заняв сарайский престол, могли выступить против Великого князя [4; 27]. Все это лишь способствовало ускорению центробежных тенденций в Улусе Джучи, особенно это стало заметно после мора 1419–1420 гг. Косвенно на это указывают сведения о подчинении Шибанидами Хаджи-Мухаммедом в 1420 г. и Абулхайр-ханом в 1429/30 г. формально контролируемого центральными ордынскими властями «города Болгара с окрестностями», и Нижнего Поволжья правителем восточного Дашт-и Кыпчака, внуком Урус-хана, ханом Бараком [12, с. 211].

Другим важным элементом политики Витовта стала система династических браков, позволившая установить литовским князьям тесные контакты с польским королевством и Москвой. Все это сделало Великого князя Литовского одним из самых влиятельных правителей в Восточной Европе. О степени его влияния можно судить, исходя из списков лиц, посетивших литовского князя в 1428 и 1430 гг. Здесь, наряду с подчиненными «татарами с южных границ Литовского государства» и имен подчиненных «князей Рязанских, Переславских, Пронских, Новосильских, Одоевских и Воротынских», фигурируют великий князь Московский, Тверской, послы из Новгорода, Пскова и Золотой Орды [19, с. 85–86].

Несколько в ином положении в период с 1419 по 1453 гг. оказалось Московское княжество. Если в начале, несмотря на огромное количество умерших от мора 1419–1420 г., голода 1421–1423 гг. и набега 1422 г. Кадыр-Берди на Рязань и Одоев, позиции внутри страны московских князей продолжали оставаться стабильными; после вспышки мора в 1424–1427 гг. они настолько ослабевают, что это приводит к жесткому противостоянию среди московских Рюриковичей. Воспользоваться внешнеполитической благоприятной обстановкой ордынские ханы так и не смогли. Источники фиксируют продолжение мора в ордынских землях еще на два года [29, с. 442].

Последствия этого периода для русских княжеств и Улуса Джучи были диаметрально противоположными. Несмотря на разразившуюся в 1425–1453 гг. феодальную войну, Великое княжество Московское продолжало укрепляться. Улус Джучи, Великое княжество Тверское и Новгородское княжество оказались ослабленными в результате вспышек чумы (1428–1430, 1442–1443).

В заключение можно сказать, что все тектонические изменения второй половины XIV – начала XV вв. на территориях Улуса Джучи и русских княжеств были отчасти вызваны вспышками эпидемии *Черной смерти*. Фактически они стали одними из детонаторов изменений в политической и экономической картине региона. Причем ситуация ухудшалась из-за резкого похолодания климата, параллельного роста других эпидемических болезней (сибирской язвы, тифа, черной оспы), массового голода среди населения. Другими

видимыми последствиями эпидемии чумы стали для Золотой Орды глубочайший демографический кризис, ужесточение военно-политического противостояния между государствами-наследниками Улуса Джучи, культурный и технологический регресс, полное исчезновение ордынских городов в Пруто-Днестровском междуречье и в Нижнем Поволжье, а также полное изменение этнического состава населения за счет переселения массы людей из кыпчакских степей и русских княжеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бараш С.И. История неурожаев и погоды в Европы (по XVI в. н.э). Л., 1989. 236 с.
2. Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюндвальдской битвы (1410 г.) СПб., 1885. 166 с.
3. Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде (справки о Фуллах) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1920. Вып. 57. С. 1–135.
4. Беспалов Р. А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 5 / Ред.-сост. М.М. Чореф. Севастополь-Тюмень, 2013. С. 215–234.
5. Боголепов М.А. Причины неурожаев и голода в России в историческое время. М.: Новая деревня, 1922. 38 с.
6. Богоявленский Н.А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. М., 1960. 226 с.
7. Буассонад Пр. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе / Пер. с англ. И.А. Петровской. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. 383 с.
8. Варданян С.А. Медицина в древней и средневековой Армении. Ереван: Советакан, 1982. 60 с.
9. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М.: Медгиз, 1960. 397 с.
10. Введение в философию: Учебное пособие для вузов / Рук. авт. колл. И.Т. Фролов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2005. 623 с.
11. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 4.
12. Даймонд Дж. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ: 2010. 720 с.

13. Дербек Ф.А. История чумных эпидемий в России. Докт. дисс. СПб., 1905.
14. Домарадский И.В. Чума: К 100-летию противочумной службы России. М.: Медицина, 1998. 176 с.
15. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 224 с.
16. Еманов Е.Г. Великая пандемия середины XIV в. как финал средневековой истории // Вестник Тюменского гос. университета. Серия «История». 2013. № 2. С. 49–54.
17. Ибн Сина. Моровая лихорадка и то, что с ней однородно, то есть лихорадка при оспе и при кори // Канон врачебной науки. Пер. с араб. М.А. Салье. Кн. 4. 2-е изд. Ташкент, 1982. С. 125–129.
18. Измайлов И.Л. Экологические катаклизмы / История татар с древнейших времен. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 682–686.
19. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
20. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: «Наука», 1988. Т. 1. Кн. 3., Кн. 4.
21. Карпов С.П. Работоторговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 139–150.
22. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.
23. Крамаровский М.Г. Богатство, хрупкое как сон. Петрарка о бедах Скифии // Античная древность и средние века. Вып. 33. Екатеринбург, 2002. С. 169–186.
24. Кульпин Э.С. Экологический критерий цивилизованности // Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации М., 2004. С. 127–158.
25. Кульпин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М.: Изд-во «Московский лицей», 1998. 240 с.
26. Лактионов А. История ересей. М.: 000 «Изд-во АСТ», 2007. 572 с.
27. Любавский М.К. Очерки истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. СПб.: Наука, 2004.
28. Максимов А.А. Природные очаги туляремии в СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 290 с.
29. Моисеева Г.И. К вопросу о датировки задонщины // Труды Отдела древнерусской литературы. 1979. Т. XXXIV. С. 220–240.
30. Осокин Н. История альбигойских войн. М.: АСТ, 2003. 896 с.

31. Петрунь Ф.Є. Ханські ярлики на українські землі // Східний світ. Харків, 1929. №2. С 170–187.
32. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
33. Полевой Л.Л. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII – XV вв. // Известия Молдавского филиала АН СССР. №4(31). 1956. С. 99–111.
34. Полное собрание русских летописей. Т. 1–42. СПб., Л., М., 1841–2005.
35. Скржинская Е.Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // Византийский временник. 1949. Т. II (XXVII). С. 249–256.
36. Скржинская Е.Ч. История Таны (XIV–XV вв.) // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. С. 3–10.
37. Супотницкий М.В. «Черная смерть». К загадкам пандемии чумы 1346–1351 гг. // Универсум. 2004. № 3.
38. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
39. Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые проблемы археологии Поволжья железного века // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». М., 1991. Вып. 2. С. 72–83.
40. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. Стаф под ред. В. Гайдамака. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
41. Хечумян В.Г. Книга книг: публицистическая проза из истории армянских рукописных книг. М.: Советский писатель, 1984. 416 с.: ил.
42. Чижевский А.Л. Эпидемиологические катастрофы и периодическая деятельность Солнца. М., 1930.
43. Шамильоглу Ю. Черная смерть и ее последствия / История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 686–690.
44. Bean J.M. The Black Death. The Impact of the fourteenth-century plague. Hg. von D. Williman. New York, 1982.
45. Bergdolt K. Die Pest 1348 in Italien: Fünfzig zeitgenössische Quellen. Miteinem Nachwort von Gundolf Keil. Heidelberg, 1989.
46. Bergdolt K. Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters. Muenchen, 2000.

47. Bjoern P.Z., Dunkelberg H. The History of the Plague and Research on the Causative Agent *Yersinia pestis* // *International Journal of the Hygiene and Environmental Health*. 2004. № 207. P. 165–178.
48. Haeser H. *Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten*. Bd. 3. *Geschichte der epidemischen Krankheiten*. Jena, 1882.
49. Jana Długos *zakanonika krakowskiego Diejów polskich* / Perzeklad Karoła Mecherzyńskiego. T. III. Krakyw, 1868. S. 491.
50. McNeill W. *Plagues and Peoples*. Harmondsworth, 1979.
51. Prochaska A.Z. *Witoldowych dziejyw*. S. 259–264.
52. Raoult D., Aboudharam G., Crubezy E., Larrouy G., Ludes B., Drancourt M. Molecular Identification by «Suicide PCR» of *Yersinia Pestis* as the Agent of Medieval Black Death // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2000. Vol. 97. № 23. P. 12800–12803.
53. Roedig C. *Alltagsleben in der Gotik* // *Nationen, Städte, Steppenvölker. Die Welt im späten Mittelalter*. *Weltgeschichte*. Bd. 6. Gütersloh, Bertelsmann, 1996. S. 224–249.
54. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // *Central Asian Survey*. 1993. № 12(4). P. 447–457.
55. Schneider C., Mertens S., Purpus E. *Blockbaecher des Mittelalters. Bilderfolgenals Lektoere*. Mainz, 1991.
56. *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preußischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*. Bd. 3. Leipzig. 1866. S. 216.

ЗАГОВОР НОГАЯ ПРОТИВ ТУЛА-БУГИ В КОНТЕКСТЕ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIII ВЕКА

А.А. Порсин

Предыстория, ход самого заговора и его основные последствия были рассмотрены нами в отдельном исследовании, которое в скором времени должно быть опубликовано [10]. В силу этого мы не будем освещать его политический и социокультурный аспекты. Здесь мы постараемся рассмотреть и осмыслить одну деталь заговора. Она, как нам кажется, имеет прямое отношение к тематике данного сборника.

Вот как описывает Рашид ад-дин действия Ногая после того, как он узнал о том, что члены правящей коалиции решили убить Токту [5, с. 122–123]¹. В рамках данного исследования мы постара-

¹ «Узнав об этом, Ногай вознегодовал и разгорячился. Прикинувшись больным, он выступил из земель русских, Орнача и Кехреба, которые сам завоевал и сделал своим юртом и местопребыванием, переправился через реку Узи (Днепр), каждую тысячу и (каждого) эмира, к которым приходил, старался расположить к себе и говорил: «Приходит пора старости; я прекратил споры, несогласия и враждебные действия, ни с одной душой не имею пререкания и помысла о войне, но у меня есть от Саин-хана повеление, чтобы, если в улусе и уруке его кто станет действовать беспутно и расстроит улус, то, разузнав в чем дело, восстановить между ними согласие». Тысячи и войны, слыша эти назидания и видя с его стороны ласковое к себе отношение, все подчинились и повиновались ему. Когда он приблизился к орде упомянутых сыновей (Тарбу и Менгу-Тимура), то он притворился больным, набирал в рот свежей крови, изрыгал ее с рвотой из глотки и притворялся и обманывал. Тайком же он послал Токтаю (такую) весть: «Тебе нужно быть наготове и по (данному) знаку прибыть с войском, какое удастся (собрать)». Мать Тула-Буки, услышав о бессилии и непритязательности Ногая, и о том, что он харкает кровью, уговорила сыновей, чтобы они как можно скорее отправились к слабому старику, покидающему мир земной и собирающемуся переселиться в другой мир, (говоря): «Если вы позволите себе нерадение и упущение (относительно Ногая), то материнское молоко да не будет вам впрок». Сыновья, без должной осторожности и осмотрительности,

емся ответить на вопрос, какое конкретно заболевание имитировал Ногай, выманивая принцев на встречу, ставшую для них роковой?

Из сообщения Рашид ад-дина можно сделать несколько выводов. Во-первых, основным симптомом заболевания являлось харкание кровью. На основе перевода В.Г. Тизенгаузена сложно понять, идет ли речь об отхаркивании или о желудочном кровотечении, так как симптом характеризуется и как *«харкает кровью»*, и как *«изрыгал ее с рвотой из глотки»*. Но в более лаконичном переводе Ю.П. Верховского про рвоту не говорится: *«пил свежую кровь и остаток изрыгал из горла обратно»* [14, с. 83]. Признавая возможность двойного толкования, все-таки отметим, что напрямую симптом в тексте характеризуется именно как *«харкание кровью»*.

Во-вторых, судя по всему, в представлении золотоордынской аристократии данная болезнь вела к неминуемой гибели. Автор подчеркивает, что анонимная мать Тула-Буги стала настаивать на встрече после того, как узнала *«о бессилии и непритязательности Ногай, и о том, что он харкает кровью»*². При этом она подчеркивала, что принцы должны отправиться к *«слабому старику, покидающему мир земной и собирающемуся переселиться в другой мир»*. После катастрофы венгерского похода 1285 года и практически открытого саботирования Ногаем похода на Польшу в 1287 году, их отношения с Тула-Бугой были, мягко говоря, сложными. Но почему в таком случае и он, и остальные члены коалиции согласились на встречу? Формат работы не позволяет нам рассмотреть интереснейший вопрос о том, зачем Тула-Буге была нужна встреча

послушные словам матери, отправились навестить Ногай. Он же, под видом назидания, сказал им: «Одети, я служил отцам вашим и, как в старину, так и недавно, оказал разные услуги; поэтому вам не мешает выслушать мое беспристрастное слово, чтобы я мог заменить вашу вражду истинным согласием. Ваше спасение в примирении. Устройте курилтай, чтобы я мог дать вам мир». От времени до времени он (при этом) выплевывал из глотки запекшуюся кровь и, дав знать Токтаю, своими лстивыми речами усыплял бдительность сыновей (Тарбу и Менгу-Тимура). Вдруг Токтай подоспел с несколькими тысячами, захватил этих царевичей и немедленно погубил их, Токтай тотчас же ушел назад и, переправясь через Итиль, вернулся в свой родной юрт».

² Эту женщину в данном исследовании мы называем матерью Тула-Буги условно, так как речь, судя по всему, идет о матери Алгую, Джиджек-хатун.

с Ногаем. Отметим лишь, что, на наш взгляд, она была ему необходима, и Ногай понимал это, планируя переворот. Однако текст источника позволяет предположить, что причиной убежденности матери Тула-Буги и отсутствия *«должной осторожности и осмотрительности»* принцев была их уверенность в том, что Ногай был смертельно болен и поэтому не представлял опасности.

В-третьих, приводимая в источнике последовательность событий позволяет предположить, что, в представлении действующих лиц, данное заболевание развивалось относительно быстро и между началом недомогания и «харканием кровью» проходил относительно небольшой промежуток времени. Ногай прикинулся больным в самом начале своего пути, когда *«выступил из земель русских, Орнача и Кехреба»*. Потом была переправа через Днепр и переговоры с золотоордынской знатью. Однако хитрость с кровью Ногай применил только тогда, когда *«он приблизился к орде упомянутых сыновей»*. Почему Ногай притворился больным, но не стал имитировать харкание кровью сразу, а ждал до приближения к орде принцев? По всей видимости, известия о его недомогании должны были достичь Тула-Буги раньше, чем прибудет сам Ногай. В таком случае «кровохаркание» должно было быть воспринято как логичное развитие болезни, как оно и произошло. Мы не знаем, где располагалась орда правящей коалиции. Однако, учитывая, что Тула-Буга лично участвовал в обеих крупных компаниях на западе 1285 и 1287 годов, вряд ли она находилась дальше, чем волжское правобережье. Следовательно, путь Ногай от Днепра до орды принцев, даже с учетом переговоров с местной аристократией, должен был занять не более нескольких недель. Также стоит учитывать два обстоятельства. С одной стороны, ставка принцев могла находиться и гораздо ближе к Днепру, например, в районе Дона. С другой стороны, скорость передвижения средневековых конных отрядов варьировалась от пятидесяти до восьмидесяти километров в день [7, с. 59–61]. Оба эти соображения позволяют предположить, что путь Ногай не должен был занять много времени.

В-четвертых, можно заключить, что в среде золотоордынской знати было известно о том, что это заболевание является заразным и контакт с заболевшим не желателен. Почему принцы выехали из

своей орды? Ведь это Ногай ехал к ним. Что мешало им провести встречу в орде в окружении сторонников? Понятно, что Ногай такой вариант не устраивал, так как обесмысливал весь его план. Но какова была мотивация другой стороны? В отчете Плано Карпини содержится сообщение, позволяющее понять логику поведения участников переговоров: *«Когда кто-нибудь из них смертельно заболеет, то на ставке его выставляют копьё и его обвивают вокруг черным войлоком; и с того времени никто чужой не смеет вступить в пределы его ставок; и когда у больного начнется агония, то почти все удаляются от него, потому что никто из присутствующих при его смерти не может входить в орду какого-нибудь князя или императора до новой луны»* [13, с. 32]. Судя по всему, здесь описаны элементы одного из наиболее древних средств борьбы с эпидемиями – карантина, когда жилище больного закрывается для посещения. Формулировка *«с того времени никто чужой не смеет вступить в пределы его ставок»* говорит о том, что запрет на посещение налагался не просто на жилище. От общения с внешним миром отрезался весь кочевой коллектив.

Но что делать, если пугающие симптомы проявились в дороге, а больной – не рядовой кочевник и не просто аристократ, а старший в правящем роду, прибывший для важных переговоров? Стоит отдать ему должное, план, придуманный Ногаем, был по-своему изыскан. Он имитировал смертельное и очень заразное заболевание, чем добился сразу нескольких целей. С точки зрения Тула-Буги и других принцев, Ногай умирал, а следовательно политически был уже не опасен. Спешка, которую продемонстрировала мать Тула-Буги, может свидетельствовать о том, что заболевание должно было прогрессировать очень быстро, и, если члены коалиции действительно хотели встретиться с Ногаем, у них не было времени для принятия дополнительных мер безопасности. Стоит еще раз подчеркнуть, что политические причины, вынуждавшие Тула-Бугу на эту встречу, разобраны нами в отдельном исследовании. Важно, что для него она была жизненно необходима, и эта необходимость была известна окружающим, в том числе и Ногаю.

Ключевой же целью, достигаемой при помощи этой имитации, было то, что заразность заболевания «не позволяла» Ногаю заехать

в орду и провести переговоры там. Судя по сообщению Плано Карпини, в середине XIII века норма, предписывающая изоляцию разного больного, была распространена и известна. Вряд ли спустя сорок пять лет ситуация сильно изменилась. Больной Ногай не имел права въехать в орду, да и члены коалиции не могли так рисковать. Именно поэтому он просил о встрече, а матери Тула-Буги пришлось убеждать принцев отправится на нее. По этой причине встреча проходила за пределами орды, что и позволило Токте незаметно окружить и схватить своих противников.

Интересное описание переговоров Ногай и Тула-Буги оставил египетский автор первой четверти XIV века, Рукн ад-Дин Бейбарс ал-Мансури, в своем труде «Зубдат ал-фикра» [4, с. 96–98]³. На наш

³ «В 690 году (4 января – 23 декабря 1291 г.) было избиение Тулабуги, царя Татарского, сидевшего на престоле Берке. Произошло это таким образом. Когда он отправился в поход на страну Краковскую, как мы сказали, то к нему присоединился Ногай. Они удовлетворили свое желание относительно ее, и каждый из них вернулся в свои места и зимовья. Ногай пошел путем удобным и прибыл (домой) с войском своим невредимо; Тулабуга же отправился дорогами затруднительными, и большая часть бывших с ним умерла от голода, стужи и лишений, как мы это объяснили (выше). Утвердилась между тем и другим ненависть, и ухудшились мысли его (Тулабуги) о нем (Ногае). Он (Тулабуга) решился погубить его (Ногай) и склонил к этому находившихся при нем (Тулабуге) друзей своих и сыновей Менгутемира, приставших к его отряду. Но Ногай был старик опытный и искусный в устройстве козней. Дошло до него то, что Тулабуга замыслил против него и собрал вокруг себя войска. Потом он (Тулабуга) стал звать его к себе под предлогом, что нуждается в его присутствии для советов и для испрошения его мнения. Ногай вошел в сношения с матерью Тулабуги и сказал ей: «Сын твой – царь еще молодой, я хочу наставить его и научить приемам, полезным для установления порядков и определения внешних и внутренних дел его, но мне нельзя взяться за это иначе, как в уединенном месте, куда не забрался бы никто, кроме него; я желаю встретить его с небольшим числом людей, и чтобы около него не было никого из тех войск, которые он собрал вокруг себя». Женищина эта поддалась его словам и обманулась его посланием: она посоветовала сыну своему войти с ним в соглашение и отклонила намерение его враждебных действий против него. Тулабуга распустил войско, которое уже успел собрать, и послал к Ногаю пригласить его к себе. Тот снаряжился в путь, собрал свое войско и послал к тем сыновьям Менгутемира, которые были расположены к нему, т.е. (к) Токте, Бурлюку, Сарайбуге и Тудану, чтобы они присоединились к нему. Потом он ускорил путь, делая большие переходы, пока не приблизился к

взгляд, эта часть повествования Бейбарса восходит к рассказу ордынского аристократа, бывшего участником бурных событий политической борьбы в улусе Джучи конца XIII – начала XIV веков и впоследствии попавшего в Мамлюкский Египет [9, с. 29–53; 10]. Если это так, то в этом сообщении должны содержаться какие-то детали, проясняющие произошедшее.

Бейбарс описывает переворот примерно так же, как и Рашид ад-дин, датируя его 1291 годом. В тексте «Зубдат ал-фикра» отсутствуют какие-либо упоминания о хитрости Ногай, что делает доверчивость Тула-Буги и остальных принцев совершенно необъяснимой. Здесь мы не будем останавливаться на вопросе, почему информатор Бейбарса не включил эти сведения в текст. Отметим лишь, что его описание содержит деталь, позволяющую заключить, что встреча проходила при экстраординарных условиях. А. Узелац совершенно справедливо отметил, что выражение *«Ногай приказал им (воинам) спешить с коней Тулабугу и бывших при нем сыновей Менгутемира»* говорит о том, что переговоры между Ногаем и Тула-Бугой велись, не слезая с седла, на конях [15, с. 193]. То есть не было речи о юрте, в которой, по мнению Р.Ю. Почекаева, велись переговоры

тому месту (пребывания) Тулабуги, в котором оба условились сойтись. Тогда он бывшее с ним войско и находившихся при нем сыновей Менгутемира, т.е. Токту и вышеупомянутых братьев его, оставил в одном месте в засаде и, взяв с собой (лишь) небольшое количество людей, направился к Тулабуге. Тот выехал к нему навстречу и с полным доверием к нему, взяв с собою Алгуйя, Тогрулджу, Малагана, Кадана и Кутузана, сыновей Менгутемира, бежавших к нему и приставших к Тулабуге. Сошлись Тулабуга и Ногай и принялись за беседу и совещания. Заметил Тулабуга (что замыслилось против него) только тогда, когда уже подъехали к нему всадники и окружили его. Он растерялся, и его поразило сплетение козней и интриг Ногайя. Войско остановилось, выжидая, что ему прикажет делать Ногай, чтобы исполнить его (приказание). Он приказал ему спешить с коней Тулабугу и бывших при нем сыновей Менгутемира, и они спешили их; приказал он связать их и связали их. И сказал он Токте: «Вот этот завладел царством отца твоего и твоим царством, а вот эти сыновья отца твоего согласились с ним схватить и убить тебя. Я отдал их в твои руки; умертви их, как хочешь». Им покрыли головы и переломили спины. Это были Тулабуга, Алгуй, Тогрулджа, Малаган, Кадан и Кутуган, сыновья Менгутемира».

[11, с. 87]. Встреча должна была быть максимально краткой, настолько, что принцы даже не слезли с лошадей.

Вряд ли это было связано с их подозрениями о готовящейся засаде. В таком случае совершенно непонятно, почему не были приняты дополнительные меры предосторожности. К тому же Бейбарс прямо говорит о том, что Тула-Буга был очень растерян, поняв, что происходит. По всей видимости, принцы не слезали с коней из-за вполне понятного нежелания напрямую контактировать с «заражённым» Ногаем.

Какую же болезнь имитировал Ногай? Ее основными симптомами было харкание кровью, быстрое развитие и практически гарантированный летальный исход. Нам кажется, есть два возможных варианта.

Речь может идти о легочной форме сибирской язвы. Вторая клиническая фаза этой болезни характеризуется высокой температурой, одышкой, кровавым кашлем, могут наблюдаться кровоизлияния в слизистую оболочку кишечника [6, с. 110].

Однако, признавая вероятность подобного отождествления, мы все же склоняемся ко второму варианту – легочная чума. Основными симптомами являются температура, слабость, кашель. По мере развития заболевания увеличивается количество выделяемой мокроты. В мокроте обнаруживается примесь алой крови, она не свертывается и всегда имеет жидкую консистенцию. В случае развития интерстициального и альвеолярного отека легких, в основе которого лежит токсическое поражение легочных микрососудов с резким повышением их проницаемости, мокрота становится пенистой, розовой. Длительность периода разгара обычно не превышает полутора-двух суток [2, с. 13].

Во второй половине 40-х годов XIV века в Золотой Орде начинается пандемия чумы. Ю. Шамильоглу основное внимание уделял бубонной чуме, однако Т.Ф. Хайдаров и Д.А. Долбин совершенно справедливо отметили, что арабский автор ал-Айни, сообщая о хронологически близкой вспышке заболевания в Египте, говорит именно о легочной чуме [22, р. 447–457; 17, с. 97]. Вот как описывает симптомы заболевания арабский хронист: *«Все это происходило в странах Северных. Умирали они (люди) от кровохарканья. Слу-*

чалось, что человек поест, пойдет и заговорит со своими приближёнными, вдруг захаркает кровью, и не пройдет самого короткого мгновения, как с ним уже все покончено» [4, с. 373].

Подробное описание симптомов заболевания, пришедшего в русские земли в 1363 году, оставил летописец: *«Ови хракаху кровію, а друзи железозю, а не долго боляху, но два дни или три, или единъ день поболевше, тако умираху; ... болеть была такова: прежде какъ рогатиною ударить за лопатку или противу сердцу подъ грудью или межъ криль, и разболится человекъ; и начнеть кровію харкати и огонь разбьетъ, и по семь потъ, потом дрожъ иметь, и тако вболести полежа, ови день единъ поболевше умираху, а друзи два дни, а иніи 3 дни; прежне моръ былъ кровью храчюще мерли, потом железозю разболевшеся, титакже два дня или 3 дни полежашие умираху» [12, с. 381–382]. По мнению Т.Ф. Хайдарова, из текста следует, что можно говорить о распространении по крайней мере трех форм чумы: бубонной, бубонно-септической и легочной [18, с. 99].*

Данные двух разнокультурных источников подтверждают, что по крайней мере для середины XIV века «кровохаркание» – это ключевой, практически основной симптом легочной чумы. Следовательно, скорее всего, Ногай имитировал именно это заболевание.

Конечно, тут возникает проблема с хронологией. Легочная чума (как и бубонная) четко фиксируется в улусе Джучи только со второй половины 40-х годов XIV века. Считается, что для более раннего времени прямых свидетельств не существует. Однако это не совсем так. Мы предполагаем чуму более вероятным вариантом еще и потому, что в описании источниками сложных отношений между Ногаем и Тула-Бугой это заболевание уже фигурировало.

В 1285 году Тула-Буга организовал вторжение в Венгрию. Участвовать в нем он приказал и Ногаю. Поход для Тула-Буги окончился трагически. Большая часть его войска погибла в Карпатах. Я.В. Пилипчук высказал предположение о том, что речь в источниках идет о джуте – обледенении пастбищ, приведшему к падежу коней [8, с. 167]. Резкое изменение температуры и влажности также могло привести и к массовому обморожению людей. Это предположение подтверждается сведениями «Нидеральтайхских анналов»,

описывающих гибель войска Тула-Буги как результат Божественного вмешательства, выразившегося в «граде, снеге и ливне» [20, р. 414; 19, с. 490].

Аналогичным образом произошедшее описывает и Бейбарс, сообщая, что большая часть войск Тула-Буги *«погибла от сильной стужи и недостатка сил»* [4, с. 96]. Ипатьевская летопись, автор которой, по всей видимости, черпал сведения о походе от кого-то из его русских участников, ссылаясь на показания очевидца, сообщает, что *«бысть в них голодъ великъ, и начаша людие Ёсти, потом же начаша и сами измирати, и умре ихъ бецисленое множьство. Самовидчи же тако рекоша: умерших бысть сто тысячь»* [3, с. 211]. Таким образом, летописец основной причиной смертности называет голод, упоминая и каннибализм.

Определенную ясность в этот вопрос вносят западные источники. Вот как описывает произошедшее «Рочник Траски»: *«в этом же году тартары вторглись в землю Венгрии, которую называют Семиградьем, и взяли в плен и убили многих христиан. Однако Христос, защитник христиан, ниспослал на них великий голод и чуму»* [21, р. 850; 19, с. 489].

Сообщение об эпидемии несколько проясняет ситуацию. Во-первых, становится понятным масштаб потерь. Ведь предположение о том, что кочевое войско **полностью погибло** от мороза, стужи и голода, выглядит несколько странным. Конечно, потери от обморожения и голода были вполне возможными, однако для неприхотливой и подготовленной кочевой армии такое количество жертв все-таки не кажется нормальным. Во-вторых, вспышка эпидемии чумы объясняет и достаточно странный, на первый взгляд, эпизод, отразившийся как в тексте Ипатьевской летописи, так и в позднем сочинении «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, написанном в XVI веке при шейбанидском дворе в Хиве [3, с. 211; 16, с. 101–102]. Речь идет о том, что, согласно обоим источникам, Тула-Буга вернулся обратно без войска, на одной лошади со своей женой. Обычно это сообщение воспринимается как преувеличение. Однако, если в армии Тула-Буги вспыхнула эпидемия чумы, такой поступок был вполне логичен, хотя и наносил удар по его харизме лидера.

Таким образом, у нас есть прямое указание источника о том, что в 1285 году в ордынском войске, которое вторглось в Венгрию, вспыхнула эпидемия чумы. В связи с этим стоит отметить несколько моментов.

Во-первых, Ипатьевская летопись выстраивает следующую цепочку: голод — возникший из-за него каннибализм — массовая смертность. «Рочник Траски» говорит о связи голода и чумы. Бейбарс ничего не сообщает об эпидемии, но говорит о каннибализме и поедании ездовых лошадей. Надо думать, что некая связь между голодом и эпидемией действительно существовала. Установить ее с точностью, учитывая состояние источников, конечно невозможно. Можно лишь предположить, что резкое ухудшение погодных условий привело к падежу скота и смерти воинов от обморожения. Голод, также связанный с ухудшением погоды и падежом лошадей, вынудил начать употребление в пищу уже погибших животных, а возможно и людей. В этих условиях первые смерти от эпидемии, скорее всего, начавшейся среди животных, были приняты за результат воздействия холода и отсутствия корма. Употребление в пищу мяса инфицированных животных (скорее всего коллективное и организованное) и привело к массовой и неконтролируемой вспышке заболевания.

Интересно, что в Ипатьевской летописи есть упоминание о другой вспышке эпидемии в этот период. Летописец говорит о том, что «Тое же зимы и в Лахохъ быс морь великъ изомре ихъ бесчисленное множество» [3, с. 610]. Событие датируется 1283 годом, однако известно, что в данном случае летописная хронология сбита, и речь идет о 1287 годе, когда произошло вторжение в Польшу. Густинская летопись этим же годом датирует «мор по всей Русской земле». По всей видимости, пандемия в Карпатах в 1285 году была не единичным случаем [1, с. 127].

Во-вторых, интересно, что Бейбарс, а точнее его анонимный зотоордынский информатор, сообщает о том, что Тула-Буга обвинял Ногая в обрушившейся на его войско катастрофе [4, с. 96]. Ранее мы предположили, что это обвинение не могло иметь под собой рациональных оснований и было основано на вере монголов в способность некоторых людей при помощи определённых магических манипуляций влиять на погоду. При этом чаще всего подобные ма-

гические приемы осуществлялись именно в военных целях [10]. Однако, скорее всего, резкое изменение погодных условий и вспышка чумы рассматривались участниками событий как единое целое, ведь и автор «Рочника Траски», и русский летописец воспринимают все эти бедствия как Божественную кару.

Если наша реконструкция событий верна, это означает, что население Золотой Орды столкнулось с чумой минимум за шестьдесят лет до начала эпидемии конца 40-х годов XIV века. Аристократии улуса Джучи была известна сама болезнь, ее симптомы и характер развития. Более того, косвенные данные позволяют предположить, что был выработан механизм сдерживания эпидемии, основанный на карантине. И именно наличие всех этих условий позволили Ногаю реализовать свой замысел и привести к власти Токту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Густинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 40. СПб., 2003. 549 с.
2. Данилов Д.Е. Чума. Туляремия. Сибирская язва: учеб.-метод. пособие. Минск: БГМУ, 2007. 31 с.
3. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908. 638 с.
4. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 713 с.
5. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 620 с.
6. Лобзин Ю.В., Волжанин В.М., Захаренко С.М. Сибирская язва // Клиническая микробиология и антимикробная химиотерапия. 2002. №2. С. 104–127.
7. Майоров А.В. «Король Руси» в битве на Лейте // Русин. 2012. №3. С. 54–77.
8. Пилипчук Я.В. Ногаев Улус и Европа: история взаимоотношений // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. № 3/4. С. 157–173.
9. Порсин А.А. Источник информации Рукн ад-Дина Бейбарса в освещении им междоусобной войны в Золотой Орде в конце XIII – начале XIV веков // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 29–53.

10. Порсин А.А. История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.

11. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012. 406 с.

12. Приселков М.Д. Троицкая летопись (реконструкция текста) / Отв. ред. Яковлев. СПб.: Наука, 2002. 402 с.

13. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.

14. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 214 с.

15. Узелац А. Под сенком пса: Татары и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд: Утопија, 2015. 321 с.

16. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата: Гылым, 1992. 224 с.

17. Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и её последствия // Золотоордынское обозрение. 2014. №4(6). С. 96–112.

18. Хайдаров Т.Ф. Русские летописи как источник по эпидемии чумы в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. 2016. №9. С. 96–101.

19. Хаутала Р. От Бату до Джанибека: Военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (2) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, №3. С. 485–528.

20. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Vol. XVII. Pertz G.H. Hannover, München, 1861.

21. Monumenta Poloniae historica. Pomniki dziejowe Polski. 6 Vols. Bielowski A. Warszawa: Państwowe Wydawn Naukowe, 1960–1961.

22. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // Central Asian Survey. 1993. 12 (4). P. 447–457.

**ПОСЛЕДНЯЯ ОСАДА КАФФЫ (1346–1347)
ХАНОМ ДЖАНИБЕКОМ И ЧЁРНАЯ СМЕРТЬ:
К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ
ИСТОЧНИКОВ И О ХРОНОЛОГИИ¹**

Моше Гринберг

В середине XIV века весь евразийский континент пережил одну из крупнейших природных катастроф за всю свою историю: глобальную пандемию чумы, известную как Чёрная Смерть². Так как большая часть этого континента была прямо или косвенно включена в Рах Mongolica (Монгольский мир), монгольские ханства, составлявшие этот мир (вместе с вассальными территориями), также сильно пострадали от этой катастрофы. Золотая Орда или Улус Джучи – одно из таких крупнейших ханств – не была исключением³.

К тому времени Золотая Орда, управляемая ханом Джанибеком (пр. 1342–1357), воевала с итальянскими морскими республиками – Венецией и Генуей, имевшими свои колонии на северном побережье Чёрного и Азовского морей. Этот конфликт, получивший название «кризис Таны», вспыхнул в сентябре 1343 г., когда венеци-

¹ Данная статья была изначально написана как часть одной из глав моей дипломной работы на английском языке на соискание степени магистра в Еврейском университете в Иерусалиме, в итоге не вошедшей в окончательную редакцию работы. Для публикации в виде настоящей статьи она была значительно переработана и дополнена, а также переведена мной на русский язык. Англоязычный вариант статьи также будет представлен к публикации.

² Общее изложение истории развития эпидемии Чёрной Смерти в Европе можно найти во всестороннем исследовании О. Бенедиктова [21]. Развитие этой же эпидемии на Ближнем Востоке см. в обстоятельной работе М. Долса [24].

³ Лучшее и довольно редкое краткое изложение истории Чёрной Смерти в Золотой Орде представлено в статье Ю. Шамильоглу [32], см. также другую его статью на русском языке [18]. Более обобщённое исследование по этой теме см. в статье Н.Д. Руссева [12], и см. также историографический обзор Т.Ф. Хайдарова [17]. Ещё более обширные и подробные исследования по данной теме, возможно, ждут своей публикации в будущем.

анский аристократ убил в Тане (современный г. Азов в устье реки Дон)⁴ одного из татарских купцов, что привело к грабежам и убийствам итальянцев, находившихся в этом городе. Спасавшиеся колонисты бежали на кораблях [5, с. 75–76, 79–80; 7, с. 122–123; 26, с. 187]. Итальянцам был запрещен въезд в город сроком на пять лет [14, с. 34]. Это не удовлетворило золотоордынские власти в полной мере, и они приступили к систематической ликвидации итальянских колоний в регионе. К рассматриваемому периоду выжила только одна крупная итальянская колония – генуэзская Каффа (современный г. Феодосия на юго-восточном побережье Крымского полуострова), служившая одновременно коммерческим центром и цитаделью. Тем не менее, она пережила несколько осад от многочисленных татарских армий. Последняя из них, вернее его наиболее известный эпизод, будет рассмотрен в настоящей статье.

Этот эпизод, упомянутый только в *одном* итальянском источнике, современном тем событиям, связан с появлением чумы в Крыму, а затем у стен Каффы в 1346 г. Когда Чёрная Смерть достигла этой местности и поразила осаждающую армию, татары начали забрасывать своих умерших соратников в город. Их действия вызвали серьёзную эпидемию в Каффе, которая тем не менее не сдалась. Армия Орды, неся тяжёлые потери из-за чумы, была вынуждена в итоге снять осаду⁵. Однако заражённые жители Каффы распространили инфекцию дальше морем, став, по сути, причиной Чёрной Смерти в Европе. Так выглядит краткий пересказ тех трагических событий, как они передаются в вышеупомянутом источнике. Мнения ученых относительно этой истории разделились. Некоторые из них доверяют рассказу де Мюсси почти безоговорочно [12,

⁴ Части города были заняты генуэзской и венецианской колониями в этот период по соглашениям с ханами Золотой Орды.

⁵ На самом деле, Габриэль де Мюсси не упоминает снятия осады, но поскольку он не упоминает и татарского вторжения в город вследствие бомбардировки, можно логически заключить, что она им никаких плодов не принесла, и им пришлось уйти. Именно так и передаёт смысл его повествования В. Хейд [26, с. 196]. Эта деталь намекает на не слишком связный, возможно и скомпилированный, сюжет сего повествования.

с. 221; 23, с. 61; 28, с. 202–203; 31, с. 219; 36, с. 973–974]⁶; другие сомневаются, но те, кто сомневаются, прибегают только к медицинской или историко-медицинской аргументации, игнорируя другие контексты [21, с. 51–54; 25, с. 37; 15, гл. 1.3; 16, гл. 5]. Их главный довод заключается в том, что бомбардировка телами не могла привести к вспышке чумной эпидемии в городе, так как чума передаётся другими способами. По моему мнению, мы можем и должны сомневаться в данной истории ещё до обращения к медицинским специалистам. Не будучи таким специалистом, я постараюсь опровергнуть рассказ де Мюсси, основываясь главным образом на дополнительных, немедицинских соображениях.

Первый аргумент касается доказательной базы под этим историческим известием. Как уже упоминалось, существует один единственный источник, описывающий эти события⁷. Его автором является Габриэль де Мюсси (ок. 1280 – ок. 1356), служивший нотариусом в Пьяченце. Ещё в XIX в. было показано, что автор не покидал город в тот период и не мог лично наблюдать описываемые им события [26, с. 196, прим. 1; 36, с. 972]⁸. Более того, эта рукопись была обнаруже-

⁶ Примечательно, что некоторые историки вообще избегают упоминания этой истории [7, с. 123; 18, с. 687; 32, с. 448]. Что касается «сторонников» рассказа де Мюсси, то, поскольку М. Уиллис практически единственный, кто предоставил более-менее развёрнутую, пусть и краткую, аргументацию в защиту этой истории, он и станет наиболее часто упоминаемым объектом моей полемики на страницах данной статьи.

⁷ Данный источник написан на латыни и озаглавлен следующим образом: «*Historia de Morbo, sive Mortalitate, quae fuit Anno Dni MCCCXLVIII*» («История болезни, или Смерть, случившаяся в 1348 году [по летописанию от] Нашего Господа»). В моей статье используется его полный перевод на английский язык, выполненный Р. Хоррокс [27, с. 14–26].

⁸ Справедливости ради надо отметить, что О. Бенедиктов и Р. Готфрид действительно указывают на этот факт и на то, что автор излишне доверял рассказам моряков или торговцев [21, с. 51; 25, с. 37]. О. Бенедиктов также считает, что де Мюсси мог выдумать эту историю, чтобы объяснить свирепствующую эпидемию среди правоверных христиан – жителей Каффы [21, с. 52]. Эта версия отчасти может претендовать на историографическую интерпретацию источника, но на мой взгляд, она всё равно довольно слабая, так как опять же игнорирует другие контексты, а также не разбирает характер источника и обстоятельства его обнаружения, а не только религиозную идентификацию хрониста. А главное, не

на лишь в 1842 г. в современном польском г. Вроцлаве (!) (в ту пору бывшим немецким (прусским) г. Бреслау). Она даже не была датирована и не имеет отсылок к другим современным ей источникам, как и не упоминается ими⁹. Т.е., по сути, это изолированный источник, а значит его сведения подлежат хоть какой-нибудь верификации, если мы хотим использовать их в качестве доказательной базы чему-либо. Однако ещё более подозрительным является тот факт, что такие значимые события не засвидетельствованы нигде более. Более того, столь ужасающие явления обычно порождали легенды, и в этом случае европейское сознание придало бы Джанибеку гораздо более мрачные черты, чем это было сделано на самом деле.

Второй аргумент связан с хронологией событий. Родина генуэзцев подверглась массовой эпидемии только в начале 1348 г. [21, с. 92]. Согласно другому итальянскому (сицилийскому) источнику, написанному Микеле да Пьяцца (ум. 1377), распространение чумной эпидемии в Италии в её современных границах началось с сицилийского порта Мессина в октябре 1347 г. [19, с. 29; 27, с. 36]¹⁰.

совсем понятно, почему это обстоятельство несколько не мешало другим христианским и мусульманским летописцам – свидетелям пандемии чумы – живописать её ужасы как среди иноверцев, так и среди своих братьев по вере (что было чаще, так как своя среда, где они имели возможность непосредственно наблюдать за событиями, в ту эпоху обычно была единой с ними самими), и зачастую объяснять их и здесь, и там Божьей карой.

⁹ См. краткие сведения о хронисте и его труде [15, гл. 1.3; 23, с. 59; 27, с. 14; 36, с. 972].

¹⁰ Другие итальянские летописцы, братья Джованни и Маттео Виллани из Флоренции (Джованни умер от чумы в 1348 г., его брат Маттео продолжил летопись до 1363 г., пока не скончался от другой вспышки эпидемии чумы в своём городе), также заметили, что чума началась из Сицилии [см.: 4, с. 453; 19, с. 20]. Интересно, что и Микеле да Пьяцца, и Маттео Виллани отмечают, что именно генуэзские галеры принесли эпидемию на этот остров. Сицилийский летописец передаёт, что галер насчитывалось двенадцать, но не указывает, откуда они прибыли [19, с. 29]. Флорентийский же фиксирует, что они приплыли из Чёрного моря, но число прибывших кораблей было только четыре из восьми, изначально базировавшихся в том регионе [19, с. 20]. Хотя некоторые подробности их рассказов соответствуют рассказу де Мюсси, примечательно, что они совсем не упоминают о Каффе, не говоря уже о бомбардировке этого города. Данное обстоятельство не только ставит под сомнение рассказ

Таким образом, существует значительный хронологический провал между вспышкой эпидемии в Каффе и её дальнейшим распространением в Европе.

В-третьих, один из недавних исследователей этого вопроса, М. Уиллис, утверждает, что такой способ ведения войны, так же, как и медицинские знания, стоящие за ним, вполне отвечали тому времени [36, с. 973]. Тем не менее он не привел в пример ни одного прецедента подобной войны, тем более со стороны кочевой армии, и тем более со стороны монголов¹¹. Я считаю такую войну нетипичной для кочевников вообще и для монголов в частности. Во-первых, это противоречит нашим знаниям о поведении кочевников во время эпидемий: они как можно скорее покидали заражённый район¹². Что касается самих монголов, то они оставляли своих

хрониста из Пьяченцы, но, возможно, также указывает на то, что эти генуэзские галеры прибыли в Сицилию уже значительно позже событий, описанных де Мюсси (т. е. после осады Каффы).

¹¹ Нельзя сказать, что это его недосказанность или упущение, так как в своей другой статье, где он разбирает истоки бактериологической войны, М. Уиллис указывает на единственный засвидетельствованный эпизод в истории человечества, который хронологически предшествовал событиям в Каффе (1340 г., т.е. почти одновременно). Данный эпизод произошёл во Франции во время Столетней войны, и, вероятно, включал в себя забрасывание лошадиных трупов в осаждённую крепость. Другой эпизод, возможно, имел место в Богемии (Чехии) во время гуситских войн (1422 г., т.е. сто лет спустя), и на этот раз действительно были заброшены человеческие трупы в осаждённый город, однако, они не были инфицированными. Доказательная база в обоих случаях (т.е. состояние источников) не позволяет однозначно заявить о самом факте их происхождения [см.: 37, с. 10–16]. Как бы то ни было, событие, описанное де Мюсси, по-видимому, остается единственным примером использования заражённых человеческих трупов для преднамеренного распространения болезни во время войны на протяжении всего Средневековья и даже позднее, если оно имело место быть на самом деле. Очевидно, что у него не было зафиксированного прецедента. Таким образом, мнение М. Уиллиса, что «это, вероятно, был не единственный и не первый случай, когда явно пытались вызвать эпидемию, закидывая "биологическим материалом" [т. е. трупами биологических существ] осаждённые города» [36, с. 973], не подтверждается его другим исследованием.

¹² Более того, кочевники обычно мигрировали со своих мест, как только обнаруживали больное сообщество грызунов поблизости. Разумеется, они руковод-

смертельно больных соплеменников одних, более того, они специально помечали кибитки с больными, чтобы другие не входили туда [10, с. 32]¹³. Важным является и тот факт, что похоронные обряды, обычаи и верования монгольских и тюркских кочевников того периода явно противоречили данному способу ведения войны¹⁴.

Наконец, то, каким образом описывает де Мюсси данное событие, также вызывает вопросы. После вспышки массовой эпидемии чумы у себя в стане татары «потеряли интерес к осаде» [27, с. 17].

становались суеверием, что это приносит несчастье, но у этого суеверия, похоже, было весомое практическое основание в реальности [см.: 29, с. 137–138].

¹³ И даже более, «никто из присутствующих при его [больного] смерти не может входить в орду какого-нибудь князя или императора до новой луны» [29, с. 137–138]. Спутник Карпини, тоже францисканский монах, Бенедикт Поляк сообщает о девятимесячном сроке запрета для нарушителей [6, с. 119]. Этот запрет подтверждается и Гильомом де Рубрук, указавшим на годичный срок его продолжительности [11, с. 102, 164].

¹⁴ П.О. Рыкин, обобщив нарративные источники о погребальных обычаях монголов в имперский период (XIII–XIV вв.), убедительно доказывает, что умершие монголы (как и тюрки) хоронились в данный период времени, а не оставались в степи. Обычай оставлять трупы (открытое погребение) был принят значительно позже, но преобладал до наших дней (достаточно вспомнить фильм Н.С. Михалкова «Урга – территория любви»). П.Ю. Рыкин утверждает, что тогда (в императорский период) бросать трупы непогребёнными означало неуважение к умершим и несло негативную ценностную окраску [см.: 13, с. 268–269]. Это подтверждается археологическими исследованиями Золотой Орды, раскрывающими однозначную картину захоронений как языческих, так (тем более) и мусульманских жителей. Краткое описание данной картины можно найти в исследованиях Д.В. Васильева [2, с. 149–161, особ.с. 158; также 1, с. 39–51.] Более того, в армии Орды, по-видимому, находилось определенное количество мусульманских солдат и эмиров со строгим ритуалом погребения в исламе, краткое описание которого с местными особенностями можно также встретить у Д.В. Васильева [1, с. 36–37]. Таким образом, напрашивается вывод, что выполнение приказа, описанного в рассказе де Мюсси, было бы очень проблематичным даже в, вероятно, очень дисциплинированных татарских войсках. Кстати, такое распоряжение было бы очень проблематичным в любой армии того времени. Не случайно, что другой приказ о метании человеческих трупов (осаждающих) в осаждённый город был отдан, вполне возможно, польским князем литовского происхождения, который командовал иностранными чешскими еретическими (т.е. гуситскими) войсками [37, с. 15–16].

Иначе говоря, забрасывание трупов своих умерших товарищей в город может рассматриваться как чистая месть. Далее автор описывает страдания города в результате применения такого способа ведения войны. Для наглядности лучше процитировать отрывок из его дальнейшего повествования [22, с. 18–19]:

«Когда это случилось, среди тех, кто сбежал из Каффы на судах, было несколько матросов, которые были заражены этой ядовитой болезнью. Некоторые суда направились в Геную, другие отправились в Венецию и в другие христианские регионы. Когда матросы добрались до этих мест и вошли в контакт там с местным населением, это было как будто они принесли с собой злых духов: каждый город, каждое поселение, каждое место было отравлено заразной эпидемией, и их жители, как мужчины, так и женщины, внезапно умирали»¹⁵.

Прежде всего мы видим, что город сильно опустел. Не совсем понятно, почему мстительные татары не пытались ворваться в этот в значительной степени опустевший город, дабы разрушить его до основания. Почему они предпочитали умирать под городскими стенами, забрасывая через них трупы своих скончавшихся товарищей по оружию, вместо того, чтобы яростно штурмовать эти стены? Кроме того, нет упоминания о сицилийской Мессине, в которую генуэзские моряки занесли инфекцию, прежде всего, согласно другим итальянским источникам. В целом, рассказ Габриэля де Мюсси довольно противоречивый, по меньшей мере вызывающий сомнения. Пока он остается единственным источником о «биологической войне» Орды против Каффы, мы можем обоснованно не доверять подлинности этого события. Для меня картина агонизирующих татар, упрямо стоящих у стен города и забрасывающих его тысячами трупов своих соратников, кажется неправдоподобной и недостоверной¹⁶.

¹⁵ Мой перевод с английского перевода источника, выполненного Р. Хоррокс.

¹⁶ Для М. Уиллиса это реалистичная картина, и он подчеркивает, что «были использованы многие тысячи трупов» в бомбардировке телами [36, с. 973]. Поскольку маловероятно, чтобы в золотоордынской армии было слишком много катапулт (или требушетов), это должно было занять много дней. Всё это время войско Орды терпеливо забрасывало тела своих солдат за стены, не

Несмотря на сомнительный характер рассказа де Мюсси, нет никаких сомнений в ключевой роли Крымского полуострова в дальнейшем распространении чумы как в христианскую, так и в мусульманскую части Средиземноморья [12, с. 221; 21, с. 60–63, 69–70; 24, с. 51–52; 36, с. 974]. Как уже упоминалось, де Мюсси явно связывает распространение чумы в Европе с татарской осадой Каффы. Это утверждение опровергается даже некоторыми исследователями, которые в целом поддерживают его мнение, например, М. Уиллисом [36, с. 974]¹⁷. Чтобы прояснить данный вопрос, мы должны предварительно уточнить хронологию распространения чумной пандемии. Вернемся к хронологии распространения этой пандемии в Каффе. О. Бенедиктов утверждает, что чума медленно распространялась в городе в начале зимы 1347 г.¹⁸ При потеплении погоды следующей весной (1347 г.) произошла вспышка эпидемии, вынудив многих жителей Каффы в «панике бежать» [21, с. 54, 61]. Один из известнейших свидетелей чумы в исламском мире, сирийский хронист и поэт мамлюкского периода, Ибн аль-Варди (ум. 1349), сообщает нам, что чума поразила Золотую Орду в раджабе 747 г.х. / октябре–ноябре 1346 г. [18, с. 687; 24, с. 51; 32, с. 449, 455, примеч. 29]. М. Долс указывает, что только затем эпидемия распространилась на Крым и Византию [24, с. 51]. В заключение, можно предположить с достаточной долей уверенности, что вспышка чумной эпидемии в Каффе произошла, скорее всего, весной 1347 г.

Теперь нам следует проследить хронологию пандемии в Средиземноморье. Как уже упоминалось, чума появилась в Сицилии в октябре 1347 г. Разумеется, к тому времени она уже распространилась в Восточном Средиземноморье. В июле 1347 г. инфекция на-

пытаясь напасть на этот ненавистный город, спастись бегством от страшной угрозы или даже восстать против осквернения и неуважения к мертвым соратникам. Я считаю, что это очень неправдоподобная картина.

¹⁷ Исследователь опровергает эту часть повествования де Мюсси по хронологическим соображениям. Ср. мнение Дж. Аберта [19, с. 13], не разглядевшего здесь хронологическую проблему.

¹⁸ С.П. Карпов также указывает на начало зимы, как время появления чумы в Каффе, добавляя к этому городу и г. Тану [8, с. 225].

чала распространяться в Константинополе [21, с. 61]¹⁹; чуть позднее, в начале осени того же года, чума достигла Александрии на южном побережье Средиземного моря [21, с. 63; 24, с. 57–60] и одновременно поразила Трапезунд на южном побережье Чёрного моря [8, с. 225; 21, с. 61; 24, с. 63]. Примерно в то же время эпидемия перешла и на Кипр [25, с. 42]. Таким образом, можно утверждать, что распространение эпидемии в средиземноморском регионе началось к лету 1347 г., в то время как большинство инфекционных контактов имели место в начале осени 1347 г.

К тому времени политическая ситуация в Северном Причерноморье изменилась, поскольку итальянские морские республики, видимо, достигли перемирия с Золотой Ордой [22, с. 212, 214; 26, с. 197; 30, с. 208, 213]. Можно предположить, что торговые пути из Золотой Орды вновь стали доступны. Следует напомнить в данном контексте, что в Орде было накоплено большое количество нереализованных товаров вследствие эмбарго [22, с. 213–214]. Поэтому возобновление торговой активности, несмотря на чуму, не вызывает удивления – купцы стремились наконец-то сбыть эти товары²⁰. Это ещё один яркий пример того, как торговля способствовала распространению чумы²¹. Таким образом, как раз мир, а не война, стал невольным пособником в распространении пандемии.

¹⁹ Некоторые другие исследователи [8, с. 225; 19, с. 13; 20, с. 394] датируют занесение чумной бактерии в этот город весной 1347 г. Эта датировка, однако, не противоречит мнению О. Бенедиктова, так как его мнение предполагает, что обычно требовалось семь-восемь недель для развития эпидемии до её массового распространения.

²⁰ Согласно Маттео Виллани [4, с. 453], итальянские корабли прибыли в Сицилию из регионов Чёрного моря, Византии и Леванта (Сирия), стремясь избежать эпидемии и *вернуться домой со своими товарами* (вполне вероятно, что это были те самые генуэзские корабли, о которых говорилось выше). Похоже, они надеялись перевезти приобретенные товары (и, возможно, приобрести ещё какой-нибудь товар по пути), прежде чем чума их застала бы, но эпидемия оказалась быстрее.

²¹ М. Долс считает, что торговый флот являлся очень эффективным транспортным средством для переноса чумы. Его корабли перевозили заражённых крыс, а продукты питания и товары на борту, особенно меха, популярные в мамлюкском Египте, легко переносили инфицированных блох [24, с. 57]. Это мне-

Возвращаясь к хронологии осады Каффы, сначала необходимо установить общее количество осад золотоордынскими войсками этого города. Это непростая задача, поскольку источников мало, и мнения исследователей снова расходятся. Но из спорадических упоминаний в итальянских источниках можно предположить, что до 1346 г. было ещё две осады²². Следовательно, рассматриваемая

ние поддерживается и Дж. Абертом, указывающим, что через транспортировку мехов могло произойти заражение и территории Италии [19, с. 13]. Впрочем, помимо предметов роскоши, корабли перевозили из заражённых районов Северного Причерноморья и продукты первой необходимости, в частности, зерно. Таким образом, не только жажда наживы, но и банальный голод заставляли людей забыть меры предосторожности и страх перед эпидемией [8, с. 225–226]. При том, нехватка зерна, видимо, оказалась столь серьезной, что венецианский Сенат ещё до перемирия с Золотой Ордой (в апреле 1347) повелел своим купцам вернуться и участвовать в торговле зерном с территориями, находившимися под контролем её правителя, несмотря на свой собственный запрет торговли с ними (упомянутый в постановлении среди прочего) [34, с. 60; 35, с. 336].

Однако, самым эффективным «агентом» чумной бактерии являлся, возможно, сам человек. Наиболее ярким примером этому служит, весьма вероятно, прибытие одного большого грузового корабля из черноморского региона в Александрию. Люди на борту – экипаж, торговцы и рабы – в массе своей скончались ещё до прибытия в порт, остальных ждала та же трагическая участь в гавани [24, с. 60; также 21, с. 63.] О. Бенедиктов сомневается в количественных оценках, приведённых в рассказе об этом случае у известного египетского хрониста аль-Макризи (1364–1442), но тенденция всё же ясна.

²² Первая осада, кратко описанная в генуэзской хронике братьев Стелла, состоялась в феврале 1344 г. [33, с. 135; см. также 26, с. 188]. Эта осада часто упоминается в исторической литературе; она плохо закончилась для осаждающих войск, когда генуэзцы уничтожили в ночной вылазке их осадные машины. Вторая попытка взять Каффу летом 1345 г. упоминается в документе Сената Венецианской республики [35, с. 333–334; также 34, с. 57]; данное упоминание почти полностью обделено вниманием историков, я обнаружил его только в: [5, с. 83–84]. Григорьевы предположили, что город на этот раз заплатил выкуп; я сомневаюсь в этом, поскольку, по моему мнению, Джанибек желал подчинения генуэзской колонии даже больше, чем дани от неё. Поэтому я считаю, что и эта осада могла быть также неудачной. С другой стороны, даже более вероятно, что этот поход был лишь демонстрацией силы и не предполагал длительной осады; по крайней мере, смысл сообщений вышеупомянутых источников больше в угрозе от золотоордынской армии под командованием беклярибека Могулбуги (ум. 1361), чем в её реальных действиях. По сути, описание фактических боевых

осада была предположительно третьей по счету²³, и, соответственно, последней татарской осадой Каффы в период правления хана Джанибека. Я предполагаю, что данная кампания против генуэзской колонии состоялась зимой 1346–1347 гг., поскольку армия Орды предпочитала зимний период для военных кампаний [9, с. 41–45]. Таким образом, эта кампания хронологически совпадает с распространением эпидемии в регионе (т.е. в Крыму). Данное обстоятельство никоим образом не подразумевает «ответственность» осаждавшей татарской армии за заражение осаждённого города. Вполне вероятно, что первыми из тех, кто бежал оттуда, были как раз осаждавшие, и только затем за ними последовали осаждённые (разумеется, в разных направлениях). Кроме того, следует усомниться и в способе заражения Каффы, предложенном де Мюсси, так как существовало ещё много других различных способов для проникновения в город чумных бактерий²⁴. Точно так же существовало гораздо

действий под стенами Каффы во время двух последних осад (по моей хронологии) остаётся за пределами охвата введенных в научный оборот источников того периода (если признать хронику де Мюсси малодостоверной).

²³ Итальянская исследовательница Дж. Петти Бальби также упоминает три осады Каффы золотоордынскими войсками, однако последнюю, третью осаду относит к 1349 г. К сожалению, она не приводит источники в подтверждение [см.: 31, с. 219]. Выражаю глубокую благодарность д-ру Франческе Фьяскетти за перевод данного фрагмента в вышеупомянутой статье.

²⁴ М. Уиллис утверждает, что, поскольку распространение чумы в Каффе через популяцию грызунов маловероятно, версия де Мюсси (катапультирование трупов) более достоверна [36, с. 974]. Однако между осаждающими и осаждёнными существовало много дополнительных способов заражения от человека к человеку, например, через сражения, пленников, переговоры и даже торговлю. Другим способом, который кажется мне правдоподобным, является то, что опустевший татарский лагерь мог быть разграблен жителями Каффы. Эта версия принимает во внимание как стандартное поведение кочевников во время эпидемий, так и стандартное поведение солдат-горожан после того, как осаждающие удалялись. Это справедливо только в том случае, если бы войска Орды ушли сразу же после вспышки эпидемии, поскольку в противном случае, защитники города побоялись бы вступить в буквальный смысле на кладбище заражённых трупов. Ещё одним, даже более внушающим доверие путём распространения эпидемии в городе, могло являться его морское снабжение из уже поражённых чумной бактерией районов Северного Причерноморья.

больше путей транспортировки чумы в Европу, чем описанный в хронике де Мюсси²⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. Астрахань: Изд-во Астраханского университета, 2007. 191 с.
2. Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: Изд-во Астраханского университета, 2009. 179 с.
3. Вашари И. Многоязычие и культурные взаимодействия в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 56–73.
4. Виллани Дж., [Виллани М.]. Новая хроника, или История Флоренции / Перев., статья и примеч. М.А. Юсима. М.: Наука, 1997. 551 с.
5. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. 276 с.
6. Де Бридиа Ц. История Тартар // Христианский мир и Великая Монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 года / Крит. текст, перев. с латыни С. В. Аксёнова и А. Г. Юрченко. Экспоз., исслед. и указ. А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.
7. Карпов С.П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // Византийский Временник. Т. 55 (80), ч. 1. М., 1994. С. 121–126. Электронный ресурс: <http://www.vremennik.biz/opus/BV/55a/52918>
8. Карпов С.П. Кризис середины XIV в.: недооценённый поворот? // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 1999. С. 220–238.
9. Кушкумбаев А.К. Ключевые принципы монгольской военной стратегии XIII–XIV вв. // Военное дело Улуса Джучи и его наследников: Сборник научных статей / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 38–71.
10. Плано Карпини Дж. История Монгалов, именуемых нами Татарами // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Перев. с латыни А.И. Малеина. Ред., вступ. статья и примеч. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. С. 7–13, 23–83.

²⁵ На этот раз я должен согласиться с мнением М. Уиллиса [36, с. 974].

11. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благодати 1253 // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Перев.с латыни А.И. Малеина. Ред., вступ. статья и примеч. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1957. С. 13–18, 87–194.

12. Руссев Н.Д. Безноса привратница эпох: «Чёрная Смерть» на Западе и Востоке Европы // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб.: Нестор, 1997. С. 220–239. Электронный ресурс: https://www.e-anthropology.com/Katalog/Istoria/STM_DWL_ZTaB_OiAySy20Hxk9.aspx

13. Рыкин П.О. Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменных источников) // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки: Сборник статей / Отв. ред. Ю.Е. Берёзкин, Л.Р. Павлинская. СПб.: Изд-во МАЭ РАН: Кунсткамера, 2010. С. 239–301. Электронный ресурс: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_02/978-5-88431-172-5

14. Скржинская Е.Ч. История Таны // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подг. текста, перев.и комм. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. С. 29–64.

15. Супотницкий М.В. Биологическая война. Введение в эпидемиологию искусственных эпидемических процессов и биологических поражений: монография. М.: Кафедра/ Русская панорама, 2013. 1136 с. Электронный ресурс: <http://supotnitskiy.ru/book/book8.htm>

16. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: в 2-х кн. Кн. I: Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. 468 с. Электронный ресурс: <http://supotnitskiy.ru/book/book3.htm#1>

17. Хайдаров Т.Ф. Историография эпидемии «Черной смерти» на территории Улуса Джучи (1814–2016) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 164–192. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.164-192.

18. Шамильоглу Ю. Чёрная смерть и ее последствия // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. III: Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 686–690.

19. Aberth J. (ed.). The Black Death: The Great Mortality of 1348–1350: A Brief History with Documents. Boston: Bedford/St. Martin's, 2005. xv + 199 p.

20. Bartsocas C. Two Fourteenth Century Greek Descriptions of the 'Black Death' // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1966. Vol. 21, № 4. Pp. 394–400.
21. Benedictow O. *The Black Death, 1346–1353: The Complete History*. Woodbridge, UK: Boydell, 2004. xvi + 433 p.
22. Ciociltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries* / Transl. by S. Willcocks. Leiden-Boston: Brill, 2012. vi + 321 p.
23. Derbes V. De Mussis and the Great Plague of 1348. A Forgotten Episode of Bacteriological Warfare // *Journal of the American Medical Association*. 1966. Vol. 196, № 1. Pp. 59–62.
24. Dols M. *The Black Death in the Middle East*. Princeton: Princeton University Press, 1977. xvii + 390 p.
25. Gottfried R. *The Black Death: Natural and Human Disaster in Medieval Europe*. New York: Free Press, London: Collier Macmillan, 1983. xvii + 203 p.
26. Heyd W. *Histoire du commerce du Levant au moyen-âge*. Vol. 2. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1886. 799 p.
27. Horrox R. (ed. and transl.). *The Black Death*. Manchester: Manchester University Press, 1994. xiv + 364 p.
28. May T. *The Mongol Conquests in World History*. London: Reaktion Books, 2012. 319 p.
29. McNeill W. *Plagues and Peoples*. Garden City, New York: Anchor Press / Doubleday, 1976. 340 p.
30. Papacostea Ș. «Quod non iretur ad Tanam.» Un aspect fondamental de la politique génoise dans la Mer Noire au XIVe siècle // *Revue des études sud-est européennes*. 1979. Vol. 17, № 2. Pp. 201–217.
31. Petti Balbi G. Caffa e Pera a metà del Trecento // *Revue des études sud-est européennes*. 1978. Vol. 16, № 2. Pp. 217–228.
32. Schamiloglu U. Preliminary Remarks on the Role of the Disease in the History of the Golden Horde // *Central Asia Survey*. 1993. Vol. 12, № 4. Pp. 447–457.
33. Stella Georgius, Stella Iohannis. *Annales Genuenses* / Ed. G. Petti Balbi. Bologna, 1975.
34. Thiriet, F. (ed. and transl.). *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie*. Vol. 1: 1329–1399. Paris-The Hague, Mouton & Co, 1958. 246 p. (In French).

35. Thomas G. (ed.). *Diplomatarium Veneto-Levantinum; sive, Acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia*. Vol. 1: a. 1300–1350. Venice: Sumptibus Societatis, 1880. xxvi + 356 p.

36. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa // *Emerging Infectious Diseases*. 2002. Vol. 8, № 9. Pp. 971–975. Available at: https://wwwnc.cdc.gov/eid/article/8/9/01-0536_article.

37. Wheelis M. Biological Warfare Before 1914 // *Biological and Toxin Weapons: Research, Development, and Use from the Middle Ages to 1945* / Eds. E. Geissler, J. van Courtland Moon. Oxford: Oxford University Press, 2003. Pp. 8–34.

BLACK DEATH OF 1348 IN DUBROVNIK: BEGINNING OF THE CRISIS OR A DISRUPTION?¹

G. Ravančić

Epidemic of mid-fourteenth century still provokes many disputes in modern science, though it has passed more than hundred years since Alexander Yersin and Kitasato Shibasaburō have co-discovered an infection agent of disease that struck upon Hong Kong in 1894². Henceforth, researchers of history of medicine discuss whether this agent was the same one which caused great medieval pandemic that lasted from the mid-fourteenth century until the end of pre-modern Europe, i.e. the first half of the eighteenth century.

Although majority of researchers support thesis that this great epidemic of medieval and early modern times was (bubonic) plague³, there were (and still are) some scholars, who argue that it could not be plague, but some other infectious disease⁴. Either way, the pandemic / epidemic of mid-fourteenth century struck upon Europe unexpectedly and harshly. Recent research of Ole J. Benedictow has revealed its European scope

¹ This work has been supported in part by the Croatian Science Foundation under the project «Towns and Cities of the Croatian Middle Ages: Urban Elites and Urban Space», no. IP-2014-09-7235.

² More about Hong Kong epidemic and discovery of the pathogen see e.g. [101, p. 662–667; 24, p. 209–244; 15, p. 90–95; 10, p. 20–28; 11, p. 42–44; 97, p. 39–41].

³ For overview of historiography and supporters of such thesis see e.g. [62, p. 267–90; 12, p. 15–38; 97, p. 90–94].

⁴ Although in 2004 and 2011 DNA genetics research by Mike Prenitece, Alan Cooper, Thomas Gilbert, Carsten Pusch and others demonstrated that great pestilence of the 14th century was caused by bacillus *Yersinia pestis* (i.e. it was plague), some researchers still rise reasonable questions about scope of the disease and significant difference between this second pandemic and the third one (together with sporadic occurrences in the 20th century). Regarding genetic DNA research results see e.g. [62, p. 270–271; 13, p. 506–510]. Regarding historiographic criticism to genetic DNA research see e.g. [19, p. 74–100; 96, *passim*; 50, p. 263–284; 82, *passim*].

together with the consequences of its reoccurrences⁵. Similarly, Nühket Varlik recently has shown to what extent plague epidemic influenced the Ottoman societies at the end of the Middle Ages and during the early modern times, especially regarding the regions of Anatolia and Balkans [97, *passim*].

But even before this Black Death Europe had encountered plague epidemic that ravaged its population. The first known and recorded in the sources happened in the sixth century during the reign of the Byzantine emperor Justinian, and it lasted in some remote parts of Europe until the mid-eight century⁶. Although extant sources describe certain epidemics of eleventh and twelfth centuries, it is hard to identify these epidemics as plague, and it is more probable that after this, so called, Justinian's plague or the «first pandemic» Europe did not encounter plague epidemic until the mid-fourteenth century [80, p. 18–19].

History of the mid-fourteenth century epidemic and its spread throughout Europe is more or less well elaborated in the existing scholarly literature⁷. However, its focus or starting point remains rather unclear and provokes numerous disputes in the scholarly community⁸. Still, there is consensus that the first infection to Europe came from Genoese trade colony in Crimean Caffa at Black Sea, which was in winter of 1346 attacked and sieged by Mongol-Tatars of the Golden Horde⁹. It seems that epidemic first started among Mongol army and soon after disease reached population within the city. When infections started to take lives of the Genoese tradesmen, they tried to flee towards their homeland. Such way of transmission is supported by contemporary narrative

⁵ E.g.: [5, *passim*]. Good review of plague pandemic can be found also in: [19, *passim*].

⁶ For more about Justinian plague pandemic see e.g.: [66, p. 159; 8, p. 1508; 6, p. 16; 51, p. 270–277].

⁷ The complete list of relevant titles would be too extensive, so for overview see e.g. together with the literature listed in these editions: [30, p. 131–149; 9, *passim*; 43, *passim*; 5, *passim*; 103, *passim*; 94, *passim*; 6, *passim*].

⁸ Regarding numerous disputes about foci of plague see [28, p. 41–47; 97, p. 33–34, 45, 49–50].

⁹ See more on interpretation of the Mongol siege of Caffa as an example of a biological warfare: [100, p. 971–975].

sources such as *Historia de Morbo* by Gabriele de'Musis from Piacenza¹⁰. Soon after, disease started to spread along the continent following (mostly maritime) trade-routes of merchandise. As it is clear from the map below (Map 1)¹¹, by 1350 the epidemic has embraced almost the entire Europe. Still, looking at this map it is interesting to notice that disease came from the East but after reaching Messina on Sicily and Marseille in southern France, by the end of the 1347, it started to spread firstly to north and then towards East. Thus, realms of Sweden and Russia encountered epidemic only in winter of 1350, even though the focus of the epidemic in 1347 was just few hundred kilometers on south of the Russian lands.

After this first wave, the plague remained in Europe until the beginning of the eighteenth century. This, so called, «second pandemic» influenced deeply European societies. Namely, epidemic reoccurrences became a daily life companion of European medieval men. It seems that in this period each community had experienced epidemic at least every 10 or 11 years¹².

What even today puzzles researchers is an effect of harshness, mortality and quickness of this epidemic. Its consequences were at least twofold: direct and indirect¹³. In historiography there was much discussion

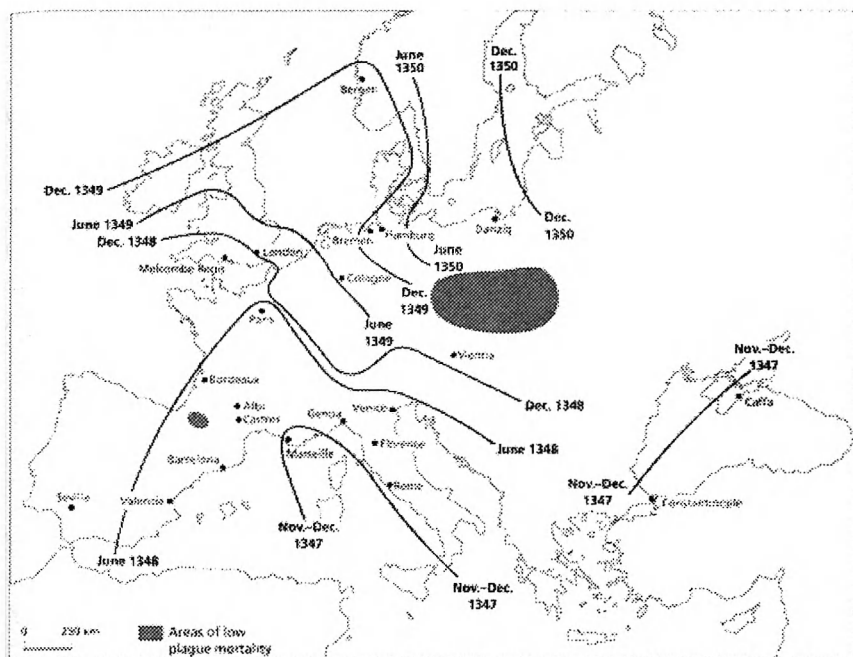
¹⁰ See e.g. Gabriele de' Mussis, «The Arrival of the Plague» (*Historia de Morbo*), in: [93, p. 14–26]. However, some historians, like Ole J. Benedictow, maintain that this story about arrival of plague is basically myth constructed almost immediately after the Black Death [5, p. 51–53]. Similarly, N. Varlik offers examples of somewhat different traditions about the origin of the mid-fourteenth century plague [97, p. 97–99].

¹¹ Map 1 is taken from F. Donald Logan, *History of the Church in the Middle Ages*, (London and New York; Routledge, 2013). Available at: <http://erenow.com/postclassical/ahistoryofthechurchinthemiddleages/16.html>; last checked on May 23, 2018.

¹² See table and elaboration in [97, p. 125–126].

¹³ Among direct consequences one could count population loss, rise of the Christian piety and social disturbances of the 14th century. On the other hand, indirect consequences were less obvious but more permanent like rise of the prices of labor and some products of daily use, social change that led towards change in economics in some European regions etc. About this see more in e.g.: [43, passim; 102, p. 102–108; 37, p. 129–160; 6, p. 303–329; 27, p. 11–33].

on this topic, and some of researchers claimed that among indirect consequences of the Black Death one could count even rise of the vernacular languages in the written culture, and consequently invention of the print [43, p. 10].

Map 1

Though it seems that by the nineteenth century plague has been eradicated from the modern world, it still occurs sporadically not only in remote parts of the world but also in urban surroundings. Such occurrences could be explained by the very nature of this disease. Namely, the (bubonic) plague is primarily disease of small rodents¹⁴, and as such almost permanently exists in certain regions such as some parts of present-day China and Mongolia like the Gobi Desert, some southern parts

¹⁴ See together with the listed literature: [103, p. 26–27; 97, p. 48–54].

of the Russian Federation, very southwest of the Arabian Peninsula, parts of the Southern Africa, and some parts of the western United States like parts of the New Mexico deserts¹⁵.

In these parts plague exists as an enzootic disease among rodents' populations, and only if some kind natural disaster ravages rodent population it is possible that flea transmitter of the bacillus seeks for another host¹⁶. Moreover, recent biological research has revealed that it is possible that usual vector of transmission of *Yersinia pestis*, i.e. flea *Xenopsylla cheopis*, is not necessary for the spread of disease. Namely, it seems that human fleas (*Pulex irritans*) and even human louse can act as a vessel (vector) for transmission of the bacillus. Thus, today one can say with much more certainty that (archeological or narrative) evidence of (black) rats in the cycle of the disease transmission is not necessary to allow us to presume that the Black Death actually was plague epidemic. Furthermore, it is highly probable that the bacillus that we today consider responsible for plague infection has mutated during the history. Therefore, today there is still open question what was the exact source of the mid-fourteen century epidemic: whether it was *Yersinia pestis medievalis* or *orientalis* biovar¹⁷.

Bearing this in mind, together with the fact that on the global level almost each year there is outbreak of some new (or old) disastrous epidemic, one cannot ignore importance of research and understanding of pandemic and epidemic diseases. This does not include only medical and biological investigation, since each of these epidemic diseases deeply affect various layers of societies, and adequate response should not include only a medical prevention but also social awareness and adaptivity. Therefore, knowledge about how our predecessors handled epidemics of their age, surely can help in better understanding of our reality.

¹⁵ However, it is important to stress that there exist and throughout the history had existed temporarily foci of the plague like some parts of Libya, Yemen, Iran, northern regions of the Caspian Sea, parts of the western Balkans, Moldavia and Wallachia, as well as parts of Anatolia and Egypt. See e.g.: [97, p. 49–50].

¹⁶ About plague among rodents see e.g. [103, p. 25; 36, p. 29–39; 10, p. 25–26]. Though this process is quite extensively discussed in the literature the newest overview is available in: [97, p. 19–28, 50–53].

¹⁷ This question of bacterial variations is rather well discussed during the last decade. For overview see e.g.: [97, p. 28–41].

The example of medieval and pre-modern Dubrovnik clearly fits in such paradigm. Namely, this small commune, and later an aristocratic republic, at the Eastern Adriatic coast established its economic and political importance basically on intermediary trade between Adriatic coasts (both west and east) and Dubrovnik's hinterland that extended even up to the Hungarian plane. Such economic system – highly depending on trade – certainly was quite prone to the diseases transmitted via trade routes.

Therefore, it is not surprise that Dubrovnik was one of the first trade harbors that got infected, already in December 1347. Namely, as it can be read in the foreword of the 3rd volume of *Opera pia*, communal record of pious testamentary bequests, the epidemic came to Dubrovnik in the eve of 1347¹⁸. On the other hand, other extant sources from the period, such as records of city's councils witness that epidemic has been noted only in January 1348 on the neighboring island of Šipan (*isola de Juppana*) [69, p. 11]. By the same token, preserved chronicles from the fifteenth and later centuries reveal that plague came to city on 15th January¹⁹. This slight discord in the sources easily can be explained. Namely, as Benedictow suggested in his monumental monograph, there is a certain time lag between the time when epidemic arrives to community and the moment when inhabitants and local authorities notice increased death rate. In the communities with rather high trade frequency this lag can be up to six weeks [5, p. 57–60].

Distribution of the recorded last wills from 1348 – if number²⁰ of preserved testaments resembles trend of death rate – reveals timeframe of this first wave of the epidemic. Thus, one can say that the Black Death

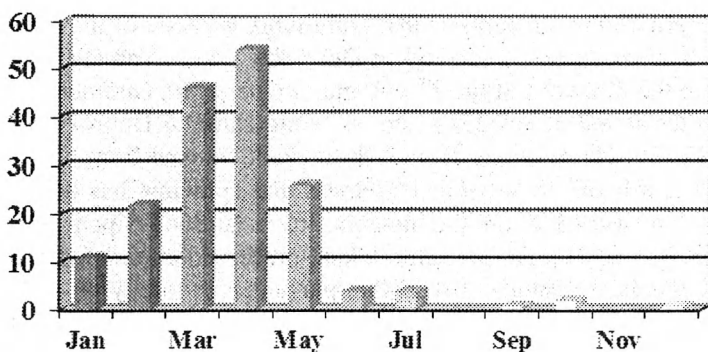
¹⁸ *In lo nome del omnipotente Dio pare fiolo et Spiritu sancto et de Madona Sancta Maria mare del fiol de Dio. Cunço sia che neli anni domini MoCCCCXLoVIIIo. Lo nostro signor Dio mando çudisio oribile et inaudito in lo universo mundo si soura li Christiany come soura li pagani ...la qual mortalidade començo in Ragusi nel predio millesimo die XV de deçembrio ...* [73, fol. 9].

¹⁹ Dubrovnik chronicles that mention and briefly describe mortality of 1348: [59, p. 39, 228; 81, p. 66–67; 22, p. 131; 23, p. 391–392; 2, p. 27].

²⁰ Exact number of the preserved and analyzed last wills from 1348 is 304. All of them are kept in State Archives Dubrovnik within archival series *Testamenta notariae*, 10–1, vol 5. Usual number of preserved (recorded) last wills in the «normal» (i.e. non-plague) years was between 25 and 60.

had its peak in Dubrovnik during March and April. This hypothesis can be additionally corroborated by the information from the records of Dubrovnik authorities, i.e. Great and Minor Councils.

Graph 1: Distribution of the recorded last will from 1348

The first notions that something unusual was happening in Dubrovnik were recorded already at the beginning of January, because on the session of the Great Council held on the Epiphany noblemen were discussing strange irregularities regarding the execution of the last wills. Namely, it was noted that majority of the executors and witnesses had suddenly died [69, p. 15]. However, this unusual course of events did not provoke any discussion about a possible epidemic.

Namely, as it is clear from the regulation of Major Council from 19 Jan 1348, local authorities only then became aware that something strange is happening on the island of Šipan, and that such unusual mortality had to be treated in some way. Therefore, Minor Council concluded to send there local barber, who unfortunately died preforming his duty just free weeks later [49/2, p. 127; 69, p. 11–12].

At that point Dubrovnik authorities had to decide whether they should isolate the island to stop spread of the infection, or to proclaim some other restrictive regulations. At first council members were ambivalent – they were aware of possibility of spreading the disease, but at the

same time they did not want to exclude city from trade routes by sounding an alarm about the epidemic. Since their decision was not to block the island, soon after infection came to the city and death toll in March was significant, so the Minor Council had to assign three noblemen to find new and distant burial sites. Moreover, these three patricians had to find means and modes to keep city clean and fresh, since the air in the city became contaminated because of the smell of the dead bodies, which were not buried properly [69, p. 18].

It is interesting to note that at this exact time the Black Death and its death toll increases in other Dalmatian cities, too. Moreover, it seems that even the *Serenissima* Venice was harshly struck, because the Senate of Venice, in their response to appeals of Trogir and Split, could not do anything more but to offer comfort to authorities of these cities, since plague was ravaging streets of Venice²¹.

Furthermore, it is important to state that at that time the epidemic was just another calamity that struck upon Dalmatian coast and its hinterland. Namely, from 1340s Hungarian and Croatian king Louis the Great of the House of Anjou was trying to re-establish his royal power over Dalmatia and parts of medieval Croatia, the lands that were at that time occupied by the Venetian Republic. Although most the war activities were situated far from Dubrovnik, local authorities and their sovereign in Venice were quite afraid that king Louis could move his troops further on the south [69, p. 18–19, 24; 47, p. 62]. Therefore, Venetian authorities have allowed export of a certain quantity of arms to Dubrovnik. Still, this Venetian regulation is interesting because it was accompanied with regrets of Venetian Senate referring to the report of Dubrovnik authorities in which they had described terrible situation in the city because of the population loss (... *condolendo de pestifero casu mortalitatis, propter quam de personis multum diminuti dicuntur*...) [61, p. 78].

Bearing in mind the above-mentioned war circumstances and genuine intention not to exclude the city from the trading routes of that time,

²¹ 1348. die 29 marcii, capta: quod istis ambaxatoribus de Tragurio et Spaleto exponentius mortalitatem magnam, que cives suos invasit, et incursiones Hungarorum, respondeatur cum verbis abilibus, ut domino, consiliariis, captibus et sapientius apparebit [61, p. 71]. Concerning plague in Venice see also: [6, p. 74; 5, p. 72].

it should not be surprising that Dubrovnik authorities approached to the issue of the epidemic in an administrative manner. Namely, as it was stated before, one among the first problems that was put in front of Dubrovnik authorities, and which was caused by the plague, was a holdup in the process of last wills execution. Therefore, the local authorities tried to solve this by forming a special official body, which should execute these testaments and resolve the existing delay. However, such an approach did not help and the Great Council had to discuss this matter in May again [27, p. 12; 69, p. 23, 32].

This process of execution of the last wills included rule that last will had to be properly written in front of communal notary [87, lib. III, cap. 41]²². Therefore, the Great Council assigned Rector and the Minor Council to employ an additional notary, who should work with notary John, who was head of the communal chancellery [69, p. 23]. Nevertheless, soon after John has died, and Dubrovnik authorities now had to employ two new notaries [69, p. 24].

It seems that by the mid-June absence of notaries in the city became a serious administrative problem, and on 21 June 1348 the Minor Council decided that all the last wills written during the epidemic should be recorded in a single notebook. This task was assigned to three noblemen, who also had to exam authenticity of the last wills and their transcriptions. At the same time, it was proclaimed that each last will containing bequests larger than 100 perpers must be registered (... *et sic debeat gridari per civitatem, quod quilibet debeat facere registrari ipsa testamenta a ypp C supra* ...) [69, p. 29]. Still, even this measure did not resolve the problem since in 1351 the Great Council had to discuss issue of not executed testaments from the year of the plague²³.

²² One should note that Dubrovnik's inheritance law was rather strictly prescribed in detail. See: [87, lib. III, cap.41, 42; lib.IV, cap.17, 19, 21, 25, 28, 30, 30–33, 47, 49, 59, 70, 72, 74–80; lib.V, cap.39; lib.VIII, cap.29, 33, 43, 94, 95]. For more about testamentary and inheritance regulations in medieval Dubrovnik and other Dalmatian cities see e.g.: [88, passim and especially p. 125–128; 84, p. 46–48; 21, p. 231–253].

²³ *In Christi nomine amen. Anno eiusdem millesimo trecento quinquagesimo primo, indictione quarta, die ultimo mensis ianuarii, tempore nobilis et potentis viri*

Besides this issue with the execution of the testaments, as suggested above, the Black Death already in March caused an additional problem regarding the burial of a high number of suddenly deceased persons. Moreover, it seems that majority of the deceased were buried without casket or any other burial shroud (*quod persone parve conditionis, que non habent proprias sepulturas, absque cassis sepellantur*) [69, p. 18]. And such inadequate burials only could aid spread of the disease. Similar worries about inadequate burial were common in other parts of Europe, and sometimes deceased were not buried at all²⁴.

It seems that the death toll was quite high and some of the inhabitants have tried to save their lives escaping from the city. Such habit was quite common also in other cities, as it is depicted in Boccaccio's *Decameron*²⁵. Even some contemporary physicians advised precisely such kind of «medication» against the epidemic²⁶. Therefore, Dubrovnik authorities on 12 April proclaimed that each citizen of Dubrovnik who had left the town should return as soon as possible, and the fine for diso-

domini Marci Superancio honorabilis comitis Ragusii ac tempore nobilium virorum ser Savini de Bonda, ser Iohannis Pauli de Gondola et ser Marini Clementis de Goçe honorabilium tesariorum Sancte Marie.

In maiori consilio sono campane more solito congregato. In quo quidem consilio interfuerunt consiliarii LXI per LIII ipsorum consiliariorum captum fuit et firmatum quod cum multe matres testamentorum tota die perueniant ad manum tesariorum que admitti possent ex eo quod illico non possunt reddigi in publicam formam quod posset redundari in maximum preiudicium et non solum (cassatum: l) defunctorum sed etiam multorum aliorum sed (?) manibus testamentis que erunt scripta et (cassatum: rescripta) registrata (!) per dictos tesarierios in eorum quaterno, adhibeatur plena fides et eis oredatur quem ad modum si essent in publicam formam redacta. See: [73, fol. 9].

²⁴ For more examples of burial and funeral experiences during the plague epidemic in Europe see e.g.: [6, p. 66; 5, p. 91; 93, p. 31–33, 43, 61, 64].

²⁵ About relation between Boccaccio's *Decameron* and plague see e.g.: [7, p. 39–64; 43, p. 24, 40–41, 60–64; 103, p. 18–19, 22–23, 45–52; 6, p. 85–88; 67, p. 157–165].

²⁶ Well known professor and physician Gentile da Foligno from Perugia in one of his tractates cite an Arab physician from the ninth century: *Three things by which each simple man / From plague escape and sickness can, / Start soon, flee far from town or land / On which the plague has laid its hand, / Return but late to such a place / Where pestilence has stayed its pace.* [64, p. 63].

beying the ordinance was 500 perpers for noblemen or 100 perpers for other citizens. Moreover, this regulation was accompanied with prohibition of any leaving of the city or its district [69, p. 20; 27, p. 12; 49/1, p. 66]. Unfortunately, preserved documents do not reveal whether any significant part of inhabitants really had tried to escape or not, but the fact that this regulation was repeated in July, supports a premise that at least some of the inhabitants tried to save their lives escaping from the infected city [69, p. 34].

Still, the above-mentioned ordinance was in line with the attitude of the Great Council from the January of the same year. Namely, although Dubrovnik authorities wanted to prevent any exodus from the city, they did not want to isolate the city and stop commerce, since the city's economy deeply depended on this business. Therefore, any departure from the city because of the trade business was permitted (... *quod nullus Raguseus possit secedere de civitate Ragusii causa eundi extra districtum per mare vel terram, nisi iret causa mercandi* ...) [69, p. 20].

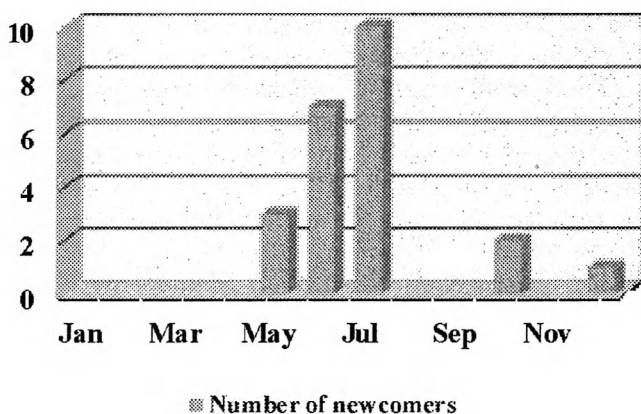
Although, such an attitude of the local authorities was helping local commerce but at the same time it helped to spreading of the infection. Similar, regulations can be found in some Italian cities like Orvieto, with similar consequences, too [41, p. 143–144]. Thus, in April the Black Death was ravaging the city, and it seems that Dubrovnik authorities were quite afraid that the city will become empty. In order to prevent that, besides the above-mentioned ordinance against leaving the city and district, on 13 April the Minor Council decided to leave off all the charges against exiles, and to call them to return back to the city offering them an official pardon [69, p. 21]. Still, it seems that fear of the epidemic was too strong, and Dubrovnik authorities had to repeat this invitation once again in June [69, p. 27], when the epidemic started to decrease.

Although preserved testaments and other relevant data suggest that in June epidemic started to fall back, it seems that situation in the city did not look like that. Namely, members of the Great Council – consisted of all the male patricians older than 20 – were in fear that the population loss will affect regularity of work of the council. Therefore, on 30 May

they have decided to change the age limit to enter to the Great Council from 20 to 18 years²⁷.

On the same day, probably out of the same reason – fear of depopulation – the Great Council voted for another ordinance. Namely, the members of the Great Council invited all the foreign craftsmen, who would like to come to Dubrovnik and settle. To facilitate and foster this invitation the Great Council offered newcomers exemption from all the taxes (except customs), and additional annual stimulus of 5 perpers [69, p. 25–26]. These efforts soon gave results, and already in May the first new craftsmen came to Dubrovnik. In June, their number was doubled and the peak of «immigrational wave» was in July [69, p. 29–55].

Graph 2: Number of newcomers in 1348

²⁷ *Die XXX madii. In maiore consilio, sono campane more solito congregato, in quo quidem consilio interfuerunt persone LXX captum fuit et firmatum per LXIV ipsorum consiliariorum, quod sicut actenus erat in statuto, quod habens XX annos possit et debeat venire in maius consilium et non minus, quod nunc et deinceps propter carentiam hominum deficientium in Ragusio propter pestilentiā mortalitatis existentis, annorum XVIII possit et teneatur venire ad maius consilium* [69, p. 25]. For more discussion about this ordinance of the Great Council see [27, p. 13; 39, p. 128; 54, p. 37].

If one compares this graph with the previous one (distribution of the preserved last wills) it is obvious that these two graphs look like mirror pictures. Namely, the number of the extant last wills was the highest in March and April, while this number starts to fall already in May. By the same token, exactly in May the first newcomers arrived in the city and their number rises in the following months, while the number of the last wills decreases. Therefore, I believe that these two graphs reflect the trend of the epidemic wave in Dubrovnik in 1348²⁸.

Though it lasted just for several months, the epidemic intensively intimidated inhabitants of Dubrovnik. As the rest of the affected Europeans, majority in Dubrovnik believed that such mortality was a penance for the sins of mankind – a God's wrath²⁹. Narrative sources from Dubrovnik describing the epidemic explicitly state that *Non fu peste, ma ira di Dio* [59, p. 39]³⁰. If we remember that one among the first decisions of Dubrovnik authorities regarding the plague prevention was appointing rector and his Minor Council to do whatever was needed to save the city from the sudden calamity, and that included organization of public processions and exercise of public piety and penance in order to appease the Lord, then we can clearly see that all the legal activities of Dubrovnik

²⁸ Similar pattern of plague epidemic seasonal outbreak can be found in other regions and cities, such as in Alexandria (Egypt). Namely, time of the epidemic outbreak is tightly connected with the type of climate and change of seasons / temperature in each region. See more together with literature in: [97, p. 17–19].

²⁹ More about such an attitude see together with literature: [80, p. 33–34].

³⁰ Moreover, description from already mentioned 3rd volume of *Opera pia* archival series gives even more insight to the contemporary mentality and understanding of the plague: ... *Lo nostro signor Dio mando çudisio oribile et inaudito in lo universo mundo si sovra li Christiany come soura li pagani zoe mortalitade de homeni et plu de femene de infirmita inaudida et incurabile de getar sangue per la guolla et de nasençe in diverse parti de corpo per tal modo che uno se inpilava del altro in tanto che fiolo scompava dal padre et ancora plu lo pare (!). Si che tutta l'arte d'Apocrate, Galene et Auiçenna non çuvana niente pero che non vale arte ne scienza contra lo Divino consilio* [73, fol. 9]. Similar ideas, that plague was God's punishment for the sins of mankind, can be also found in other contemporary Dalmatian cities. Example of the chronicle of Chuteis from medieval Split clearly witness this statement [1, p. 192].

authorities could not aim towards plague prevention, since they were in accord with the public belief that all this was act of the God.

Preserved extant last wills reflect similar image. Namely, if one takes a close look into distribution of the testamentary bequests it could reveal an interesting aspect of daily life and mentality during the months when plague ruled over Dubrovnik and its population. Moreover, as it is suggested at the beginning of this article, it might reveal whether this epidemic has provoked or influenced any change in mentality of inhabitants of pre-modern Dubrovnik. For such an examination one should compare information from the last wills of 1348 with the data from the testaments written in the pre-plague period.

The number of preserved testaments in State Archives in Dubrovnik for the period between the late thirteen and the first half of the fourteenth century is relatively large. Namely, for this period there are 909 preserved testaments from Dubrovnik, out of which 214 last wills are from the late thirteenth century and 695 testaments are from the first half of the fourteenth century. Yet, I believe that it is important to stress that among these last wills 304 are testaments written during 1348. Since majority of last wills from this period are not published nor investigated in any historiographical study, in my analysis I have used just sample series of the recorded and preserved last wills, i.e. testaments from 1295–1296, 1325–1326 and 1348³¹.

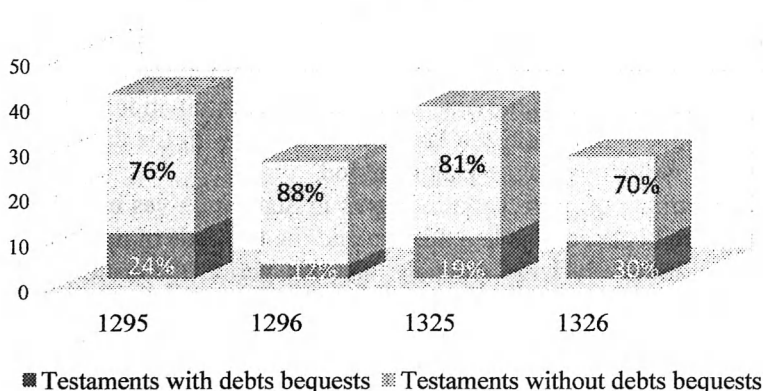
Although statutes of pre-modern Dubrovnik tightly regulated hereditary rights there were always unexpected issues that could not be resolved in this manner. Moreover, in this period testament became almost obligatory part of the «ritual» for a *good death*³². One of such unexpected matters certainly were debts, and since last will represented a kind of document with which medieval people wanted to make peace with this world and «balance» their account with this world it is interesting to

³¹ All these testaments are kept in State Archives of Dubrovnik within archival series *Testamenta notariae*. Only very small part of them from the late 13th century is published in: [86]. More about last wills from the period see e.g.: [58, passim; 78, p. 148–174].

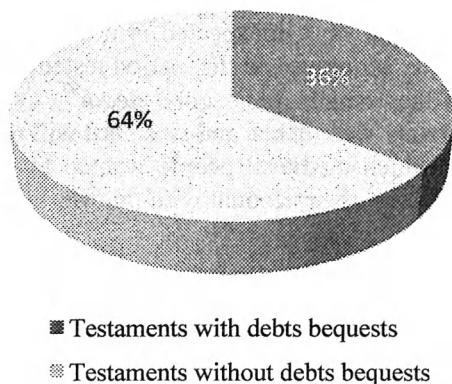
³² About notion of «good death» and principle of *ars moriendi* see more e.g.: [46, p. 3–15; 25, p. 29–30].

investigate whether plague has affected distribution and trends of such testamentary bequests.

Graph 3: Distribution of testaments regarding bequests about debts

Graph 4: Distribution of testaments regarding bequests about debts in 1348

As it is clear from the above graphs the share of testaments, which contain regulations about testator's debts in the pre-plague period varied from approximately 10% up to 30%³³. It would not be surprising that number of such testament rises during the plague times, since many got infected and had suddenly died. Yet, such an increase did not happen and increase of debts bequests was less than 10%³⁴. Since, it is quite probable that trade did not stop during the time when plague ravaged the city, this result reveals that inhabitants of medieval Dubrovnik were quite responsible and took care of their business and debts before the last days, i.e. they were well prepared for a *good death*, even during the months of such a human disaster. By the same token, investigations of comparative material from Genoa shows similar attitude of Genoese merchants towards outstanding debts in their last wills [33, p. 319–320].

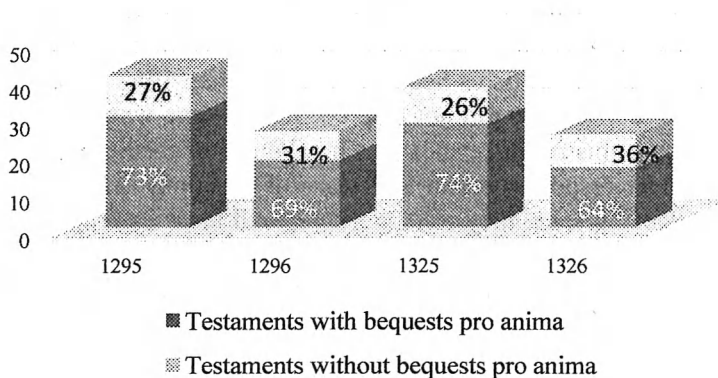
Even though importance of earthly debts and accounts was significant, a good and safe passage to the «other side» could not be secured without purity of testator's soul. Medieval men were deeply impregnated with the Christian worldview and their perspective of living and dying was burdened with concern where his (or her) soul will rest until the ultimate resurrection. Therefore, medieval «invention» of the Purgatory had relieved a bit of this burden; enabling believers to gain an eternal life close to their Creator, though they might not had lived saintly and purely as they should. Thus, many medieval last will contain bequest *pro anima*, i.e. for the sake of the testator's soul, or souls of his/hers beloved³⁵.

³³ Exact numbers for Graph 3: 1295 (31/10); 1296 (23/3); 1325 (29/9); 1326 (19/8).

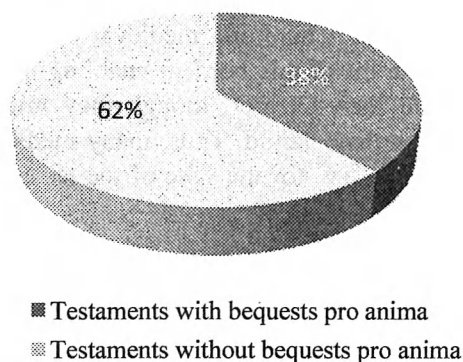
³⁴ Exact numbers for Graph 4: 194 (without) / 109 (with).

³⁵ Generally speaking, majority of investigations regarding this issue indicate that these *pro anima* bequests reflected piety and devotion of testators. See e.g: [57, passim; 56, p. 10, 15–17, 22–23].

Graph 5: Distribution of testaments regarding bequests «pro anima»

Graph 6: Distribution of testaments regarding bequests «pro anima» 1348

As it is clear from the above graphs, number of testaments containing legacies *pro anima* in the pre-plague period was significant and approximately 70% of the preserved and analyzed testaments contained

such legacies³⁶. Such percentage suggests high devotional and pious character of medieval Dubrovnik testators. Consequently, one should expect that during the calamitous times, such as plague epidemic, above-mentioned percentage would increase. Yet, as it is clear from the above graph, Dubrovnik last wills from 1348 do not reflect such a trend³⁷. Quite contrary, analyzed testaments reveal a trend of slight decline of *pro anima* legacies. If we take a look into both graphs it might suggest that this kind of distribution could be result of a gradual decline of *pro anima* bequests because already in 1326 share of testaments with *pro anima* legacies is smaller than it was year before. However, for any definite answer in this direction one should thoroughly analyze all the last wills from the fourteenth and fifteenth centuries. On the other hand, it is quite possible that this decrease of *pro anima* pious bequests in 1348 is result of a haste in which many of the testaments of 1348 were written³⁸. Namely, many of testators who wrote their last wills in 1348 were in such a hurry and fear of a sudden death that they simply wanted to settle the most important issues, forgetting then even to «save their souls».

Yet, another type of testamentary legacies also could provide easier and safer passage to the «other world», and it was giving to the poor. Namely, in medieval societies poor had its passive function to receive charity in order that other social layers could express their Christian compassion. Beside this, in the Middle Ages the poor were often related to the image of Christ (*pauperes Christi*)³⁹, since medieval people strongly believed that the poor are Christ's favorites and promised to enter Heavenly Kingdom. Consequently, donations to the poor was considered as kind of redemption for the sins done during the lifetime, since giving to the poor was in fact giving to Christ himself.

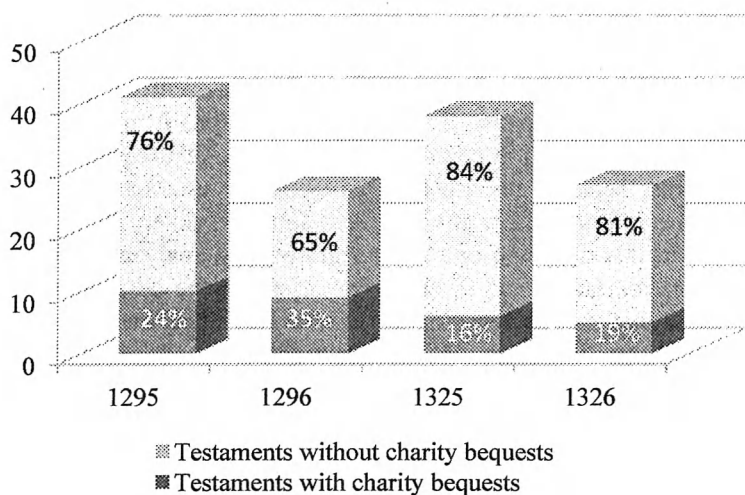
³⁶ Exact numbers for Graph 5: 11/30 (1295); 8/18 (1296); 10/28 (1325); 9/16 (1326).

³⁷ Exact numbers for Graph 6: 188/115.

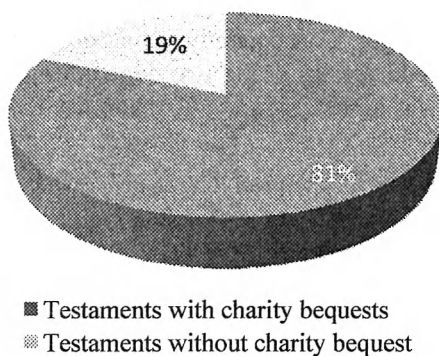
³⁸ For more detailed elaboration of this issue see: [80, p. 55–56, 163].

³⁹ More about role of the poor in the medieval societies see e.g.: [89, p. 209–212; 65, p. 101–102; 45, p. 25–32; 55, p. 47–48; 74, p. 15–29].

Graph 7: Distribution of testaments regarding charity bequests

Graph 8: Distribution of testaments regarding charity bequests in 1348

As above graphs show, the analyzed testaments reveal that in the pre-plague period donations to the poor consisted approximately one third or less of all the other testamentary bequests⁴⁰. Bearing in mind the above said about mentality of medieval men and their concerns about entering the Heavenly Kingdom, one should expect that this type of testamentary legacies rises; and truly as it is clear from the Graph 8⁴¹, in 1348 number of the last wills containing donations for the poor has significantly increased. This was clearly the result of testators' strivings to ensure safe crossover of their souls to the «other world». Moreover, such trend of charity bequest increase gives another explanation, or corroboration of the previously stated assumption that the main reason for decrease of the *pro anima* bequest (i.e. absence of the explicit formula *pro anima mea*) was haste and confusion in which the testaments of 1348 were written during the plague months in Dubrovnik.

Still, one should know that the most of these *pro anima* legacies were directed towards various ecclesiastical institutions and clerics, and among them monasteries were the most popular⁴². Bearing in mind the above-stated thesis that medieval men were deeply impregnated with the Christian faith, such distribution of testamentary legacies should not surprise. At the end, in the mind of medieval man the Church was the institution which could provide the safest and easiest passage to the Heavenly Kingdom, and consequently people did not hesitate to give generous donations to the Church. However, this kind of generosity of Dubrovnik testators at some point became a serious problem for the entire community and Dubrovnik authorities had to limit these donations to a reasonable measure⁴³. Thus, testamentary bequests to ecclesiastical

⁴⁰ Exact numbers for Graph 7: 31/10 (1295); 17/9 (1296); 32/6 (1325); 22/3 (1326).

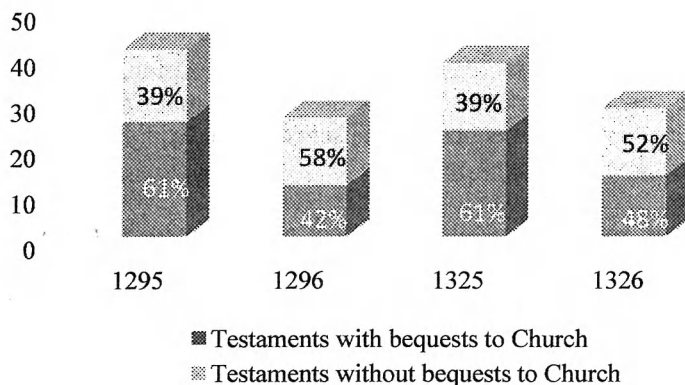
⁴¹ Exact number for Graph 8: 58 (without) / 253 (with).

⁴² For the analysis of testamentary legacies towards various ecclesiastical institutions in medieval Dubrovnik see: [78, p. 156–158, 165–167; 77, passim; 79, p. 177–204].

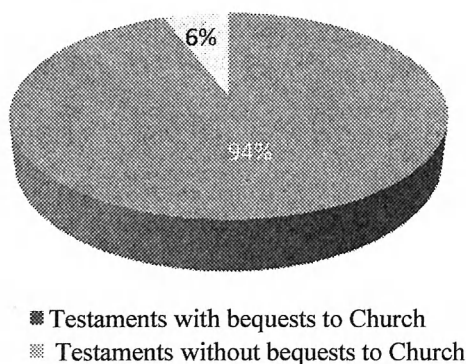
⁴³ It seems that among these testamentary bequests donations for the holy mass could become especially high. Namely, analysis of Dubrovnik testaments has revealed that even though the number of such donations was not great, the amounts of ordered holy masses could rise even to several thousand per a single testament. See more: [78, p. 155–156].

institutions and clerics were limited to a quarter of the entire value of testator's belongings [87, lib. 4, cap. 17, 59, 80].

Graph 9: Distribution of testaments regarding bequests to Church

Graph 10: Distribution of testaments regarding bequests to Church in 1348

Still, despite these limitations testamentary bequests to the Church remained high and, as it is visible from the Graph 9⁴⁴, about a half of the preserved and analyzed testaments in the pre-plague period contained explicit donations to the ecclesiastical institutions and clerics. Yet, in 1348 the number of the testaments containing such donations significantly increased (more than 90%)⁴⁵, which clearly reflects increased testators' concern about the fate of his/her souls, especially because the majority believed that this calamity was result of the God's wrath because of the sins of the mankind⁴⁶. As stated before, such distribution should not surprise, but it also provides additional support that the analysis of *pro anima* bequests in testaments of 1348 could be clouded by the fact that explicit formula *pro anima* (*mea / sua* etc.) was absent because of haste in which these testaments were written.

Besides care for the soul and its safe crossover to the «other world» in the vision of Christian afterlife fate of the corpse was also important. Therefore, medieval testators in Dubrovnik also expressed their preferences regarding the burial place. Although the share of testaments containing such testamentary regulation in the analyzed material is not high, I believe that it provides interesting information that can be compared with the results of the other analyses in this article.

Namely, as it is clear from graphs 11 and 12⁴⁷, in the analyzed period one can notice permanent decrease of testamentary regulations about testator's burial. At first glance it seems that from the beginning of the fourteenth century people paid less attention to the prospects of their corps after the death⁴⁸. What surprises even more is that despite the obvious lack of burial spaces during the plague epidemics this trend of decrease of testamentary regulations about burial continued in 1348.

⁴⁴ Exact numbers for Graph 9: 1295 (16/25); 1296 (15/14); 1325 (15/23); 1326 (15/13).

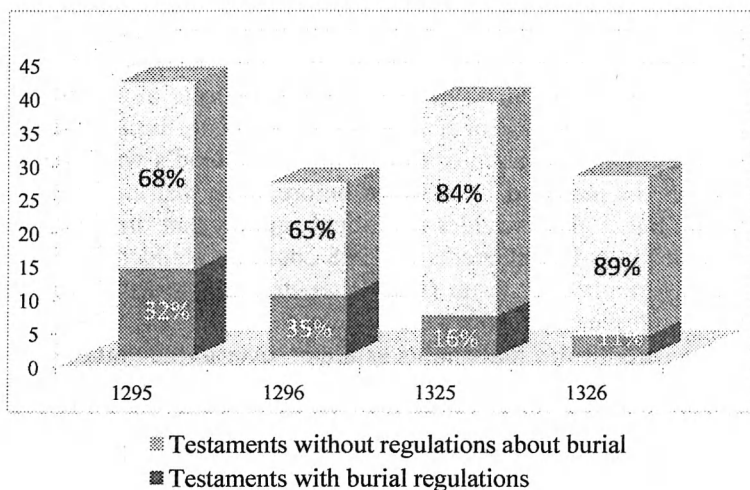
⁴⁵ Exact numbers for Graph 10: 18 (without) /288 (with).

⁴⁶ About contemporary popular and other explanations of pestilence that invaded Europe in the mid fourteenth century see e. g.: [103, p. 38, 68–73; 64, p. 57–64; 11, p. 47–50].

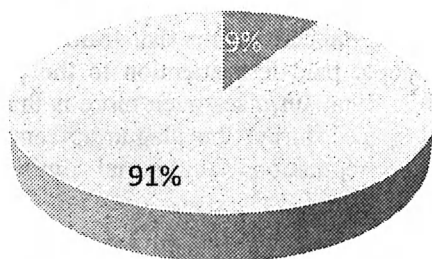
⁴⁷ Exact numbers for Graph 11: 1295 (18/13); 1296 (17/9); 1325 (32/6); 1326 (24/3). Exact numbers for Graph 12: 242 (without)/62 (with).

⁴⁸ There also might be another explanation, but I will return to this issue a bit later.

Graph 11: Distribution of testaments regarding regulations about burial

Graph 12: Distribution of testaments regarding regulations about burial in 1348

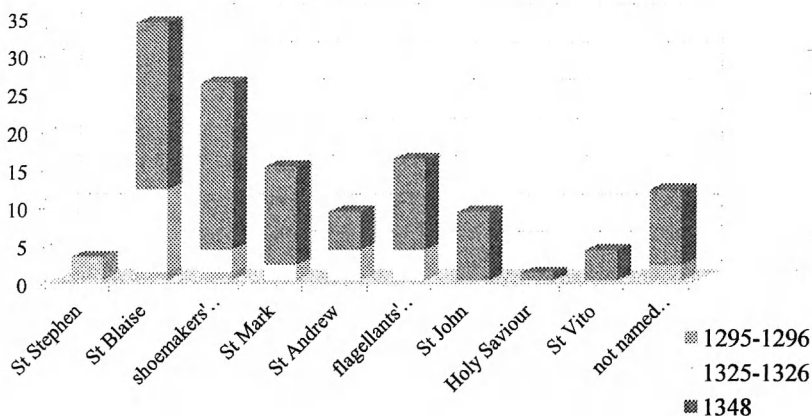

- Testaments with burial regulations
- Testaments without burial regulations

Still, this trend of decrease of the burial bequests in the analyzed should not mislead us, and one should not conclude that testators from Dubrovnik did not care about prospects of their corpses and ultimately

about the fate of their possible resurrection on the Judgement Day. Namely, all testators' worries regarding funeral could be reduced if testator was a member of fraternity. Although fraternities as aid (charity) organizations were quite common expression of social solidarity and popular piety even in earlier centuries, in the fourteenth century their number and activities increased, especially regarding care about burial and family of a deceased brother⁴⁹. As it is clear from graph 13, number of testamentary bequests in Dubrovnik rises in the fourteenth century⁵⁰.

Graph 13: Distribution of testaments regarding bequests for fraternities

⁴⁹ About activities of medieval (con)fraternities see e.g.: [31, p. 16–33; 98, passim; 57, p. 26; 40, p. 158; 14, p. 132].

⁵⁰ In the period 1295–1296 there were testamentary bequests for: fraternity of St. Stephen (3), fraternity of St. Blaise (1), shoemakers' fraternity (1), and no named fraternity/ies (2). In the period 1325–1326 there were testamentary bequest for: fraternity of St. Blaise (11), fraternity of St. Andrew (4), Flagellant fraternity (4), shoemakers' fraternity (3), and fraternity of St. Mark (2). In 1348 there were testamentary bequests for: fraternity of St. Blaise (22), shoemakers' fraternity (22), fraternity of St. Mark (13), Flagellant fraternity (12), fraternity of St. John (9), fraternity of St. Andrew (5), fraternity of St. Vito (4), and fraternity of Holy Savior (1).

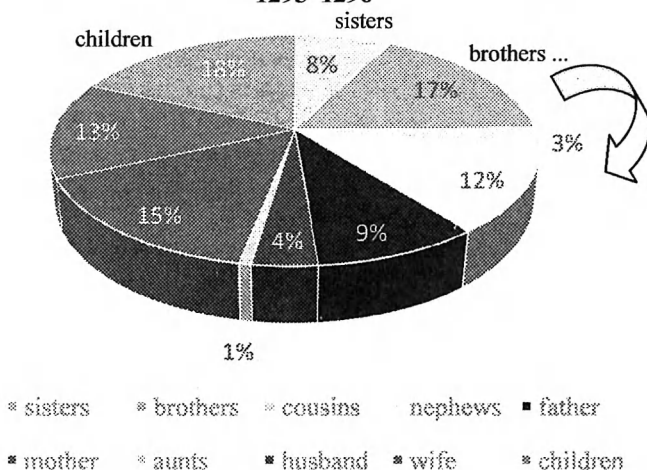
Therefore, it is interesting to compare this data with the information from graphs 11 and 12. Namely, it is quite indicative that at the same time when number of testamentary donations rises, the number of burial bequests falls. Such distribution of testamentary bequests clearly reflects better social organization of contemporary Dubrovnik's inhabitants: while in the thirteenth century testators had to rely on their or regulate all the issues related to funeral by themselves through their testaments, in the fourteenth century these activities were appointed to fraternities. During the Black Death fraternities continued to exercise their aiding role regarding preparation for funeral and many testators left bequests to fraternity of their choice⁵¹.

In the existing literature about the Black Death one can often find statement that this epidemic caused collapse of family ties and social cohesion⁵². This hypothesis usually is based upon citations from the contemporary narrative sources and medieval literature such is Boccaccio's *Decameron*. However, recent investigation in of the Black Death of 1348 in Bologna has revealed that plague did not break family ties nor caused any significant social collapse [99, p. 193–260]. Similarly to this, evidence from Dubrovnik's last wills reveals that there was no significant change regarding testamentary bequest for family members.

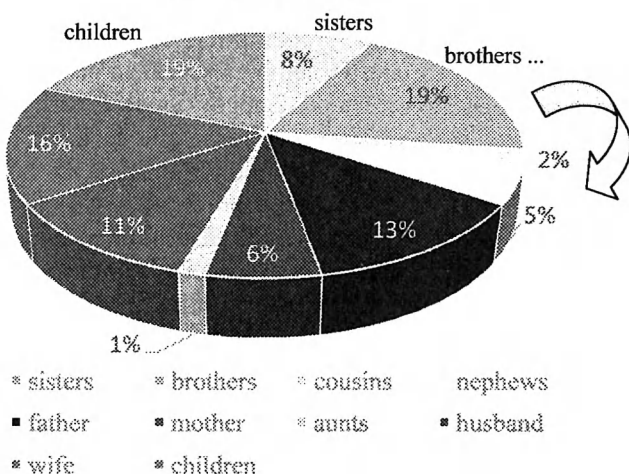
⁵¹ Still, one should note that during the year of plague the total share of the last wills which contained bequests for fraternities has fallen to 19%. This was probably result of temporary disruption of social and administrative functions all the institutions during the epidemic, because a lack of burial spaces and high mortality in the city. See more: [80, p. 38, 103–106]. By the same token, investigated testaments from some Italian cities from 1348 reveal similar comparable percentage of testamentary bequests for fraternities (14%), which indicate that Dubrovnik did not differ much from the rest of the Christian Mediterranean. See: [18, p. 34–37, 64].

⁵² For more detailed explanation see for example [80, p. 91], together with the listed literature.

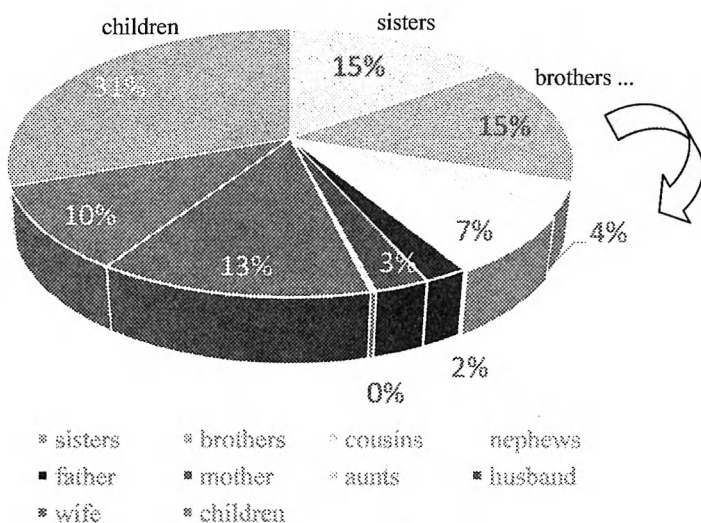
**Graph 14: Testamentary bequests for family members
1295–1296**

**Graph 15: Testamentary bequests for family
members 1325–1326**

Graph 16: Testamentary bequests for family members 1348

Namely, as it is shown in graphs 14, 15 and 16⁵³, distribution of testamentary donations to family members reveals a stabile consistency of that varies between 2% or 3% per category in each particular investigated period. The only, significant difference among these three graphs is share of testamentary legacies for children in 1348. To be exact, the increase of testamentary bequests to children in 1348 was followed with decrease of legacies for parents. Such distribution should not surprise, because testators were aware of the mortality within the city and logical thinking was that children will survive while the elder people might not.

⁵³ Exact numbers for Graph 14: sisters 23, brothers 52, cousins 8, nephews 36, father 28, mother 11, aunts 2, husband 46, wife 41, children 55.

Exact numbers for Graph 15: sisters 23, brothers 54, cousins 6, nephews 14, father 36, mother 17, aunts 4, husband 32, wife 44, children 53.

Exact numbers for Graph 16: sisters 58, brothers 56, cousins 15, nephews 27, father 8, mother 10, aunt 1, husband 50, wife 38, children 116.

At the same time, such an attitude maybe reveals hope of Dubrovnik testators that future belongs to the young, who might be spared from the God's wrath, maybe because they were not «tainted by the sins of their fathers». Furthermore, this indicates that family ties during the Black Death in Dubrovnik were not broken, although for any definite answer in this direction we would have to find additional archival sources, such as letters or personal testimonies, or consult results of some urban topographical and historiographical research that is not yet conducted for the city of Dubrovnik.

Since Dubrovnik authorities did not react to the epidemic harshly as, for example, duke of Milano, the city probably has experienced significant population loss. Unfortunately, due to the lack of extant sources there is no definite answer to this question⁵⁴. However, extant sources and previous investigations have revealed that the Black Death of 1348 affected Dubrovnik's economy. Some of these effects were permanent like increase of the labor cost, especially regarding some specific and specialized professions. Similarly, some food, like wine, became more expensive. On the other hand, other consequences were just temporary. Namely, it seems that population loss was rather quickly compensated during the following years. By the same token, prices of some commodities that went up high during the epidemic, like wheat and salt, soon returned to the values before the plague. Similarly, cost of labor in the field or any other not specialized profession reached its normal pre-plague value already during the 1350s⁵⁵.

Finally, even though Dubrovnik communal authorities failed to respond adequately to the epidemic of 1348, it seems that contemporary Dubrovnik society had sufficient social cohesion to prevent a total collapse of social values, as it is described in some narrative sources. Moreover, it seems that this (first) wave of the Black Death did not bring any substantial change regarding the economic and social development of pre-modern Dubrovnik. Undoubtedly, such unexpected high mortality

⁵⁴ More about demographic consequences of the plague in Dubrovnik see: [80, p. 111–121].

⁵⁵ More about effects of plague to the economy of Dubrovnik see: [27, passim; 80, p. 122–129].

was a calamity, but with very few permanent consequences; such as change of age limit for entering the Great Council.

Later during the fourteenth century plague epidemic has visited Dubrovnik several times: in 1360s, 1370s, and 1390s⁵⁶. These epidemics are not thoroughly investigated in the present-day historiography. However, due to the harshness of epidemics of 1360s and 1370s⁵⁷, Dubrovnik authorities in 1377 based on daily experience had invented an effective anti-plague system that later developed into quarantine and a health office, the first in the World⁵⁸.

REFERENCES

1. A Cutheis Tabula [Story of Chuteis]. Legende i kronike [Legends and chronicles]. Vladimir Rismondo (ed.). Split, Književni krug, 1977, pp. 185–202. (In Latin and Croatian)

2. Anali di Ragusa accoppiati da un manoscritto antico dall'anno 800. sino all'anno 1666. (7.) – Copia tratta da un manoscritto esistente nell' I. R. Biblioteca Gimnasiale di Zara da me Nikolao Vučević in Dicembre 1859. Kodeksi IV. C21, Archive of HAZU, Zagreb, 47 p. (In Italian)

3. Appleby A.B. The Disappearance of Plague: A Continuing Puzzle. Economic History Review. 1980, no. 33, pp. 161–173.

4. Ariès Ph. Eseji o istoriji smrti na zapadu – od srednjeg veka do naših dana [Essays about history of death on the West – from the Middle Ages up to our time]. Belgrade, Pečat, 1989. 240 p. (In Serbian)

5. Benedictow O.J. The Black Death 1346–1353: The Complete History. Woodbridge, The Boydell Press, 2004. 433 p.

6. Bergdolt K. La peste nera e la fine del medioevo [The Black Death and the end of the Middle Ages]. Monferrato, Edizioni Piemme Pocket, 2002. 384 p. (In Italian)

7. Bernardo A.S. The Plague as Key to Meaning in Boccaccio's Decameron. The Black Death – The Impact of the Fourteenth-Century Plague. D. Will-

⁵⁶ More about these epidemics in Dubrovnik see: [49/1, p. 68–70; 38, p. 47–49; 11, p. 42–52]

⁵⁷ A bit more about these epidemics can be found in: [70, p. 256; 80, p. 132–134].

⁵⁸ The ordinance about constitution the quarantine is published in: [60, c. 49]. More about the quarantine ordinance: [38, p. 42–54; 11, passim].

man (ed.). Binghamton, NY, Center for Medieval & Early Renaissance Studies, 1982, pp. 39–64.

8. Biraben J.N., Le Goff J. *La Peste dans le Haut Moyen Age* [Plague in the Middle Ages]. *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations*. 1969. No 24, pp. 1484–1510. (In French)

9. Biraben J.-N. *Les hommes e la peste en France et dans les ays eruopéens* [People and plague in France and in the western Europe]. Paris, Den Haag, Mouton, 1975. Vol. 1. 455 p. (In French)

10. Blažina Tomić Z. *Kacamorti i kuga: utemeljenje i razvoj zdravstvene službe u Dubrovniku* [Plague officials and plague: foundation and development of a health office in Dubrovnik]. Zagreb–Dubrovnik, Zavod za povijesne zna-nosti HAZU u Dubrovniku, 2007. 295 p. (In Croatian)

11. Blažina V., Blažina Tomić Z. *Expelling the Plague. The Health Office and the Implementation of Quarantine in Dubrovnik 1377–1533*. Montreal & Kingston, McGill-Queen's University Press, 2015. 362 p.

12. Bolton J.L. *Looking for Yersinia pestis: Scientists, Historians, and the Black Death. Society in an Age of Plague (The Fifteenth Century, XII)*. Clark and Rawcliffe (eds.) Woodbridge, UK, Boydell Press, 2013, pp. 15–38.

13. Bos K.I. et al. *A Draft Genome of Yersinia pestis from Victims of the Black Death*. *Nature*. 2011. 478, no. 7370, pp. 506–510.

14. Brown A.D. *Popular Piety in Late Medieval England*. Oxford, Oxford University Press, 1995. 297 p.

15. Buklijaš T. *Kuga: nastajanje identiteta bolesti* [Plague: emergence of identity of a disease]. *Hrvatska revija*. 2002. No 2/2, pp. 90–95. (In Croatian)

16. Carmichael A.G. *Anti-Plague Ordinances and Other Social Controls. The Black Death*. Don Nardo (ed.). San Diego, Greenhaven Press, Inc., 1999, pp. 65–72.

17. Cohn S.K. Jr. *The Black Death: End of a Paradigm*. *The American Historical Review*. 2002. No 3/107, pp. 703–738.

18. Cohn S.K. Jr. *The Cult of Remembrance and the Black Death – Six Renaissance Cities in Central Italy*. Baltimore–London, Johns Hopkins University Press, 1997. 448 p.

19. Cohn S.K. Jr. *Epidemiology of the Black Death and Successive Waves of Plague*. *Medical History. Supplement*. 2008. No 27, pp. 74–100.

20. Cosmacini G. *Storia della medicina e della sanità in Italia* [History of medicine and health in Italy]. 2nd ed. Bari, Laterza, 1998. 462 p. (In Italian)

21. Čremošnik G. *Dubrovačka kancelarija do godine 1300. i najstarije knjige Dubrovačkog ahriva* [Dubrovnik chancellery up to 1300 and the oldest books from the Archives of Dubrovnik]. *Glasnik Zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini*. 1927. No XXXIV/2, pp. 231–253. (In Serbian)

22. Cronica Ragusina Junii Restii (ab origine urbis usque ad annum 1451). *Scriptores vol. II. Monumenta spectantia historiam Slavorum Meridionalium*. Vol. 25. Natko Nodilo (ed.). Zagreb, JAZU, 1893, pp. 1–315 (In Italian)
23. Croniche ulteriori di Ragusa – probabilmente opera di Giovanni di Marino Gondola. *Scriptores vol. II. Monumenta spectantia historiam Slavorum Meridionalium*. Vol. 25. Natko Nodilo (ed.). Zagreb, JAZU, 1893, pp. 317–387. (In Italian)
24. Cunningham A. Transforming plague: The laboratory and identity of infectious disease. *The laboratory revolution in medicine*. A. Cunningham, P. Williams (eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 1992, pp. 209–244.
25. Daniel, Christopher. *Death and Burial in Medieval England 1066–1550*. London–New York, Routledge, 2005. 248 p.
26. Dennis D.T., Gage K.L., Gratz N., Poland J.D., Tikhomirov E. *Plague Manual, Epidemiology, Distribution, Surveillance and Control*. WHO/CDS/CSR/EDC/99.2. Geneva, WHO, 1999. 172 p.
27. Dinić D. Uticaj kuge od 1348. na privredu Dubrovnika [Effects of plague of 1348 on the economy of Dubrovnik]. *Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*. 1960. No 5, pp. 11–33. (In Serbian)
28. Dols M.W. How the Black Death Entered and Spread Through Europe. *The Black Death*. Don Nardo (ed.). San Diego, Greenhaven Press, 1999, pp. 41–47.
29. Dols M. Al-Manbijr's Report of the Plague: A treatise on the Plague of 764–65 / 1362–64 in the Middle East. *The Black Death – The Impact of the Fourteenth-Century Plague*. D. Willman (ed.). Binghamton, NY, Center for Medieval & Early Renaissance Studies, 1982, pp. 65–75.
30. Flinn M.W. Plague in Europe and Mediterranean Countries. *Journal of European Economic History*. 1979. No. 8, pp. 131–149.
31. Foretić V. Dubrovačke bratovštine [Dubrovnik fraternities]. *Časopis za hrvatsku povjest*. 1943. No. 1–2, pp. 16–33. (In Croatian)
32. Foretić V. *Povijest Dubrovnika do 1808* [History of Dubrovnik up to 1808]. Vol. 1. Zagreb, Matica hrvatska, 1980. 364 p. (In Croatian)
33. Galassi F.L. Buying a Passport to Heaven: Usury, Restitution, and the Merchants of Medieval Genoa. *Religion*. 1992. No. 22, pp. 313–326.
34. Gelčić J. Dubrovački arhiv [Dubrovnik archives]. *Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine*. 1910. No. 22, pp. 537–588. (In Croatian)
35. Gelčić J. Delle istituzioni marittime e sanitarie della Repubblica di Ragusa [About maritime and sanitary institutions in the Republic of Dubrovnik]. Trieste, L. Hermanstrofer, 1882. 160 p. (In Italian)
36. Gottfreid R.S. *A Natural History of the Plague and Other Early European Diseases*. *The Black Death*. Don Nardo (ed.). San Diego, Greenhaven Press, 1999, pp. 29–39.

37. Gottfreid R.S. The Black Death – Natural and Human Disaster in Medieval Europe. New York–London, The Free Press & Collier Macmillan Publishers, 1983. 203 p.

38. Grmek M.D. Le concept d'infection dans l'antiquité et au Moyen Age: Les anciennes mesures sociales contre les maladies contagieuses et la fondation de la première quarantaine a Dubrovnik (1377) [Concept of an infection from the late antiquity until the Middle Ages: Ancient social measures against infectious diseases and establishment of the first quarantine in Dubrovnik in 1377]. Rad JAZU. 1980. No 384, pp. 9–54. (In French)

39. Harris R. Dubrovnik – A History. London, SAQUI, 2003. 503 p.

40. Henderson J. The Flagellant Movement and Flagellant Confraternities in Central Italy, 1260–1400. Studies in Church History. 1978. No 15, pp. 147–160.

41. Henderson J. The Black Death in Florence: medical and communal responses. Death in Towns, Urban Responses to the Dying and the Dead, 1300–1600. S. Basset (ed.). Leicester–London–New York, Leicester University Press, 1992, pp. 136–150.

42. Herlihy D. Population, plague and social change in rural Pistoia 1201–1430. Economic History Review. 1965. No. 18, pp. 225–244.

43. Herlihy D. The Black Death and the Transformation of the West. Cambridge MS – London UK, Harvard University Press, 1997. 128 p.

44. Janeković Römer Z. I lazaretti di Dubrovnik (Ragusa) [Lazarettos of Dubrovnik]. Rotte Mediterranee e baluardi di sanità. Venezia e i lazaretti mediterranei. Nelli-Elena Vanzan Marchini (ed.). Regione del Veneto, Centro Italiano di Storia Sanitaria e Ospedaliera del Veneto Milano, Skira, 2004, pp. 246–250. (In Italian)

45. Janeković Römer Z. Na margini ili u središtu društva? Razmišljanja o marginalnosti u srednjem vijeku u nekoliko primjera [On the margins or in the centre of society]. Gradske marginalne skupine u Hrvatskoj kroz srednji vijek i ranomoderno doba [Urban marginal groups in Croatia in the Middle Ages and Early Modern Times]. T. Popić (ed.). Zagreb, Hrvatski studiji, 2004, pp. 21–40. (In Croatian)

46. Janeković Römer Z. Na razmeđu ovog i onog svijeta. Prožimanje pojavnog i transcendentnog u dubrovačkim oporukama kasnoga srednjeg vijeka [On the borderline between this and other world. Overlapping of material and transcendent in the late medieval last wills from Dubrovnik]. Otium. 1994. No. 3–4, pp. 3–15. (In Croatian)

47. Janeković Römer Z. Višegradski ugovor temelj Dubrovačke Republike [Višegrad Treaty as the basis of the Republic of Dubrovnik]. Zagreb, Golden Marketing, 2003. 175 p. (In Croatian)

48. Janeković-Römer Zda. Rod i grad: Dubrovačka obitelj od XIII. do XV. Stoljeća [Kin and city: Family in Dubrovnik from the 13th to the 15th century]. Dubrovnik, HAZU, 1994. 170 p. (In Croatian)

49. Jeremić R., Tadić J. Prilozi za istoriju zdravstvene kulture starog Dubrovnika [Contributions for a history of health culture in the old Dubrovnik]. Belgrade, Centralni higijenski zavod, 1938–1940. Vols. 1–3. (In Serbian, Italian and Latin)

50. Karlsson G. Plague without Rats: The Case of Fifteenth-Century Iceland. *Journal of Medieval History*. 1996. No. 22/3, pp. 263–284.

51. Khan A. Plague: the dreadful visitation occupying the human mind for centuries. *Transactions of the Royal Society of Tropical Medicine and Hygiene*. 2004. No. 98, pp. 270–277.

52. Kiple K.F. The plague of Justinian: An early lesson in the Black Death, Plague, Pox & Pestilence. K.F. Kiple (ed.). London, Weidenfeld & Nicolson, 1997, pp. 26–31.

53. Krekić B. Dubrovnik in the 14th and 15th Centuries: A City between East and West. Norman, University of Oklahoma Press, 1972. 194 p.

54. Krivošić S. Stanovništvo Dubrovnika i demografske promjene u prošlosti [Population of Dubrovnik and demographic changes in the past]. Dubrovnik, Zavod za povijesne znanosti JAZU u Dubrovniku, 1990. 202 p. (In Croatian)

55. Ladić Z. Briga za pojedince i grupe na rubu društva u kasno-srednjovjekovnom Zadru [Concern for individuals and groups at the margins of society in the late medieval Zadar]. *Gradske marginalne skupine u Hrvatskoj kroz srednji vijek i ranomoderno doba* [Urban marginal groups in Croatia in the Middle Ages and Early Modern Times]. T. Popić, (ed.). Zagreb, Hrvatski studiji, 2004, pp. 47–48. (In Croatian)

56. Ladić Z. Legati kasnosrednjovjekovnih dalmatinskih oporučitelja kao izvor za proučavanje nekih oblika svakodnevnog života i materijalne kulture [Legacies of late medieval testators from Dalmatia as a source material for research of daily life and material culture]. *Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU*. 2003. No 21, pp. 1–28. (In Croatian)

57. Ladić Z. Oporučni legati pro anima i ad pias causas u europskoj historiografiji. Usporedba s oporukama dalmatinskih komuna [Testamentary bequests pro anima and ad pias causas in the European historiography. Comparison with the last wills from Dalmatian communes]. *Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU*. 1999. No. 17, pp. 17–29. (In Croatian)

58. Ladić Z. Last Will: Passport to Heaven. Urban Last Wills from Late Medieval Dalmatia with special Attention to the Legacies pro remedio animae and ad pias causas. Zagreb, Srednja Europa, 2012. 469 p.

59. Li Annali della nobilissima Repubblica di Ragusa – aggiuntovi nella fine un trattamento di moderni annali o veramente cronache. Scriptores vol. 1. Monumenta spectantia historiam Slavorum Meridionalium. Natko Nodilo (ed.). Vol. 14. Zagreb, JAZU, 1883, pp. 1–361. (In Latin and Italian)

60. Liber viridis. Zbornik za istoriju, jezik i književnost 3. B. Nedeljković (ed.). Vol. 23. Belgrade, SANU, 1984. 567 p. (In Serbian, Latin and Italian)

61. Listine ob odnošajih izmedju južnoga slavenstva i Mletačke Republike. Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Šime Ljubić (ed.). Vol. 3. Zagreb, JAZU, 1872. 451 p. (In Latin and Croatian)

62. Little L.K. Plague Historians in Lab Coats. Past and Present. 2011. No. 213/1, pp. 267–290.

63. Logan F.D. History of the Church in the Middle Ages. 2nd ed. London–New York, Routledge, 2013. 360 p.

64. Marks G. Medieval Medicine's Response to the Black Death. The Black Death. Don Nardo (ed.). San Diego, Greenhaven Press, 1999, pp. 57–64.

65. McCall A. I reietti del Medio Evo. Fuorilegge, briganti, omosessuali, eretici, streghe, prostitute, ladri, mendicanti e vagabondi [Outcasts of the Middle Ages. Outlaws, robbers, homosexuals, heretics, witches, prostitutes, thieves, beggars and vagabonds]. Milano, Mursia, 1987. 240 p. (In Italian)

66. McNeill W.H. Plagues and peoples. Garden City, Anchor Press, 1976. 368 p.

67. Meiss M. Painting in Florence and Siena after the Black Death. Princeton, Princeton University Press, 1951. 194 p.

68. Monumenta Spectantia Historiam Slavorum Meridionalium 10. Monumenta Ragusina – Libri reformationum. Vol. 1.I. Tkalčić (ed.). Zagreb, JAZU, 1879. 315 p.

69. Monumenta Spectantia Historiam Slavorum Meridionalium 13 Monumenta Ragusina – Libri reformationum. Vol. 2. F. Rački (ed.) Zagreb, JAZU, 1882. 409 p.

70. Monumenta Spectantia Historiam Slavorum Meridionalium 27. Monumenta Ragusina – Libri reformationum. Vol. 3.J. Gelcich (ed.). Zagreb, JAZU, 1895. 369 p.

71. Monumenta Spectantia Historiam Slavorum Meridionalium 28. Monumenta Ragusina – Libri reformationum. Vol. 4.J. Gelcich (ed.). Zagreb, JAZU, 1896. 288 p.

72. Nohl J. The Black Death's Grim Death Toll. The Black Death. Don Nardo (ed.) San Diego, Greenhaven Press, 1999, pp. 48–56.

73. Opera pia 92, vol. 3 (State Archives Dubrovnik).

74. Palmer Wandel L. Poverty of Christ. The Reformation of Charity. Secular and Religious in Early Modern Poor Relief. Thomas Max Safley (ed.). Boston-Leiden, Brill, 2003, pp. 15–29.

75. Pounds N.J.G. An Economic History of Medieval Europe. 3d ed. New York, Longman, 1980. 562 p.

76. Practical medicine from Salerno to the Black Death. L. Garcia-Ballester, R. French, J. Arrizabalaga, A. Cunningham (eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 402 p.

77. Ravančić G. Crkvene institucije u dubrovačkim oporukama s kraja 13. i u prvoj polovici 14. stoljeća [Ecclesiastical institutions in the last wills from Dubrovnik from the end of the 13th century and the first half of the 14th century]. Croatica Christiana Periodica. 2016. No. 78, in print. (In Croatian)

78. Ravančić G. Preparation for a good death in the last wills of Dubrovnik citizens from the late 13th and mid-14th century and the influence of the Black Death to the perception of afterlife. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. No. 8/2, pp. 148–174.

79. Ravančić. Svećenstvo i Crkva u dubrovačkim oporukama 1348. godine. Humanitas et Litterae. Zbornik u čast Franje Šanjeka. L. Čoralić, S. Slišković (eds.). Zagreb, Dominikanska naklada Istina – Kršćanska sadašnjost, 2009, pp. 177–204.

80. Ravančić G. Vrijeme umiranja. Crna smrt u Dubrovniku 1348–1349 [Time to die. The Black Death in Dubrovnik 1348–1349]. Zagreb, Hrvatski institut za povijest, 2010. 240 p. (In Croatian)

81. Razzi S. La storia di Ragusa [History of Dubrovnik]. G. Gelcich (ed.). Dubrovnik, Editrice Tipografia Serbo-Ragusea, 1903. 295 p. (In Italian)

82. Scott S., Duncan C.J. Biology of Plagues: Evidence from Historical Populations. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 436 p.

83. Shrewsbury J.F.D. A History of Bubonic Plague in the British Isles. Cambridge, Cambridge University Press, 1970. 661 p.

84. Sivrić M. Oporuke kancelarije stonskoga kneza. Od sredine 15. stoljeća do 1808. godine [Last wills from the chancellery of Ston count. From the mid-15th century up to 1808]. Dubrovnik, Državni arhiv Dubrovnik, 2002. 262 p. (In Croatian)

85. Slicher van Bath B. H. Storia agraria dell'Europa occidentale (500–1850). 2nd ed. Torino, Einaudi, 1972. 542 p. (In Italian)

86. Spisi dubrovačke kancelarije – Zapisi notara Andrije Beneše 1295–1301. [Records of Dubrovnik chancellery – Records of notary Andrew de Benessa]. Vol. 4. Monumenta historica Ragusina. Vol. 4. J. Lučić (ed.). Zagreb, HAZU, 1993. 406 p. (In Latin)

87. Statut grada Dubrovnika: sastavljen 1272. godine [Statues of the city of Dubrovnik: composed in 1272]. A. Šoljić, Z. Šundrica, I. Veselić (eds.). Dubrovnik, Državni arhiv Dubrovnik, 2002. 682 p. (In Latin and Croatian)

88. Šufflay M. Dalmatinsko-hrvatska srednjovjekovna listina. Povijest hrvatskog notarijata od XI. do XV. stoljeća [Medieval documents from Dalmatia and Croatia. History of the Croatian notary from the 11th until 15th century]. Zagreb, 2000. 152 p. (In Croatian)

89. Swanson R.N. Religion and Devotion in Europe, c. 1215 – c. 1515. Cambridge–New York, Cambridge University Press, 1995. 380 p.

90. Testamenta notariae. 10–1, vol. 3 (Državni arhiv Dubrovnik).

91. Testamenta notariae. 10–1, vol. 5 (Državni arhiv Dubrovnik).

92. The Black Death. Don Nardo (ed.). San Diego, Greenhaven Press, 1999. 173 p.

93. The Black Death. R. Horrox (ed.). Manchester–New York, Manchester University Press, 1994. 364 p.

94. Tuchman B.W. A Distant Mirror – The Calamitous 14th Century. New York, Ballantine books, 1979. 681 p.

95. Twigg G. The Black Death in England: An Epidemiological Dilemma. Maladies et société (XIIe–XVIIIe siècles). Actes du colloque de Bielefeld. Paris, Ed. du Centre National de la Recherche Scientifique, 1989, pp. 75–98.

96. Twigg G. The Black Death: A Biological Reappraisal. New York, Schocken Books, 1984. 254 p.

97. Varlik N. Plague and Empire in the Early Modern Mediterranean World. The ottoman experience 1347–1600. New York, Cambridge University Press, 2015. 356 p.

98. Vojnović K. Bratovštine i obrtne korporacije u Republici Dubrovačkoj [Fraternities and guilds in the Republic of Dubrovnik]. Zagreb, JAZU, 1899. 325 p. (In Croatian)

99. Wray Sh.K. Communities and Crisis. Bologna during the Black Death. Leiden–Boston, Brill, 2009. 300 p.

100. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa. Emerging infectious Diseases. 2002. No. 8/9, pp. 971–975.

101. Yersin A. La peste bubonique a Hong-Kong [Bubonic Plague in Hong-Kong]. Annales de l'Institut Pasteur. 1894. No. 8, pp. 662–667. (In French)

102. Ziegler Ph. Educational, Agricultural, and Architectural Impact of the Black Death. The Black Death. Don Nardo (ed.). San Diego, Greenhaven Press, Inc., 1999, pp. 102–108.

103. Ziegler Ph. The Black Death. London, Penguin Books, 1998. 250 p.

«ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ» И СУДЬБА БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА)

К.А. Руденко

Эпидемия чумы XIV–XV вв. была страшной трагедией в истории человечества, по своим масштабам, количеству жертв и экономическим последствиям не имевшей аналогов в предшествующей истории Европы и Азии [12, с. 44–48, прим. 59; 2, с. 313, 314]. В литературе, посвященной истории Золотой Орды, пандемия чумы во второй половине XIV в. рассматривается как один из факторов, приведших это государство, наряду с другими причинами, к коллапсу.

В этом контексте интерпретируется и судьба Булгарского улуса, причем один из исследователей, Ю. Шамильоглу, высказал гипотезу, что в результате этой эпидемии произошли серьезные трансформации в этой части Золотой Орды [22, р. 157–163]. Каковы аргументы, которые приводят ученые в данном случае для доказательства этой гипотезы, помимо анализа надгробных памятников, которые были основным аргументом в версии Ю. Шамильоглу? Их немного, и все они косвенные. Например, русские летописи, отмечая вспышки эпидемии чумы в Сарае, то есть на Нижней Волге в целом, и говоря о таковых в Нижнем Новгороде и Москве в 1360-х гг., Булгар не упоминают [12, с. 45]. Впрочем, очевидно, что, «поднимаясь» по Волге от низовьев до верхнего ее течения, чума не могла «пройти» мимо этого географического района. Высказано мнение, что русские летописцы «упустили» этот факт из-за разорения Булгара Булак-Тимуром, вследствие чего он якобы стал им «не интересен» и не заслуживал внимания [2, с. 313].

Если даже принять гипотезу о связи пандемии и исчезновении в 1360-х гг. надгробных памятников в Булгарском улусе с эпитафиями, написанными на «старобулгарском» языке, нужны дополнительные аргументы, подтверждающие фатальный ее исход для всего населения этого региона. Данные письменных источников тут ничем по-

мочь не могут, кроме того, что констатируют (как это не парадоксально!) достаточно высокую внутривнутриполитическую активность в этой области Золотой Орды в конце 1360-х – 1380-х гг. [12, с. 48, 49]. В любом случае говорить с этой точки зрения о полном параличе как экономической, так и политической жизни Булгарского улуса, и о катастрофическом вымирании населения не приходится.

О сути проходивших здесь процессов можно получить представление по данным археологии, которые вносят ясность в отрывочные сообщения летописцев. Анализ известных на сегодняшний день археологических памятников эпохи Золотой Орды на Средней Волге [14, с. 255–364] показал, что, во-первых, во второй половине XIV в. Камско-Волжская пойма становится местом постоянного пребывания кочевого кыпчакского населения, группировавшегося в двух районах: первый – у Булгара и западнее, а второй – поблизости от Джукетау; что в целом соответствует данным письменных источников, определявших в последней четверти XIV – начале XV в. два административно-политических центра Булгарского улуса – Булгар и Джукетау.

Во-вторых, судя по поселенческой структуре Булгарского улуса, ни во второй половине XIII в. после монгольского нашествия, ни во второй половине XIV в., с началом чумных эпидемий явного оттока населения в Предкамье (как это предполагалось ранее) не было, хотя, безусловно, сам характер распределения населения, как и эксплуатация земельных ресурсов кардинально изменились после монгольского завоевания и развивались в золотоордынское время по-новому. Одним из показателей такого рода явлений служит дальнейшее проникновение оседлого булгарского населения в Иско-Бельское междуречье, где в предшествовавший период проживали в основном кочевники [6, с. 11–30]. Это продолжило процесс естественной миграции населения из северо-восточных районов Булгарии и Арской земли в XI–XII вв. в эти земли (Дербёшкинский, Гулюковский могильники; Минниязовское I, Актанышское, I Меллятамакское селища¹) [6, с. 31–33, рис.10; 1, с. 19–25; 20, с. 73–98].

¹ Немногочисленный материал с ряда других поселений, таких как I Семноостровское, VI Баскульское селища [6, с. 34, 35, рис. 1–13], можно датировать в более широких рамках XI–XIV вв.

В-третьих, именно во второй половине XIV в. происходит активизация внутренних миграций внутри улуса. Кроме кочевников, волжское побережье от Самарской Луки и до Казани заселяется мордвой, которая проникает как отдельными небольшими этническими группами, быстро смешивавшимися с местным населением (Рождественские погребения), а также достаточно большими этническими анклавами, сохранявшими свою этническую идентичность долгое время, вплоть до XVI–XVII вв. (Карташихинская группа памятников) [18, с. 152–167].

Археологически это выражается в могильниках и поселениях, к сожалению, изученных еще очень слабо. Наибольшая информация имеется по кочевническим кыпчакским могильникам и одиночным захоронениям, которых известно в центральных районах улуса около десятка (Песчаноостровной, Балымерский, Алексеевский, Зеленковский, Рождественское и Усть-Иерусалимское захоронения и др.), которые, благодаря инвентарю и в ряде случаев стратиграфическим датам, неплохо датированы, в основном второй половиной XIV – началом XV в. [13, с. 189–211]. Наличие вещей, а иногда и монет, позволяет также определить время появления и функционирования средневековых мордовских захоронений на территории Булгарского улуса периодом с середины XIV в. (например, Усть-Иерусалимский могильник в Болгарах).

О численности кыпчакского населения имеются документальные свидетельства русских летописей, которые исчисляли численность военных отрядов этих преимущественно кочевых групп в начале XV в. от 3-х до 5-ти тысяч. Если учитывать «невоенную» часть этого населения, то общее число их было достаточно большим.

Сложнее ситуация с поселениями в местах расселения кыпчакского населения. Большая их часть, располагавшаяся в пойменной части Волги и низовьях Камы, разрушена Куйбышевским водохранилищем, остатки некоторых из них выявленные на не размытых останках луговых террас, но они обследованы только разведками, и лишь отдельные поселения подвергались раскопкам (селище Песчаный остров). Последние датируются концом XIII – первой третью XIV в. и ко времени прихода «Черной смерти» уже не были обитаемы.

Лучше изучены в археологическом отношении крупные города Булгарского улуса, и здесь, казалось бы, можно обнаружить ответ на вопрос о последствиях чумной пандемии в этой части Золотой Орды. Во второй половине XX в. и в начале XXI в. наиболее масштабно исследовалось Булгарское городище, существовавшее весь золотоордынский период. Установлено, что во второй половине XIV в. культурный слой этого памятника (IVп) формировался достаточно активно, причем до 1361 г. не прекращалось культовое строительство, и функционировало значительное число общественных сооружений в центре города [19, с. 70, 71]. На ряде участков городища зафиксированы и явные следы погрома Булак-Тимура 1361 г. [19, с. 69; 12, с. 82, прим. 261]. Но вместе с тем в тех же 1360-х гг. восстанавливаются различные производства, в том числе кузнечное, ведется строительство, происходят перестройки и реконструкции жилых и культовых построек, в том числе и Ханской усыпальницы [19, с. 71–73, 75]. Конечно, возродилось далеко не все и не в полном объеме, например, опустели и не функционировали ремесленные мастерские Заречья [19, с. 76].

Более того, из всех исследованных некрополей Булгара ни один, кроме Бабьего бугра, не содержит коллективных захоронений [21, с. 124–142], как бывает в случае массовой гибели людей при эпидемии. Впрочем, последний факт – это не абсолютный аргумент, поскольку на Булгарском городище пока нет полностью исследованных могильников.

Аналогичная ситуация с другим, раскопанным в 1970–80-х гг. большими площадями памятником – Иске Казанью: Камаевским городищем и Русско-Урматским селищем, существовавшими в том числе и в последней трети XIV – начале XV в. [17, с. 142, 143]. Могильники, относящиеся к этим частям археологического комплекса, не изучались. Однако на Камаевском городище и Русско-Урматском селище при раскопках изучены 4 интересных захоронения вне могильников, выявленные непосредственно в культурном слое поселения рядом с жилыми и производственными объектами. Погребенные были захоронены в скорченной позе на правом или левом боку, головой в северном, северо-восточном или юго-западном направлениях. В одном из них находились кости лошади; два индивидуума

были помещены в одну могилу, один над другим, поблизости от заброшенного горна; одно захоронение было совершено в использованной вторично для сброса мусора хозяйственной яме [17, с. 144, рис. 25; 8, с. 180]. Однозначно связать эти захоронения с какой-либо эпидемией достаточно затруднительно, хотя хронологически это вполне возможно. Р.Г. Фахрутдинов считал, что захоронение с конем принадлежит кочевнику [17, с. 144]. Однако скорченное положение костяка с находкой в нем глиняного прясла могут быть интерпретированы как признак мордовского погребального обряда, где в ордынское время (а для притёшинской группы мордвы-мокси – и в домонгольское) нередки случаи погребений с конем, как с целым, так и с частичным (например, Барбашинский могильник в Самарской области). Впрочем, сам факт этих захоронений на заброшенном участке поселения пока малообъясним, и связь их с именно пандемией чумы 1340–1360-х гг. не доказана. Более того, на Русско-Урматском селище в последней трети XIV – начале XV в. функционируют гончарные мастерские [8, с. 183–185].

На городище Казанский кремль, культурный слой которого хорошо изучен в результате масштабных раскопок 1994–2005 гг., выделить стратиграфический горизонт второй половины XIV – начала XV в. пока не удалось [16, с. 71]. Впрочем, данных, свидетельствующих о разгуле «черной смерти» в этот период, на этом памятнике в опубликованных материалах раскопок нет.

Нет следов запустения и еще на ряде городищ, существовавших в позднеордынское время, подвергавшимся раскопкам, например, Джукетау и Сюкеевском [4, с. 197–210]. Отметим, что следов пандемии второй половины XIV–XV вв. не выявлено и при раскопках территориально близких городищ XIV–XV вв. Марийского Поволжья [9].

Интересны данные с селищ, существовавших в конце XIV–XV вв. Из изученных, в том числе и раскопками, можно отметить Лаишевское (Чакма) селище в Лаишевском районе РТ, небольшой торговый и ремесленный центр этого времени, точнее, относящийся к нему III Лаишевский могильник в восточной части поселения [10, с. 73–102; 12, с. 95–104]. По признакам, таким как расположение непосредственно в черте застройки у не заброшенных, а на момент совершения захоронений функционировавших построек, многие из

которых сохранили следы внезапно прерванной жизни (например, целые сосуды в домах, оставленные нетронутыми бытовые предметы и т.п.); коллективные, парные и одиночные захоронения в одежде с украшениями (Р.М. Фаттаховым вскрыто в 1978 г. 34 захоронения и К.А. Руденко в 1990 г. 1 захоронение [12, с. 103, прим. 312–314])² – можно предположить, что здесь похоронены последние жители Чакмы, умершие в середине 1360-х гг. от чумной пандемии. Погибших в начале эпидемии 1360-х гг. или в конце 1340-х гг. хоронили еще с соблюдением мусульманского ритуала, на кладбище (Лаишевский II могильник), расположенном в западной части поселения, но используя при этом своего рода дезинфекцию – огненный ритуал: разжигание костра на дне котлована могилы, а также над могилой после захоронения. Это прослежено в южном ряду погребений на II Лаишевском могильнике, раскопанном К.А. Руденко в 1990 и 1991 гг. [12, с. 102, 103]). Причем иногда угольки встречались и в засыпи могильной ямы. На первый взгляд можно принять их за следы от костров, которыми могли оттаивать землю, если похороны были зимой или поздней осенью, но характер засыпки котлованов могил и условия залегания этих угольков и обугленных плашек исключают эту версию. Еще менее вероятно относить их к какому-то «языческому» ритуалам.

Установлено, что в XV–XVI вв. старое место жительства в урочище Чакма оказалось заброшенным, а жители обитали к западу от оврага Малая Чакма, в подгорной части современного Лаишева (сейчас затопленной водами Куйбышевского водохранилища), что подтверждается и подъемным материалом с этой территории, собранным нами в первой половине 1990-х гг. Об этом свидетельствуют и данные письменных источников. Очевидно, что это поселение возникло

² До конца 1990-х гг. отдельные части человеческих скелетов, в частности, черепа и их фрагменты встречались на этом месте, вероятно, из размытых водохранилищем могил. О масштабах трагедии позволяют судить и отдельные находки человеческих скелетов и их частей, в основном костей рук и ног, реже таза, а также несколько черепов, найденных в 1991–1998 гг. на западной части поселения, в отдалении от могильника. Один череп был обнаружен в верхней части заполнения полуразмытой ямы золотоордынского времени в западной части селища (отчеты К.А. Руденко на 1990–1993, 1997–1999 гг.).

в результате переселения выживших жителей «старой» Чакмы с места старого селения в урочище Чакма или новых поселенцев³ после эпидемии 1360-х гг., а, возможно, и первой половины XV в.⁴

Случаи использования огня при захоронениях на позднесредневековых булгаро-ордынских могильниках известны. Они зафиксированы на IV Кожаевском могильнике – кладбище населения Кожаевского селища в Спасском районе РТ, существовавшего в XII – начале XV вв. На последнем этапе оно синхронно Лаишевскому селищу и имеет определённое хронологическое сходство с ним и в материальной культуре. Однако исследователь этого памятника М.М. Кавеев не успел опубликовать результаты многолетних раскопок селища, а И.Р. Газимзянов, вместе с ним изучавший IV Кожаевский могильник, не ввел в научный оборот материалы исследования этого памятника; из-за чего судить о времени данных погребений и их особенностях невозможно. Очевидно только, что отношения к раннеболгарским «пережиткам» или связям с погребальной обрядностью угорского населения [3, с. 109] огненный ритуал⁵ не имеет, а вот гипотеза о связи с какой-либо эпидемией, скорее всего, с чумой второй половины XIV в., по нашему мнению, прекратившей жизнь на Кожаевском селище, учитывая имеющиеся аналогии, имеет больше оснований.

Особый интерес в связи с рассматриваемой проблемой вызывают коллективные погребения без соблюдения соответствующих ритуалов. Два коллективных захоронения изучены на V Старокуйбышевском селище [5, с. 89–105]. Авторы раскопок считают, что они не имеют отношения к чуме XIV в., а являются следами мон-

³ Не исключено, что миф о некоем старике Лаише, якобы переселившемся на это место в конце XIV в. и от которого стали называть поселок Лаишев, и есть отголосок этих событий.

⁴ Видеть в коллективных захоронениях III Лаишевского могильника следы набегов ушкуйников – бесосновательный домысел.

⁵ И.Р. Газимзянов отмечал наличие угольков в засыпи, разведение костра на крышке гробовищ, костер на настилах, перекрывавших котлованы могил. Все эти элементы напоминают «карантинные» мероприятия при эпидемии.

гольского завоевания, что нам представляется ошибочным⁶. В поддержку последнего тезиса можно сказать, что на скелетах в этих захоронениях нет следов травм от оружия (кроме двух индивидуумов со следами ран на черепах, которые И.Р. Газимзянов интерпретировал как удары клинкового оружия, правда синхронность этих ранений времени погребения ничем не подтверждается), но при этом фиксируются бытовые травмы, например, прижизненный перелом переносицы, сросшийся еще при жизни. Впрочем, и к чуме XIV в. эти захоронения отношения не имеют.

Е.П. Казаков, опубликовавший подъемный материал с этого селища, датировал его XI – XII вв., а весь комплекс в целом концом X – XIV вв. [7, с. 52]. Конструкции постройки, где совершены эти захоронения, характерны для булгарских сооружений XI–XII вв. [15]. Скорее всего, захоронения на V Старокуйбышевском селище относятся к XII в. и синхронны с другими известными случаями необычных групповых погребений на ряде других булгарских селищ, например, Остолоповском [11, с. 202–224].

Для того, чтобы разобраться с вопросом, что следует считать останками жертв пандемии, а что нет, сравним признаки, характеризующие случаи захоронений по традиционным обрядам, с погребениями, совершенными, предположительно, во время чумы и при других заболеваниях, которые могли привести к массовой гибели людей (холера, малярия, оспа, желудочные инфекции, отравления и т.п.).

Предварительно отметим, что на протяжении X–XIV вв. у булгар наблюдается достаточно сильная вариабельность и в традиционном обряде погребения, точнее в его деталях. Наиболее ярко это разнообразие проявляется в погребальных конструкциях и формах могильных ям. Наиболее стабильными в первом случае оставались следующие признаки: яма прямоугольной формы глубиной от 1,5 м.; ориентировка захоронения головой на запад; разворот тела

⁶ Авторы противоречат сами себе: сначала они утверждают, что это «погребения жертв вражеского нашествия», далее достаточно «туманно» пишут, что «они погибли в результате иных воздействий (не насильственной смертью – К.Р.), не отразившихся на костной системе умерших», то есть причина их смерти не связана с физическими травмами и ранами. А в завершении статьи опять встречается тезис о жертвах монгольского завоевания [5, с. 95, 96, 104].

умершего на правый бок; руки чаще всего сложены на поясе; сопровождающих предметов и вещей в погребении нет; захоронения одиночные. С XII в. распространяется практика использовать при погребении деревянные конструкции, скрепленные железными гвоздями (гробы, ящики, обкладка стенок котлована деревянными досками и т.д.); подбой-ляхд использовался чаще всего в XIV–XV в., хотя известны такие случаи и в более ранний период. Традиционно булгарские кладбища (вне городов) занимали определенное место по отношению к обитаемому пространству, чаще всего находились за небольшим овражком или ложком, отделявшим их территориально от живых людей; либо на окраине (за околицей) села.

Во втором случае использовались ямы разной формы и размеров, в которые помещались сразу несколько умерших (от 3-х и более), разнополых и разновозрастных, без соблюдения ритуала (при этом часть захоронений могли быть одиночными с соблюдением традиционного обряда или без этого); помещение вещей с покойниками (преднамеренное или случайное), чаще всего украшений – бус, серег. Отсутствие на костях скелета следов от травм, нанесенных холодным оружием, или утраченных частей тела, как и расчлененных или частичных костяков. Помимо этого, стоит отметить само место расположения захоронений жертв пандемии. Оно может быть непосредственно на кладбище, но чаще всего вне его, ближе к месту проживания, или же непосредственно на месте расположения опустевших усадеб на самом поселении.

Необходимо отличать захоронения во время эпидемий от погребений жертв трагических событий (разбойных нападений, внутренних конфликтов). После последних часть погибших (как правило, это дети и женщины) оставались не захороненными, с личными вещами (или без них) прямо на улице или близ домов; иногда их присыпали землей. Очевидно, что при этом могильной ямы для погребения не было. Нередко останки погибших (а иногда и еще живых людей) сбрасывали в заброшенные хозяйственные постройки (ямы-хранилища, погреба и т.п.). При возобновлении жизни на таком поселении полурасложившиеся трупы хоронили без всякого ритуала, чаще всего прямо на заброшенных усадьбах. Расположение костяков, как правило, в таких случаях хаотично. На костях скелетов могут быть следы

ран и повреждений от оружия или других орудий; на самом поселении, как правило, встречаются предметы вооружения (например, наконечники стрел, дротиков, реже металлические пластины от доспеха и т.п.). Такая ситуация зафиксирована на Остолоповском селище XI–XII вв. и на городище Кашан I.

Отдельно нужно рассматривать жертвы нашествий и войн с учетом всего материала раскопок и анализа археологического контекста. Но это тема отдельного исследования.

В связи с рассматриваемой темой из раскопанных памятников стоит упомянуть Торецкое селище близ Билярска, существовавшее в начале XV в. Однако отрывочность и избирательность в публикации материалов этого памятника, как и путаница в датировке, не позволяют исследовать эти материалы в отношении данной проблематики. Кроме того, не выявлен некрополь Торецкого поселения.

Эпидемию чумы в Западной и Восточной Европе в целом следует рассматривать также в контексте природных явлений второй половины XIV – начала XV в. (малый ледниковый период). В сущности, распространение пандемии в таких катастрофических масштабах было прямым следствием именно аномальных природных факторов: повышенной влажности, неустойчивых погодных условий, череды неурожайных лет.

Итак, можно констатировать, что сам факт чумной пандемии на территории Булгарского улуса во второй половине XIV – начале XV в. подтверждается археологическими материалами, хотя следов массовых жертв ее по имеющимся данным не отмечено. Также очевидно, что последствия чумы прослеживаются далеко не на всех поселениях, то есть фатальный исход постиг только часть населенных пунктов; скорее всего, тех, которые были связаны с частым перемещением или скоплением людей: поблизости от речных и сухопутных путей, где были сезонные ярмарки; в тех местах, где жители обслуживали переправы или были лоцманами для проходящих судов (например, селище Чакма), а также поблизости от городов, откуда население выбиралось в кризисный период массового заражения чумой. «Зоной риска» были и степные территории [12, с. 46, прим. 57] в южной части Закамья и в Предволжье (к сожалению, они хуже всего исследованы в археологическом отношении).

В более отдаленных местах, а также в лесной зоне, сила пандемии была слабее, а какие-то пункты она обошла стороной. «Уловить» с помощью археологии эти события очень непросто – слишком краток по археологическим меркам период, много «отвлекающих» факторов, близких по содержанию (например, внутренние вооруженные конфликты), слабая разработанность хронологии позднего золотоордынского периода в Булгарском улусе, недостаточная археологическая изученность поселений и могильников (особенно сельских) этого времени.

Наблюдение, сделанное Ю. Шамильоглу, интересно в том отношении, что, хоть и косвенно, зафиксировало переход к новому периоду в истории Булгарского улуса и его населения, связанному прежде всего с усилением тюрко-кыпчакского, поволжско-финского и славянского элементов в составе населения центральных районов этой области за счет внутренних миграций внутри Золотой Орды. Эти миграции, насколько можно судить по историческому контексту, были обусловлены несколькими факторами. С одной стороны, усилением в средневолжском регионе во второй половине XIV в. дуальной административно-экономической системы (земледелец-кочевник), характерной для всего золотоордынского государства, что привело к постоянной кочевке здесь кыпчакских кланов. С другой стороны, заселением пустошей (свободных, незаселенных земель), образовавшихся в результате пандемии, изменений климата и экологического коллапса (в частности, земель, заброшенных в результате истощения при постоянном землепользовании), как свободными мигрантами, в основном поволжскими финнами – мордвой и марийцами, занимавшимися сезонным земледелием, промыслами, рыболовством и охотой, так и пленными (рабами) из русских земель, в большей степени из Нижегородско-Суздальского и Московского княжеств. Пополнялся последний контингент и русскими из Костромы и Устюга, которых продавали новгородские ушкуйники в Булгаре, захватив их во время разбойничьих набегов. Большая часть русских пленников перепродавалась на Нижнюю Волгу и далее в страны Востока и Южную Европу, доход от чего составлял немалую долю в экономике Булгарского улуса, как в целом, так и центров территориальных образований – Булгара и Джукетау.

Все это происходило на фоне сокращения численности коренного булгарского населения в Закамье и частичного оттока его на запад, в волжское правобережье и бассейн Свияги. Однако сводить эти явления только к трагическим последствиям чумы второй половины XIV в. будет не верно. Начало данного процесса, по нашему мнению, относится к периоду после монгольского завоевания Волжской Булгарии, когда ее территория была включена в состав Улуса Джучи, а затем стала частью домена сарайских ханов, Джучидов. Следствием этого стало то, что относительное единство населения домонгольской Волжской Булгарии ушло в прошлое.

Другим «наследием» домонгольского времени было сильнейшее антропогенное воздействие на природу части средневолжского региона в результате хозяйственной деятельности на протяжении более чем двух столетий населением Волжской Булгарии, в результате чего в начале XIII в. (учитывая рост народонаселения, с его потребностями в жизнеобеспечении, интенсификации техник обработки земли и расширении различных производств) сложилась такая ситуация, что без территориального роста в Булгарии неизбежно наступила бы экологическая катастрофа.

Видеть в пандемии, которая без сомнения была катализатором многих процессов, единственный источник кардинальных перемен в Булгарском улусе – политических, экономических и этнических – является сильным упрощением ситуации. Булгарский улус оказался с 1360-х гг. в водовороте внутривластных интриг сарайской элиты, перенесенных на периферию государства, наложившихся на центробежные сепаратистские стремления местной знати, стремившейся к независимости и опиравшейся в защите своих интересов и амбиций не на собственные экономические ресурсы, которые были слабы и невелики, а на наемников-кочевников и на авторитет беглых претендентов на сарайский престол. Отсюда и активное участие Булгара и Джукетау в конце XIV – начале XV в. в региональных междоусобных политических и военных конфликтах, а также в набегах на соседние земли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугров Д.Г., Капленко Н.М., Ситдилов А.Г. К вопросу о начале мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии // Научный Татарстан. 2010. №4. С. 19–25.
2. Гагин И.А. Чума в истории Руси и Волжской Булгарии // Исторический формат. 2015. № 4 (4). С. 312–318.
3. Газимзянов И.Р. Об одном элементе погребального обряда некрополей Волжской Булгарии (по материалам Кожаевского могильника) // Проблемы археологии Среднего Поволжья / науч. ред. А.Х. Халиков. Казань: изд-во ун-та, 1991. С. 106–110.
4. Галимова М.Ш., Губайдуллин А.М. Краткие итоги исследования Сюкеевского городища // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003. С. 197–210.
5. Измайлов И.Л., Газимзянов И.Р. Исследования полуземлянки и братских могил на Старокуйбышевском V селище // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. С.89–105.
6. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 132 с.
7. Казаков Е.П. V Старокуйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 39–64
8. Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарные комплексы Иски-Казани // Татарская археология. 2011. №1–2 (20–21). С. 152–217.
9. Никитина Т.Б. Михеева А.И. Аламнер: миф и реальность. Важнагерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. Йошка-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 196 с.
10. Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI – XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья / отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск-Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 73–102.
11. Руденко К.А. О необычных захоронениях на Остолоповском селище X–XII вв. в Татарстане // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука: Институт археологии РАН, 2010. С. 202–224.

12. Руденко К.А. Города и села Булгарского Улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. 2011. №1–2 (20–21). С. 32–151.

13. Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. №2. С. 189–211.

14. Руденко К.А. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde:/ отв. ред. С.Г. Бочаров; А.Г. Ситдилов. Кишинев: Stratum Plus, 2015. (Серия «Археологические источники Восточной Европы»). С. 255–364.

15. Руденко К.А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. Казань: ЗАО «Издат. дом «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.

16. Ситдилов А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: ИИ АН РТ, 2006. 288 с.

17. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.

18. Халиков А.Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 152–167.

19. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.

20. Ютина Т.К. Исследования Дербёшкинского могильника в Актамышском районе Республики Татарстан // Finno-Ugrica. 2007. № 10. С.73–98.

21. Яблонский Л.Т. Некрополи Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 124–142.

22. Schamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasiatica. Festschrift für Professor András Róna-Tas. Szeged, 1991, pp. 157–163.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ О ЧУМЕ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Т.Ф. Хайдаров

Одним из самых крупных исследований западных исследователей по теме «Чумы в Улусе Джучи», получившей наибольшее количество критических замечаний, стала совместная статья исследователей Казанского федерального университета (Казань, Россия) и Института истории человечества Макса Планка (Йена, Германия) [1]. Используя данные генетического анализа зубов найденных в погребениях времен «Чёрной смерти» в Барселоне, Эльвангене (Германия) и Булгаре (республика Татарстан, Россия), исследователи пришли к выводу, что практически все зафиксированные в исторических источниках и современные эпидемии чумы были вызваны одним и тем же штаммом, обнаруженным на территории России – бактерии *Yersinia pestis*.

Радиоуглеродный анализ сопутствующего материала из археологических раскопок (вещественных источников и монет) позволил определить примерный временной промежуток крупных вспышек в трех городах (Барселона (1300–1420), Булгар (1298–1388), Эльванген (1486–1627)), что в значительной степени коррелируется с данными в письменных источниках (1362/63 гг. для булгарских данных) [1, р. 875].

Все полученные таким образом данные анализа методом полимеразной цепной реакции (ПЦР) находок из средневековых погребений позволили группе Й. Краузе сравнить с ранее опубликованными результатами исследований современных проб чумы, сделанных в мире и на территории стран бывшего СССР¹. В результате был сде-

¹ Метод ПЦР, предложенный в начале 1970-х гг. норвежским учёным Хьеллей Клеппе из лаборатории нобелевского лауреата Хара Гобинды Кораны, но реализованный на практике в 1983 году американским биохимиком Кэри Муллисом, позволил с помощью лабораторного удвоения исходной молекулы ДНК с помощью фермента ДНК-полимеразы выявить на основе ана-

дан вывод о том, что вторая пандемия чумы, известная более как «Чёрная смерть», имела совершенно иную картину развития. В первую очередь под сомнение была поставлена теория о происхождении европейской чумы середины XIV в. исключительно из расположенных южнее пустыни Сахары африканских природных очагов. Во-вторых, было признано, что на всём пространстве европейского континента вовремя второй пандемии чумы активность проявлял штамм бактерии чумы, имеющий восточное происхождение, то есть пришедший по Великому шелковому пути из глубин Азии. Следовательно, было отклонена теория локального развития эпидемии «Черной смерти» [1, р. 876]. В этом случае анализ проб из расположенного на востоке европейского континента средневекового захоронения в г. Булгар позволил группе Й. Краузе несколько по-иному взглянуть на проблему возникновения и распространения бактерии чумы во время второй пандемии. Из всего вышесказанного можно заключить, что подверглась критике господствующая в современной западной науке теория возникновения и распространения чумы исключительно с жизнедеятельностью чёрной крысы. Скорее всего, заключили авторы статьи, первостепенное значение в этом вопросе имели расположенные восточнее Каспийского моря и связанные с Великим шелковым путем несколько крупных эпидемических очагов.

По признанию членов исследовательской группы, в связи с тем, что практически до последнего времени господствующая точка зрения связывает процесс возникновения эпидемии чумы прежде всего с очагами, расположенными на юге Китая, а распространении эпидемии — с водными путями, по-прежнему остается очень много спорных вопросов. Поэтому для разрешения последних в будущем перспективными выглядят исследования археологических находок, полученных с Кавказа и из Поволжья, а также наблюдения за миграционными путями степных грызунов. Именно учёт этих фактов, скорее всего, позволит понять природу этого исторического явления [1, р. 880].

лиза биологических находок человеческих остатков (зубов, копчиковой кости) наличие тех или иных заболеваний у человека в историческом прошлом.

Однако, несмотря на все достижения в области реконструкции генома средневековой чумы, в теоретических размышлениях Й. Краузе и его исследовательской группы о дальнейших путях распространения чумы исходят из теории антропоценоза. Согласно последней, корни которой уходят к разработкам известного немецкого микробиолога Роберта Коха, открывшего первоисточники таких заболеваний, как туберкулез и сибирская язва, любое эпидемическое заболевание вызывается через взаимодействия возбудителя и человека. В то же время у самого Й. Краузе чётко прослеживается указание на природные очаги. В данном случае речь идет об очагах, расположенных на Северном Кавказе и в районе Каспийского моря. Если обратиться к истории исследования последних, то здесь следуют отметить работы отечественных исследователей (Е.Н. Павловского и др.). В них было высказано мнение, что любая вспышка эпидемического заболевания происходит вследствие взаимодействия природного очага, возбудителя, носителя и собственно человека. При этом не последнюю роль в дальнейшем распространении любой эпидемии играют развитие дорожной сети, климатические изменения и антропогенный фактор, оказывающий влияние на проживающих на территории возбудителей и переносчиков эпидемических заболеваний.

Сам Й. Краузе без учёта этих факторов делает, исходя из теории Р. Коха, выводы о возможном влиянии каспийских очагов чумы на возникновение в конце XIX в. третьей пандемии заболевания на Дальнем Востоке. Его доказательная база рассыпается, если учесть несколько фактов:

1) Данные, полученные из болгарского ново-иерусалимского могильника, были взяты из единичных погребений. В то время, как в Барселоне, Эльвангене и Лондоне они были получены из массовых погребений.

2) Для сравнения были взяты пробы штамма средневековой чумы и полученных в различных местах современной её разновидностей, что в условиях отсутствия данных, полученных из массовых погребений эпохи «Чёрной смерти» на территории стран бывшего СССР, Ирана и Турции, не позволило более четко идентифицировать один источник начала второй пандемии чумы.

3) Выводы относительно дальнейшего распространения чумы в период начала третьей пандемии заболевания были сделаны без учета предшествующих большой эпидемии нескольких малых вспышек, следовавших за волной распространения болезни. Именно это и не было отмечено в Средней Азии в конце XIX в.

Таким образом, можно заключить, что для обоснования своей точки зрения на распространение чумы у Й. Краузе явно не хватило доказательной базы. Поэтому его точку зрения на этот процесс можно рассматривать исключительно как гипотезу, что не умоляет достоинства его исследований в области генетики средневековой чумы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Spyrou A.M., Tukhbatova R.I. et al. Historical Y. pestis Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // Cell Host & Microbe, 2016, 19, pp. 874–881. DOI: 10.1016/j.chom.2016.05.012

ЧУМА ВО ВРЕМЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ТОКТАМЫША С ТИМУРОМ

И.М. Миргалеев

Возвышение хана Токтамыша и прекращение смуты в Золотой Орде привели к тому, что золотоордынское государство начало активно возвращаться на международную политическую арену. Очень быстро интересы хана Токтамыша пересеклись с интересами эмира Тимура, который на обломках чагатайского и хулагуидского улусов начал создавать новое государство, известное как Империя Тимуридов.

По истории противостояния Токтамыша с Тамерланом имеется обширная литература (более подробно см: [1]). Несмотря на проведенные реформы в Улусе Джучи после прекращения смуты [1, с. 63–84], в том числе и военную, и активное вовлечение правительством Токтамыша в антитимуровские коалиции других государств [3], противник оказался сильнее. Впоследствии, последнее противостояние запомнилось крупнейшими сражениями средневековья.

Среди факторов неудач Токтамыша, которые не особо выделяются и рассматриваются учёными отдельно, являлись эпидемии. Исходя из уже опубликованных нарративных источников и исследований в области эпидемиологии, можно заключить, что одним из самых крупных заболеваний того периода на территории Золотой Орды являлась чума. Скудость представленной в источниках информации пока не позволяет исследователям детально рассмотреть эту проблему. Однако мы можем утверждать о наличии на территории золотоордынского государства крупных эпидемических очагов и о периодическом вспыхивании, разразившейся в середине XIV в., «Чёрной смерти». Исходя из этой информации, можно заключить, что, несмотря на достаточно большой разброс природных очагов чумы на всей обширной территории Улуса Джучи, основными пострадавшими данного бедствия оказались центральные области страны, прежде всего Нижнее Поволжье. Перманентное возникновение новых эпи-

дедий продолжалось и в последующие годы и вновь обострилось во время противостояния Токтамыша с Тимуром.

На сегодняшний день среди специалистов вызывают наиболее острые споры многие аспекты в быстро меняющейся политической жизни периода «Великой замятни» в Улусе Джучи, а также противостояния Золотой Орды с империей Тимура, периода правления Токтамыша и Идегея. Без учёта в хронологической последовательности крупных вспышек чумы трудно бывает объяснить приведённую в источниках информацию о внезапной смерти или потери власти, необходимости срочной интронизации нового хана, поражении действующего хана от незначительного претендента и тому подобных моментах. Такие «аномалии» необходимо рассмотреть и в корреляции с эпидемиями и иными, неантропогенными факторами.

Поэтому, безусловно, важное значение приобретает использование новых методов и данных смежных дисциплин. Среди наиболее популярных в современных междисциплинарных исследованиях стали данные, полученные в ходе изучения в исторической ретроспективе изменения климата и крупнейших эпидемий человеческих сообществ. Составление «медицинской карты» средневекового человека в будущем позволит более детально разобрать «белые пятна» истории. Пока же мы только на начальном пути массового внедрения в исторические исследования методов естественных наук. Однако уже сейчас существует понимание того, как можно применить полученные таким образом данные.

Одной из главных опасностей внедрения методов естественных наук в исторические исследования становится построение учёными спорных гипотез. Поэтому для грамотного использования информации, полученной при помощи методов естественных наук, крайне необходимо соотносить ее с данными опубликованных ранее нарративных источников. В конечном итоге это позволит в кратчайшие сроки преодолеть возникший методологический кризис исторической науки. Однако на нынешнем этапе развития исторической науки специалисты очень часто слепо следуют в фарватере естественных наук, что зачастую приводит к возникновению «сенсационных» выводов. Наиболее показательным примером построения подобных умозаключений может считаться статья исследовательской группы

Й. Краузе [8]¹. Хотя в этом исследовании впервые был проведён сравнительный анализ генома средневековой чумы, выделенного из захоронений Германии, Англии и России (Булгар). Именно он позволил лабораторным способом доказать распространение «Чёрной смерти» на территории Золотой Орды, что в условиях отсутствия обнаружения на территории России массовых чумных захоронений является крупным научным открытием. Однако все выводы были получены, исходя из анализа находок, сделанных в единичных погребениях г. Булгара и массовых чумных захоронений Западной Европы, что, впрочем, не помешало данной исследовательской группе сформулировать резко критикуемую специалистами гипотезу возврата эпидемической волны средневековой чумы из Западной Европы в Центральную Азию и её последующее проявление в конце XIX – начале XX вв. на Дальнем Востоке во время начала третьей пандемии чумы. Одним из главных недостатков исследования является то, что все выводы были сделаны исключительно на основе изучения генома средневекового штамма чумы. При этом была практически проигнорирована не только общая историческая канва, но и данные в области эпидемиологии чумы, указавшие на невозможность такого движения эпидемической волны.

Эпидемия чумы середины XIV века, как известно, поразила огромную территорию Евразии, в том числе и Золотую Орду. Благодаря торговым путям и хорошей коммуникации между городами, данное заболевание смогло выкосить большое количество населения. Надо полагать – прежде всего городского. В период политической смуты золотоордынское государство всё больше погружалось в междоусобную войну. Параллельно с этим наблюдался кризис и падение авторитета государства и правящей чингизидской династии, разрушение торговых связей. Дальнейшее ослабление северного маршрута трансконтинентальной торговли привело к некоторой «изоляции» Золотой Орды, что также могло сказаться как на прекращении эпидемии, так и на продолжение её распространения уже в локальных масштабах. Люди, конечно же, пытались бороться

¹ Критику этой статьи см. в настоящем издании: Хайдаров Т.Ф. Некоторые замечания по поводу одной публикации о чуме в Золотой Орде. С. 140–143.

с эпидемиями, в том числе и с чумой. Одним из наиболее распространённых на мусульманском Востоке методов борьбы с эпидемическими заболеваниями, а также их профилактики, являлся карантин заражённой территории. Использование на практике последнего может являться косвенным свидетельством как хода некоторых событий, так и деятельности определенных исторических фигур. Например, после поражения от Тимура в войне 1395–1396 годов население стремилось не восстанавливать города, а покинуть страну или же жить в кочующих ордах [1, с. 142–143]. Именно благодаря этому за короткое время могли усилиться те или иные претенденты на власть. К тем, кто мог организовать безопасное проживание, быстро приходили люди и усиливали их своим количеством. Города и их округа практически выпадают из жизни. Овладеть ими никто не стремится. Хотя в период смуты 60–70-х годов XIV века борьба за города и прежде всего за Сарай была наиболее важным актом заявления своих претензий на власть. Поэтому Сарай и переходил не раз из рук в руки. После разгрома Тимура и разгула голода и эпидемий практически до 1398 года Сарай и его округа стали карантинной зоной. Гибель тех городов, которые после нашествия Тамерлана не были восстановлены, возможно, во многом была связано именно с карантином из-за чумы. Пострадали прежде всего города центральных территорий Золотой Орды.

Как известно, противостояние Токтамыша с Тимуром происходило в условиях обострения политических и экономических кризисов [2]. Болезни и эпидемии часто сопровождали военные походы. Однако, несмотря на существующую опасность значительных людских потерь от болезней, противоборствующие стороны старались достичь своих целей. Так было и в случае военного конфликта Золотой Орды с империей Тимура. Исходя из представленной в нарративных источниках информации, спешный уход Тимура из Золотой Орды в 1396 году был связан с возникшей в его войске эпидемией. У нас есть все основания полагать, что за этим сообщением скрывается указание на чуму.

Действующая армия Тимура оставалась достаточно долго на территории Улуса Джучи и при этом не бездействовала. Это говорит о том, что им было с кем бороться и воевать, а также выполнять

определенные задачи, например, разрушение золотоордынских городов. Поспешный уход был связан именно боязнью за жизнь. Прямого противника в виде сильной армии, которая могла бы открыто бросить вызов Тимуру и угрожать ей на тот момент времени, просто не существовало. Поэтому вполне адекватные оценки причины отступления армии Тимура приведены в средневековых источниках. Например, русские летописи отмечают, что на войско Тимура «прииде ... гневъ Божий, моръ силенъ на люди и на скоты» [4, с. 162]. Тимуридские историки тоже отмечают, что «войско Тимура ослабело и пало духом» [6, с. 185]. Поэтому Аксак Тимур весной 1396 года дал приказ отступать и ушел в Иран через Кавказ, уводя с собой награбленное имущество и пленных.

После битвы 1395 года разбитый Токтамыш «ушел в сторону Булгара в лесистую местность» [6, с. 178]. Зимой 1395–1396 года в стране начался голод и возникли очаги «мора». Вся эта ситуация продолжалась несколько лет и только в 1398 году более-менее успокоилась. А вот чума завершилась только в 1405 году [7, с. 200].

Именно эпидемии чумы опустошили разбитые города на Нижней Волге. Оставшиеся жители массово покидали страну, что и зафиксировал Ибн Арабшах, живой свидетель этих событий: «Большая толпа их ушла с Тимуром, которому она стала подвластной и у которого находилась в плену». Другая «часть, которая не поддается ни счету, ни исчислению ... ушла к румийцам и русским», а оставшаяся часть была доведена «до нищеты и совершенного извращения» [5, с. 470].

Фактор, прежде всего, массовых болезней напрямую влиял на жизнь и политические события Золотой Орды. Судя по всё большему усилению падения и разрушению общественно-политической системы золотоордынского государства, можем констатировать, что это влияние было среди определяющих причин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
2. Миргалеев И.М. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 698–704.
3. Миргалеев И.М. Токтамыш и Тимур: реставрация антимамялюкской коалиции // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященная памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 27–32.
4. ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или никоновская летопись. М.: Наука. 1965. 520 с.
5. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. I. СПб.: Тип-я ИАН, 1884. 564 с.
6. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
7. Эпиграфические памятники северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, пер., комм., введение и приложение Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1966.–300 с.
8. Spyrou A.M., Tukhbatova R.I. et al. Historical Y. pestis Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // Cell Host & Microbe, 2016, 19, pp. 874–881. DOI: 10.1016/j.chom.2016.05.012

КТО ЛЕЧИЛ БОЛЬНЫХ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ?

Л. Ф. Абзалов

Болезни и всевозможные недуги сопровождали человечество на всем протяжении его существования. Поэтому люди изыскивали различные способы борьбы и противодействия этим недугам, что в значительной мере определяло жизнеспособность и дальнейшее развитие данного общества, в рамках которого стали выделяться лица, специализирующиеся на лечении больных. Не являлось исключением и золотоордынское общество. Другой отправной точкой нашего исследования является то, что медицинские знания и навыки отражают уровень развития общества, в целом являясь своего рода проекцией происходящих в нем процессов.

Изучение лиц, занимающихся лечением больных в Золотой Орде, позволит создать более полную картину не только социальной структуры, но и уровня развития ее культуры в целом. Можно следующим образом сформулировать основную **проблему**, на решение которой направлены материалы данной статьи: какие категории лиц специализировались на лечении больных в Золотой Орде и какое место они занимали в социальной структуре золотоордынского общества? Сразу же следует оговориться, что в рамках данного исследования мы не ставим цели всестороннего анализа и характеристики методов лечения, применявшихся рассматриваемыми в статье врачевателями.

Актуальность поставленного вопроса не может вызвать каких-либо споров, так как человечество, как было уже сказано, во все времена проявляло особое внимание к защите своего здоровья и преодолению недуга, поэтому лица избавляющие человека от этих недугов имели особое положение в обществе, их труд был нелегким, нередко, в рассматриваемую эпоху, опасным, но все же их социальный статус был престижен, а их носители, как правило, пользовались авторитетом.

Научная новизна проблемы также вполне очевидна. В отечественной историографии специальные исследования в этой области

отсутствуют. Что касается зарубежной, то здесь в большинстве своем освещается состояние медицины в Монгольской империи, как правило, безотносительно ссылок на историю Золотой Орды [25, 26, 27, 28].

Основную информацию, на базе которой происходит решение проблемы, предоставляют различные по происхождению и содержанию нарративные источники XIII–XV вв.

Что касается **методологии**, в первую очередь, следует отметить, что ранние этапы развития Улуса Джучи, протекавшие в рамках единой Монгольской империи, рассматриваются на базе сведений о монголах. Дальнейшие интерпретации и гипотетические построения в значительной мере производятся, опираясь на сравнительно-исторический метод, методы ретроспекции и аналогии.

Золотая Орда, как известно, имела сложную социальную структуру, здесь проживали представители самых разных племен и народностей, ведущие разнообразный образ жизни (кочевой, полукочевой, оседло-земледельческий), соответственно имеющие свои культурные особенности. Несмотря на все указанные различия можно выделить достаточно универсальную схему процесса лечения больных во всех этих обществах. Такая универсальная схема была обусловлена не только принадлежностью к одному биологическому виду, но и традиционным характером рассматриваемого общества. Во всех регионах огромного золотоордынского государства были лица специализирующиеся на лечении больных, каковыми чаще всего являлись народные целители-знахари, шаманы и представители духовенства. Именно к ним обращались за помощью незамедлительно или же после исчерпания методов самолечения. Очевидно, профессиональные врачи должны были быть представлены лишь в ордынской ставке и крупных городских центрах.

Изучение имеющихся материалов позволяет выделить несколько категорий лиц, в той или иной мере практиковавших лечение больных в золотоордынском обществе. Перейдем к их характеристике.

Шаманы. Известно, что одной из главных функций шамана является врачевание [см. подробнее: 1, 10, 11, 20], что мы также можем наблюдать в Монгольской империи и Золотой Орде. Об этом

четко и однозначно пишут средневековые авторы Иоанн де Плано Карпини, Вильгельм де Рубрук, Марко Поло, Рашид ад-Дин и др.

Шаманы лечили путем совершения ритуальных действий, направленных на «изгнание» или «умиротворение» духов, причинивших болезнь [1]. По словам С.А. Токраева, болезненные состояния, всегда порождающие тревогу и беспокойство, являются благоприятной почвой для возникновения суеверных представлений [20, с. 102]. Древние люди (в некоторых случаях это характерно и для наших современников) связывали возникновение болезни с действием сверхъестественных сил. Известно, что средневековые монголы испытывали особый страх перед колдовством¹, как впрочем, и многие другие народы. В монгольском обществе, людей, так или иначе причастных к вредоносной магии, жестоко наказывали, подвергая их пыткам и истязаниям, с последующим умерщвлением [8, с. 101; 15, с. 98, 126]. Но были случаи, когда отсутствие убедительных доказательств и упорное отрицание своей причастности к колдовству спасало жизнь подозреваемого, или чаще всего подозреваемой, в колдовстве [8, с. 173–174].

Европейские авторы, побывавшие в Монгольской империи, подчеркивают значительную роль шаманов в жизни монгольского общества, которых они называют камами², жрецами и прорицателями [8, с. 32, 172]. Характеризуя их основные функции, Вильгельм де Рубрук выделяет и функцию врачевания: «зовут их и когда кто-нибудь захворает, и они произносят свои заклинания и решают, естественная ли это немощь, или она произошла от колдовства» [8, с. 173]. Очевидно, при недомогании и усилении болезненных проявлений тех или иных недугов монголы могли обращаться за помощью к шаману [8, с. 173]. Рашид ад-Дин Табиби пишет: «Внезапно у каана [Угэдэя] появилась какая-то болезнь. *По их обычаю* [здесь и далее курсив мой. – Л.А.] собрались шаманы и камлали» [14, с. 110].

¹ За занятие волхвованием и изведение людей при помощи колдовства Яса устанавливала смертную казнь [6, с. 15]. Многочисленные сюжеты о переплетении колдовства и политических интриг можно встретить в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина [14, с. 117].

² Т.е. шаманами. Об этимологии слова «шаман» и его обозначения в языках народов Сибири и Центральной Азии см. [11, с. 117–130].

Шаманы по своему положению в обществе были неоднородны, наблюдалась определенная иерархия, очевидно связанная со способностями и происхождением шамана. По словам Вильгельма де Рубрука «у них всегда имеется глава, как бы папа (pontifex)» [8, с. 171].

Опираясь на сведения о шаманских обрядах народов Сибири и Центральной Азии [1, 11, 22] и исходя из устойчивости шаманского культа у многих народов в разные эпохи, можно сделать некоторые допущения относительно шаманского лечения, его методов и приемов у средневековых монголов. Известный исследователь шаманизма Л.П. Потапов отмечает: «Представления уйгуров и монголов о камах-шаманах и их связях со своими духами, сообщенные Джувейни [...] полностью соответствуют подобным представлениям, выявленным этнографическим изучением алатае-саянских народов. То же самое надо сказать и о лечении камами болезней» [11, с. 135]. Первоначально шаман ставил диагноз, после чего приступал к лечению, заключавшемся в разыскивании и возвращении «ушедшей» от человека души, либо изгнании из него злого духа, путем камлания. Вероятно, шаманы не всегда практиковали полное камлание. Помимо этого основного метода шаманы могли использовать и другие методы: заговоры, жертвоприношения и т.д. Например, Рашид ад-Дин, описывая лечение болезни Угэдэя шаманами пишет: «По их обычаю собрались шаманы и камлали, они заговаривали его болезнь и смывали ее [наговорной] водой» [14, с. 110].

Очевидно также и то, что шаман должен был получать за свои услуги определенное вознаграждение. Вильгельм де Рубрук пишет о том, что ему и одному из монахов, находившемуся при дворе каана Мунке, удалось облегчить состояние здоровья супруги Мункэ Коты, которая сразу же после этого отблагодарила их значительной суммой [8, с. 149–150]. Поэтому можно полагать, что также обстояло дело с услугами лечащих шаманов.

Относительно эффективности лечения больных шаманами в литературе существуют разные мнения. Например, Мишель Харнер полагает, что шаман, своей искренней заинтересованностью в судьбе пациента, вызывает в нем ответную позитивную эмоциональную реакцию, воодушевляя его на борьбу с болезнью [21]. Клод Леви-

Строс пишет: «шаманская медицина занимает промежуточное положение между нашими органотерапией и психотерапией (как, например, психоанализ). Особенность шаманского врачевания в том, что оно применяет к органическому расстройству метод, очень близкий к психотерапевтическому или психоаналитическому» [9, с. 205–207]. Но если учесть, то обстоятельство, что больные, как правило, обращаются за помощью лишь на запущенных стадиях заболевания, т.н. эмоциональная зарядка уже не могла иметь существенного значения для выздоровления. Известно также, что шаманы не всегда были искренне заинтересованы судьбой пациента. Вильгельм де Рубрук описывает случай, когда шаманы воспользовались удобным моментом для того, чтобы отомстить своим неприятелям [8, с. 172]. Исследователь сибирского шаманизма А.Н. Алексеев полагает, что: «Шаманские камлания, проводившиеся ночью, причиняли большой вред здоровью верующих, держали их в страхе перед могущественными духами» [1]. Действительно, зачастую лечение шаманов было ущербным, порой принося вред и страдания людям, не имевшим никакого отношения к недугам пациента. Многочисленные примеры безуспешного лечения не могли подорвать веры основной массы населения в таинственную силу шаманов. Очевидно отдельные случаи исцеления некоторых больных или же улучшения их состояния заставляли забыть все неудачи шамана, происходившие в прошлом. Такая информация передаваясь из уст в уста обростала всевозможными деталями [5], как правило, преувеличивая лечебный эффект шаманского камлания. Но при любом исходе шаман мог найти достойное или удовлетворяющее многих людей объяснение трагических последствий действиями коварных злых духов. Также следует помнить, что на ранних этапах развития Монгольской империи шаманы занимали в обществе достаточно высокое положение, в связи, с чем к их услугам прибегали достаточно часто. Малоэффективность или неэффективность шаманского лечения заставляла больных обращаться к услугам других целителей, практикующих иные методы лечения. Этому также способствовали развитие и углубление контактов монголов с другими культурами. В скором времени в ханской ставке, шаманы уже не могли успешно конкурировать с опытными врачевателями, других меди-

цинских систем (в их числе китайской, тибетской, арабо-персидской), завоеванных монголами оседло-земледельческих стран. Надо полагать, что с развитием Улуса Джучи и все большим проникновением ислама, стали активнее использоваться методы лечения арабской медицины. Такая ситуация характеризовала положение в ханской ставке, т.е. затронула в большинстве своем лишь элиту золотоордынского общества, не особо отразившись на основной массе кочевого населения. Мусульманская культура все более оттесняла шаманов в деле лечения болезней, лишь в той части ордынского общества, которая активно приобщалась к исламу. Но даже при таком положении, с большой долей вероятности можно говорить о сохранении традиционных верований, переплетавшихся с мусульманскими религиозными канонами. Очевидно, за все время существования Золотой Орды мусульманская медицинская практика так и не сумела занять главенствующие позиции в этом необходимом для общества деле. Несмотря на изменившиеся условия, шаманская практика, очевидно, продолжала сохраняться в языческой и слабо приобщенной к исламу кочевой среде.

Профессиональные врачи. Следующая категория лиц, в чьи непосредственные обязанности входило лечение больных были собственно врачи или профессиональные врачи. С момента крупномасштабных завоеваний при орде монгольского хана стали появляться профессиональные врачи из соседних государств, где медицинская практика находилась на более высоком уровне развития. Речь идет о китайских, тибетских, и вероятно, уйгурских врачах. Вильгельм де Рубрук дает краткую справку о практиковавших в Каракоруме китайских врачах, он пишет: «Катай – отличные работники во всяком ремесле, и их медики очень хорошо знают действие трав и отлично рассуждают о пульсе, а мочегонных средств они не употребляют, да и вообще о моче ничего не знают. Я это заметил. Многие из них живут в Каракоруме, и у них всегда существует обычай, чтобы все сыновья занимались тем же искусством, каким занимается отец» [8, с. 129].

Очевидно, что численность профессиональных врачей, получивших соответствующее образование, в рассматриваемую эпоху была незначительной. Поэтому подавляющее большинство населе-

ния традиционно обращалась к местным народным целителям, практиковавшим т.н. народную медицину. Иными словами, в случае перелома или вывиха могли обратиться к местному костоправу, в случае родов к повивальной бабке, каких-либо внутренних болезней или недугов к знахарке, также должны были быть специалисты по обрезанию. Подобная же ситуация, за известным исключением, наблюдалась и в Западной Европе [2, с. 6].

Необходимость в услугах иноземных врачей определялась тем, что элита монгольского общества зачастую вела такой образ жизни, который не способствовал укреплению их здоровья. Постоянные стрессы, голодание и чрезмерное питание, злоупотребление алкоголем и т.д. отрицательно сказывались на их здоровье [26, р. 135]. Возникающие недуги заставляли монгольскую аристократию искать помощи у всевозможных врачей, целителей, вне зависимости от практикуемой ими медицинской системы. Доказательством этому может служить выделение особой должности, курировавшей вопросы жертвоприношений, врачевания, шаманства и гадания на костях в «правительстве» каана Мункэ. На эту должность был назначен Ахуча, его помощником стал Ала-Буга [23, с. 189]. Известно также, что в 1263 г. Хубилай поручил управление астрономическим и медицинским департаментами Западного края (Си-ю) Изола Пизанцу (кит. Ай-суюе, 1227–1308) [3, с. 390], который несмотря на неприязненное отношение к мусульманам в целом, активно применял достижения арабо-мусульманской медицины [27].

Исторические источники повествуют, что при монгольских царевичах всегда были лекари. Даоский монах Чань Чунь (1148–1227) пишет о лекаре Чжень Гуне, находившемся при царевиче Угэдэе [16]. Рашид ад-Дин также пишет о лекаре при Угэдэе [14, с. 43] и упоминает о китайском враче Чагатае [14, с. 101]. Поэтому следует предположить, что такой же лекарь мог быть и при старшем сыне Чингис-хана Джучи. Вполне возможно, что эти лекари были назначаемы к своим сыновьям самим Чингис-ханом, отцом проявлявшем обеспокоенность о здоровье своего потомства. По этому поводу есть интересное сообщение у Рашид ад-Дина, который пишет о том, что великий дед, зная о недугах своего внука Гуюка, определяет к нему «диетолога»: «Деда Кутучака, правителя [шихнэ] Херата, Чин-

гиз-хан отдал Гуюк-хану и при этом сказал: «У тебя какая-то болезнь, – он будет готовить для тебя пищу!» [13, с. 231].

Врачи становятся той частью орды, необходимость которой была очевидна. Такая традиция была практикуема и в последующие времена, например, арабские авторы подчеркивают, что при ханах Золотой Орды находились ламы и бакши, в том числе занимавшиеся целительством [17, с. 143]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в государстве Хулагуидов. Рашид ад-Дин, будучи хорошим врачом, оставил достаточно подробные сведения о деятельности китайских врачей и буддийских лам при дворе Ильханов [15, с. 62].

Арабские авторы пишут о том, что Токта был: «веры уйгурской, состоящей в поклонении идолам, звездам, уважал бахшей, мудрецов и врачей» [17, с. 360]. Таким образом, мы можем заключить, что в течение XIII – начала XIV вв. золотоордынская знать прибегала к услугам китайских и тибетских врачей. Учитывая то, что большинство из них были представителями буддийского или даосского духовенства их в Улусе Джучи, как и в остальных частях империи могли называть бахши и ламами.

Здесь считаем необходимым дать некоторые комментарии известному сообщению Рукн ад-Дина Байбарса относительно смерти хана Менгу-Тимура: «Причиной смерти его [Менгу-Тимура] был нарыв, образовавшийся в горле его; он проколол его и умер от него» [17, с. 93]. Очевидно, гибель хана произошла вследствие заражения крови. Арабский летописец, как видно, умалчивает о лекарях, долженствующих присутствовать при особе золотоордынского правителя. Не приходится сомневаться в том, что они были, но вероятно не сумели оказать действенной помощи, и не решились прибегнуть к оперативному вмешательству или к пункции, возможно опасаясь за свою жизнь, так как они могли быть заподозрены в злом умысле и впоследствии казнены, в особенности если при дворе больного правителя обострялась политическая борьба. Рашид ад-Дин описывает подобный случай, произошедший с ильханом Абагой, у которого на руке образовалась большая опухоль, причинявшая значительные неудобства больному. Но несмотря на это «великие врачи» как их обозначает Рашид ад-Дин, также: «не имели смелости вскрыть [опухоль], и [Абага-хан] лишился сил терпеть». И

лишь авторитет знаменитого ученого Насир ад-Дина Туси заставил врача вскрыть и очистить опухоль [15, с. 86].

В словаре Codex Cumanicus врач обозначается словом «otači» (от древнетюрк. «ot» – трава, «ota» – лечить) [7, с. 373]. Так, по мнению Джорджа Лейна, называли всех иноземных врачей [26, р.135]. В отличие от шаманов, они лечили всевозможными лекарственными препаратами, но в то же время это обстоятельство не исключало использования и других методов³. Мы полагаем, что в Золотой Орде было распространено именно такое наименование врачей, но этим же понятием могли обозначать и народных целителей – знахарей. В то время как арабский термин «tabib», надо полагать, был распространен среди образованной части мусульманского населения, и его применяли прежде всего по отношению к профессиональным врачам, имеющим соответствующие знания и опыт в области арабо-мусульманской медицины. При этом следует заметить, что большинство мусульманских врачей были в то же время представителями духовенства. Шайх ал-Бирзали (ум. 13.VI.1339) пишет о некоем Ала ад-Дине ан-Нугмане ал-Харазми (родился в сентябре 1269 г.), который был врачом при наместнике Хорезма Малик-Темире (?), в дальнейшем, вероятно в связи с ухудшением здоровья Токты (можно также допустить, что это могло быть связано с болезнью его сына Ильбасмыша)⁴, он был направлен в ханскую орду где, очевидно, должен был находиться постоянно⁵, а позднее он служил при хане Узбеке [19, с. 122]. Здесь также следует отметить, что, как правило, в ханской орде, лекари совмещали те или иные административные должности и выполняли всевозможные государственные поручения. Известно, что Елюй Чуцай помимо своих административно-финансовых дел, занимался врачеванием.

³ Армянский автор Магакий пишет о жутком и ужасном способе лечения, прописанного «врачом» монгольскому полководцу. См. анализ указанного сюжета [25, р. 428–448; 26, р. 136–137].

⁴ О его ранней, причем естественной, смерти нам сообщает арабский автор ал-Айни [17, с. 360].

⁵ Весьма любопытным будет сравнение с биографией известного еврейского врача Саад ад-Довле, проявившего свой врачебный талант, и ему было приказано, чтобы он неотлучно состоял при хане и не ездил в Багдад.

Для сравнения также можно привести прославленных везирей Ильханов Саад ад-Довле и Рашид ад-Дина. А вышеупомянутый Ала ад-Дин ан-Нугман ал-Харазми при Узбеке был посланником хана в мамлюкском Египте.

Понятно, что врачи находились не только в орде хана, но и практиковали в соответствующих медицинских учреждениях крупнейших городских центров Улуса Джучи. В источниках встречаются несколько упоминаний о больнице (перс.бимаристан или маристан) Ургенча, где лечили больных известный нам Ала ад-Дин ан-Нугман ал-Харазми и сирийский врач ас-Сахиуни [19, с. 173]. Археологически упоминаемые заведения еще не обнаружены, но некоторые исследователи выдвигают предположения относительно определенных археологических памятников, связывая их с суфийскими завийями или же маристанами. А.А. Глухов, проводивший археологические исследования Колобовского городища относительно одного из выявленных объектов пишет следующее: «Учитывая огромные размеры объекта, конструктивные особенности вскрытых сооружений, обнаруженные во время раскопок находки, очевидно, можно предполагать существование здесь в 50–60-х гг. XIV в. монументального культового комплекса, который мог в себя включать мечеть, медресе, маристан (госпиталь) и ряд других служб и заведений» [4, с. 248].

Также следует учесть, что в ближайших от золотоордынских границ городских центрах Бухаре и Самарканде, тоже были крупные для своего времени больницы. Рашид ад-Дин пишет, как о достаточно ординарном случае, об отъезде одного из представителей «золотого рода» для лечения в Самарканд: «Джумукур, сын Хулагу-хана, слегка заболел; под тем предлогом, что *«я-де поеду в Самарканд для лечения»*, он отпросился у Ариг-Буки и в кулкун-ил, год мыши, соответствующий месяцу раби I 662 г.х. [2 января – 31 января 1264 г.], отделился от него» [14, с. 164].

Наличие больниц может свидетельствовать о существовании определенной специализации среди врачей. По крайней мере, нам известно о том каким образом были устроены средневековые лечебницы в мусульманском мире. Рашид ад-Дин Табиби приводит, образец указа по выделению необходимых средств для лечебницы,

в котором указываются основные специальности врачей-лечителей, среди которых врачи, глазные лекари и костоправы (монг. бариачи) [15, с.230]. Очевидно, врачи в Золотой Орде, как и в остальных странах, практиковали и лечение на дому.

Учитывая сложную социальную структуру Улуса Джучи можно говорить о том, что в каждой этно-конфессиональной общине были свои врачеватели и целители. Например, известно, что в Азаке были врачи из Венеции [18, с. 47]. В уставе для генуэзских колоний в Черном море 1449 г., имеется предписание, в соответствии с которым в Судаке за счет средств общины должен был содержаться «цирюльник знающий хирургию», получавший за свои услуги 180 аспров жалованья [24, с. 772].

Следующая группа «отчи», **знахари** (традиционные народные целители), лечившие больных традиционными народными средствами, знания о которых передавались из поколения в поколения (впрочем, также как и остальными категориями лиц, занимающимися лечением больных). Рашид ад-Дин пишет: «Племена урасут, теленгут и куштеми, эти племена подобны монголам; известно, что они хорошо знают монгольские лекарства и хорошо лечат монгольскими [способами]. Их также называют лесным племенем, потому что они обитают по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов» [12, с. 122]. Знахари, как и у других народов, лечили болезни всевозможными лекарственными средствами изготавливаемыми самостоятельно. Но достаточно часто к их целесообразным приемам лечения, примешивались магическое лечение, всевозможные заговоры, заклинания.

Следующей категорией лиц, причастных к лечению больных было **духовенство**. Как известно, данный вид деятельности не входит в сферу основных занятий представителей духовенства (если речь не идет о духовном исцелении), но учитывая то, что священники и монахи были наиболее образованной частью общества, больные зачастую обращались к их услугам, что мы можем наблюдать и в Золотой Орде. Также следует помнить, что в эпоху Средневековья именно духовенство стояло у истоков европейской системы здравоохранения. Грамотные и образованные религиозные служители могли обращаться к известным медицинским трактатам, чер-

пая оттуда необходимые знания, исцеляя не только духовно, но и физическим, по крайней мере, облегчая плотские страдания. Это же актуально для мусульманского и в особенности, буддийского духовенства. Таким образом, население зачастую обращалось именно за их помощью. Священники по мере их знаний могли оказывать помощь страждущим, но в тоже время и они были подвержены заблуждениям и всевозможным суевериям, которые определяли методы лечения.

Методы лечения священнослужителей были отличны от методов народной медицины, но в их основе также находились магические, чудодейственные свойства священных текстов, молитв, образов, распятий. Христианские священники при лечении больных часто использовали распятие и святую воду. Вильгельм де Рубрук описывает процесс лечения больной жены Мункэ, в котором он принимал непосредственное участие [8, с. 146]. Францисканский монах полагал, что болезнь Коты была вызвана вселившимися в нее демонами, поэтому святая вода и молитвы были направлены именно на изгнание этих духов, причинявших боль и страдание человеку.

Выделение следующей категории лиц носит во многом условный характер, так как речь идет о **самолечении**. Во все времена люди стремились излечиться от своих недугов самостоятельно, прибегая к собственному опыту и знаниям, накопленным предшествующими поколениями или другими словами народными средствами. Естественно, что такое лечение было малоэффективным, учитывая всевозможные суеверия и заблуждения, оно как правило, усугубляло состояние человека, но зачастую у страждущих не было иного пути (во многом в связи с отсутствием или малочисленностью врачей и целителей).

Европейские авторы пишут об использовании монголами всевозможных предметов, оберегов которые должны были оказывать исцеляющее воздействие на больного. Например, Иоанн де Плано Карпини пишет об онгонах, которые были призваны излечить больных подростков. Вильгельм де Рубрук наблюдает в юрте больной Коты предметы призванные защитить ее от воздействия злых духов и вредоносной магии: «И священники не порицали ее ни за какое колдовство, ибо я видел там четыре меча, извлеченных из ножен до

половины, один у изголовья ложа госпожи, другой у подножия, а два другие по одному с обеих сторон входа. Я видел там также серебряную чашу, напоминающую наши чаши, которая, вероятно, была похищена в одной из венгерских церквей и висела на стене полная пепла, а сверху над этим пеплом был черный камень, и священники никогда не учат их тому, что это дурно» [8, с. 149].

Итак, подводя некоторые итоги можно сказать: постигшая человека болезнь подталкивала его самого или его близких к самолечению, которое опиралось на богатый жизненный опыт, мировоззрение, традиции и всевозможные стереотипы. Конечно же, на самолечение могли влиять характер и течение болезни, при легком недомогании, могли использовать различные народные средства, которые рекомендовались родными и близкими. Если болезнь не отступала и усиливалась, больные или их близкие следовали к местному целителю знахарю, к шаману или священнослужителю. В том случае если они проживали в крупном городском центре, где могли быть профессиональные врачеватели, они соответственно обращались к ним, здесь, надо полагать, не последнюю роль играло социальное или имущественное положение пациента. Люди из высших слоев общества могли непосредственно обратиться к врачу или даже могли содержать собственного врача.

Таким образом, в сфере медицинского обслуживания, как и в других сферах жизни золотоордынского общества, причудливо соединились как достижения ведущих медицинских систем (китайская, тибетская, индийская, уйгурская, несторианско-христанская, исламская) того времени, так и шаманская практика изгнания духов, знахарского целительства и народного самолечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (Опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск, 1984. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/5057605/post354775611/> (дата обращения: 28.07.2017)
2. Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004. 398 с.

3. Бартольд В.В. Европейец XIII в. в китайских ученых учреждениях (К вопросу о пизанце Изоле) // Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 382–391.
4. Глухов А.А. Колобовское поселение: новые данные и интерпретация памятника // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2011. Вып. 4.
5. Гололобова В.Н. Особенности взаимодействия пациента и врача в традиционной медицине // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М., 2008. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210247021.pdf (дата обращения: 28.08.2017).
6. Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань, 1904. 112 с.
7. Древнетюркский словарь. Л., 1969. 676 с.
8. История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. Книга Марко Поло / Вступ. ст., комм. М.Б. Горнунга. М., 1997. 460 с.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001. 512 с.
10. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 2004. 304 с.
11. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 321 с.
12. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 1. 221 с.
13. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 2. 316 с.
14. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. II. 248 с.
15. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1946. Т. III. 340 с.
16. Си Ю Цзи, или Описание путешествия на запад даосского монаха Чан Чуня [Электронный ресурс]. Адрес доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Описание_путешествия_даосского_монаха_Чан_Чуня_на_Запад (дата обращения: 24.05.2018)
17. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном / Подгот. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы, 2005. 711 с.
18. Скржинская Е.Ч. Вводные очерки // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей XV в. М., 1971. 275 с.
19. Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. 438 с.
20. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. 622 с.

21. Харнер Мишель Дж. Путь шамана или шаманская практика [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <https://esoterics.wikireading.ru/12228> (дата обращения: 28.08.2017).
22. Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова. СПб., 1891. 129 с.
23. Юань ши // Золотая Орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники / пер. с кит. яз., введ. ст. и комм. Р.П. Храпачевского. М., 2009. С. 121–291
24. Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. V.
25. Cleaves F.W. A Medical Practice of the Mongols in the Thirteenth Century // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1954. Vol. 17. № 3/4. P. 428–444.
26. Lane G. Daily life in the Mongol Empire. Westport; London: Greenwood Press, 2006. 314 p.
27. Buell D. Paul. Food, Medicine and the Silk Road: The Mongol era Exchanges // The Silk Road. 2007. Vol. 5. № 1. P. 22–35.
28. Masson Smith J., Jr. Dietary Decadence and Dynastic Decline in the Mongol Empire // Journal of Asian History. 2000. Vol. 34. № 1.

STEPPE USE, CLIMATE CHANGE AND THE UPCOMING OF THE MONGOL EMPIRE*

Rieks Bosch

Steppe use

Major productivity of the steppe is grass. However steppe grasses are deeply rooted, the productivity is very much dependent on the weather. Differences in productivity of a factor 3 from year to year are very common. What is special on them is their efficient use of water. This forces the wild animals to a life of migration and with them the people living on the steppe from hunting and collection.

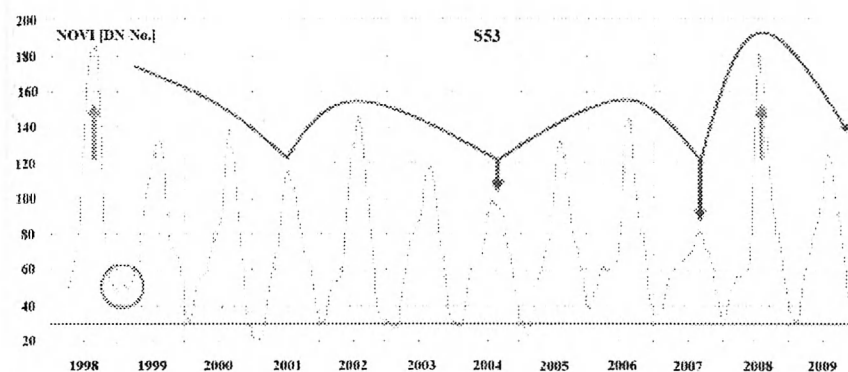

Figure 1. Steppe productivity depending on yearly weather changes

The domestication of livestock allowed the hunters to move towards nomadic husbandry. The domesticated Horses, Cows, Sheep, Goats, Camels became the major livestock. Major food supply was hides, wool, meat, milk and other animal products. This caused a high energetic food. In poorer seasons this was compensated by eating of herbs, berries, wild pears, wild cherries, burnet and cinquefoil roots, wild onion, shallot,

* Доклад, представленный на IV Международном Золотоордынском форуме (Казань, 2015 г.), публикуется в авторской редакции. – Прим. ред.

garlic and bulbs (like lily bulbs), steppe cereals like buckwheat, making life healthier. The nomad society became almost fully dependent on their herds. It supplied them food, energy (manure), transport and trade ware. With the agricultural market prices, also changed the composition of the herds. Higher prices for horses quickly resulted in larger horse herds.

The husbandry made the nomads even more vulnerable for weather changes. Zuuds, late colds and long winter caused lack of access to (snow covered) fodder, death of lambs and calves as result of cold and lack of fodder in spring. Reduction of the herds due to zuuds and late winters with 25%, were not abnormal.

Major breakthrough was caused by the domestication of the horse and its strengthening allowing taking or pulling a load or rider. Even more important was the invention of the saddle and most of all of the stirrups. This allowed the nomads to ride a horse over much longer distances, take luggage with you and use the arrow and bow while riding. This effect was strengthened by the development of the composite bow, which is much more compact and powerful than the western long bow. This had a major effect on the range of herding, trade and warfare. It allowed blitz wars, could force tributes and control over a much larger territory as in extremity was shown by the Great Mongols. Besides livestock raising, nomads proceeded with hunting and small scale arable farming for living to decrease their vulnerability for weather changes.

Trade

Characteristic for the Nomad life was the very limited reserves which could be taken on the road. This made the nomads dependent on the trade with the agricultural territories, especially in times of drought. Therefore the Silk Road became of most importance in the Mongol Empire. The nomadic lifestyle did not allow the development of artisans, needing materials, energy and workplaces. Luxury played a major role in the nomadic steppe society. Due to its small size and weight jewellery could be easily taken with them while migrating, giving status and could be traded in bad times for food supply or for support of other clans.

As the trade distances were long only conserved good could be traded. Major ones are outputs of hunting like fur, dried meat, herbs collected, from livestock leather, wool, dried meat and milk products like airag, gurt and cheese, minerals traded from Siberia. Major trading pro-

duct was the horse. There was a great request for horses in Western and Eastern Asia and in the agricultural territories of Central Asia. Horses could easily be transported in big herds and they were during transport at the same time emergency food supply. It was normal when a rider had 3 horses with him, to ride, to drink and to eat. In Southern Russia new breeding centres for horses were set up to decrease the dependency of the Silk Road. Major products to be bought were silk, metal work for horses and weapons, wine, beer, jewellery, porcelain.

The dependency of trade for food in bad times, to gain artisan and luxury products, raised the interest in trade and the will to have control over them. Trader had a high status in the Nomad society. This in contrary to the Chinese society where the Confucians were learning that the trader were exploiters, nothing adding to the society, just exchanging and raising the prices doing this.

Initially trade was mainly of agricultural bulk goods between the cities and surrounding agriculture and between the nomads with the agricultural areas. Cities played a key role in this trade. Trade of prestige products followed much later in history, resulting in the Silk Roads. As transport over long distances was dangerous, trading places developed to safeguard and store the goods, as safe heavens for traders and for tax collection. At the same time they developed as military and administrative centres for governmental control over territories. The rise of a large steppe confederation allowed the horse trade to flourish, brought more silk into the hands of pastoralists, and fuelled the Silk Road trade.

Under the Mongol empire trade was strongly supported with:

- By building of many roads, though this was only partly to promote trade
- The postal-station system. Set up approximately every 30 kilometres along the major trade routes and stocked with supplies of food, horses, and lodging to support transport. These postal station were a basis for city development.
- Halting confiscatory taxation.
- Increasing the amount of paper money in circulation and guaranteed the value of that paper money in precious metals
- Establishment of merchant associations, known as Ortogh, specifically to promote caravan trade over long distances.

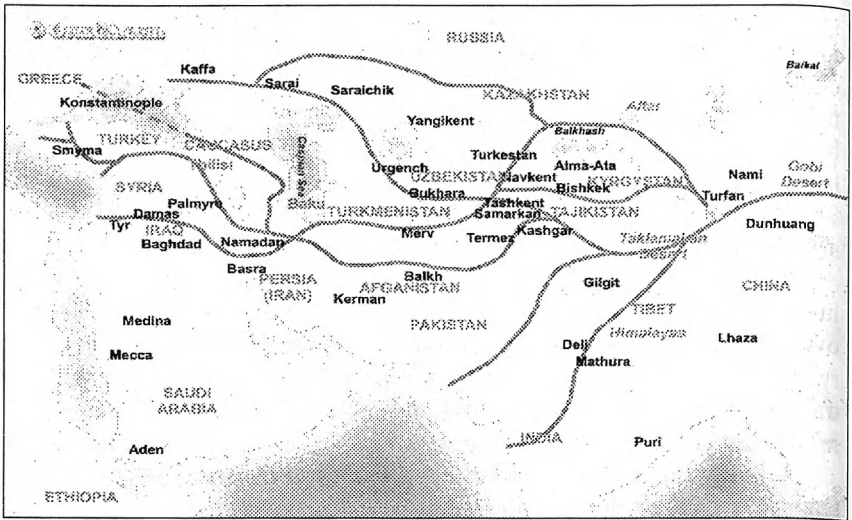

Figure 2. Silk roads

Changing policy on collection of wealth

Besides husbandry, hunting and collection of steppe products, nomads, making use of their horses, did distance raiding and after that forcing tribute. By the raiding initially never land was taken as it was always assumed that the region would survive, rebuild and enabling later raiding. The raiding was done in ever changing coalitions. This was not only a culture of the Mongols but just as good in Russia between cities and steppe cultures. Later this developed in the direction of confiscatory taxes from the cities along the Silk Roads.

Slowly the awareness raised that support of trade, creating save routes and normal taxes would be more favourable, it would intensify trade and lower the prices. At the same time it would create more income.

A similar policy change took place in the Mongol Empire in regards to cities, from destroying them towards ruling and taxating them. This became the key policy of the Golden Horde in relation to the Russian towns. Taxation of a rich city brings in more than raiding and tributing a poor region.

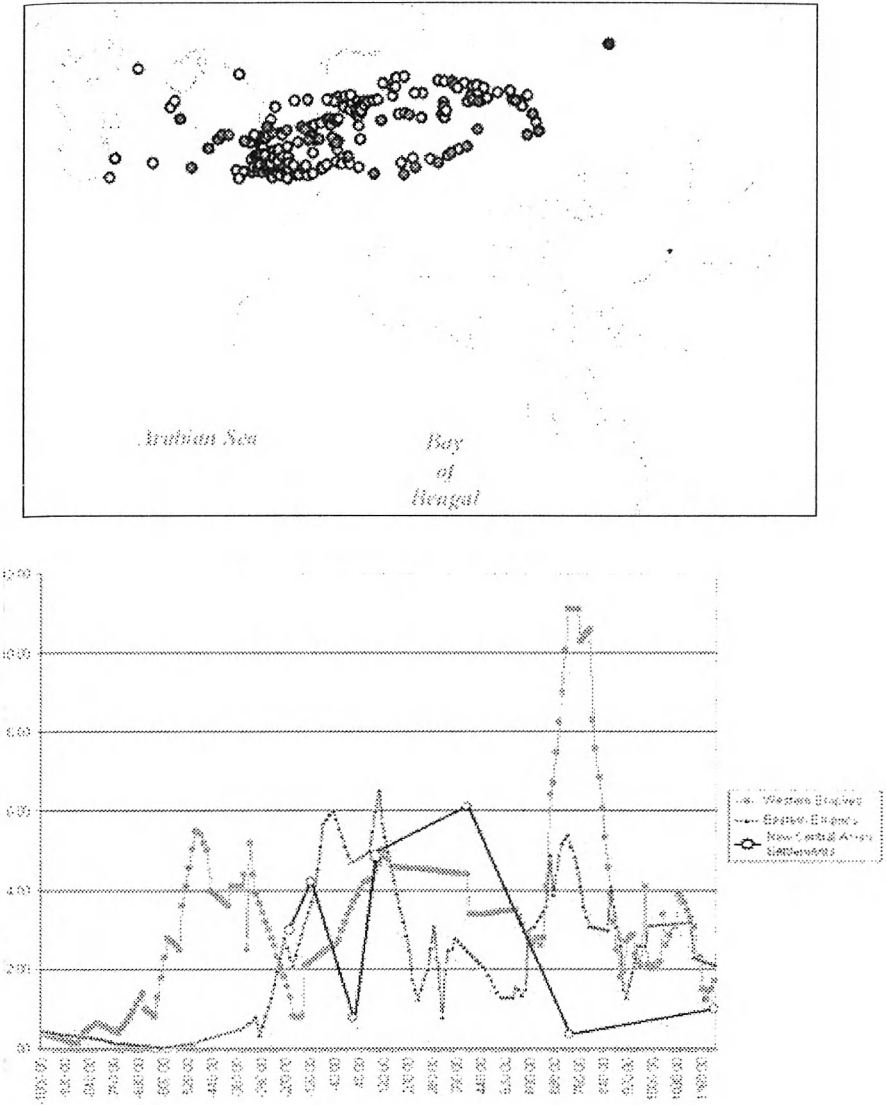

Figure 3. City development in Central Asia

Need for organization and city development

The changed approach towards trade, taxation and land control resulted in the need for administrative and military centres, protection of trading routes, infrastructure, banking and save storage. This could not organized in a nomadic way of life. Qaraqorum is a typical example of the steppe city which came forth out of this development. Also the growing population getting aware of the city wanted a more luxury life than nomadic life could offer. Artisan and technical products needed nearer by.

Bottleneck still was the availability of food (arable farming) in the region. A city like Qaraqorum and surrounding was faced with the need of import of large stocks of food: 500 car load of 2 ton each or 1000 ton daily. Amounts which were difficult to organise or to be bought.

Typical is that most city development took place in the 1st–4th century. Also there is little relation between the Asian empire and the cities development.

Increase urbanization was a function of the surpluses produced by the agricultural sector. Not until the end of the Qing Period did China begin importing moderate quantities of foodstuffs from the outside world to feed its population. Handicraft sector never challenged agricultural dominance in the economy. The urbanization rarely exceeded ten percent of the total population although large urban centres were established, like in China during the Song, with for example the northern capital Kaifeng and southern capital Hangzhou which had 1.4 million and 1 million inhabitants.

Climate change

Climate change, especially desertification, is thought to have greatly affected settlement forming. Shifting of river courses, drying up of oases, changes in rainfall had large effects on the sizes and the very existence of settlements in desert climes. Of course, state formation also affects the sizes and growth rates of settlements.

Climate changes induced changing request for land as productivity was changing. As mentioned before the steppe ecosystem is very sensitive for weather changes; decreases in productivity of factor 3 are normal.

At the time of the start of Mongol Empire there was a cooling of the north pacific resulting in a severe drop in temperature in Northern Asia.

A regular Mongol army existed of 50.000 soldiers, with each 3 horses. To feed them, for each horse was needed 10 ha of steppe pasture. The needed surface of 1.5 million ha grassland to herd these horses would increase minimal 2 times to 3 million ha in times of drought or cold. This resulted an enormous pressure on the neighbouring civilizations.

Pasture degradation as result of climate change occurred regular in history. Several migrations of populations occurred after a drop in temperature like the Turkic migration in the 8th century, Mongol expansion in the 12th–13th century, Kalmiki migration in the 17th–18th century. All migration routes where from the steppes to the south and the west, where more feed could be found. One of the reasons for migration to Central Asia and further was the well-known productivity of the western steppe, which was much higher by that time than at present

There is a major difference between present and the past: The moving to new pastures is now bound to geographic borders. The less nomadic life is now resulting quickly in overgrazing and land degradation, resulting in quickly dropping rural wealth.

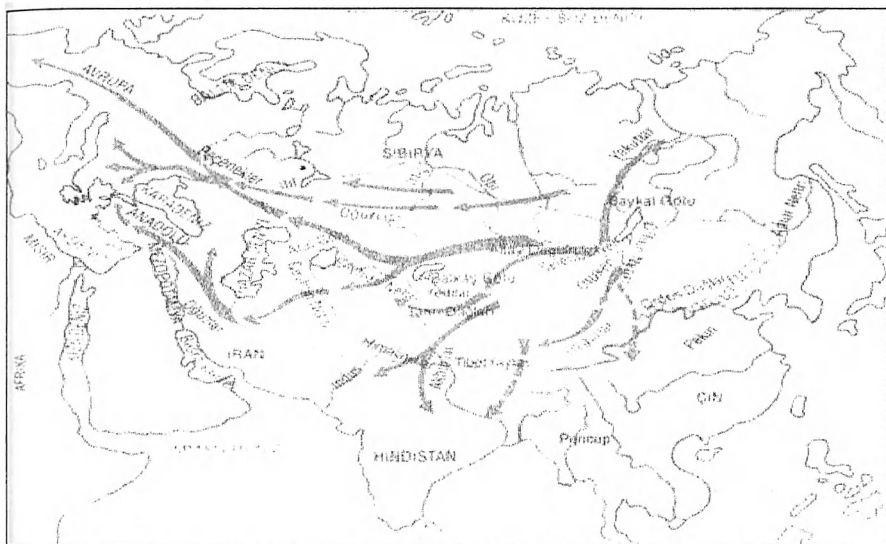

Figure 4. Turkic migration 7th century

To understand the pressure on the migration and the city forming, it has been understood that thousand years ago the climate in Central Asia was rather different. For example the productivity of the Central Asian steppe is assumed to be 2 times higher than nowadays.

Climate change and synchronicity

Synchronicity is the emergence of the modern world-system out of the formerly separate regional systems. Major factors to be found are Long-distance trade and military campaigns, City systems and Empires, Climate change. Climate change seems to be the major factor in these.

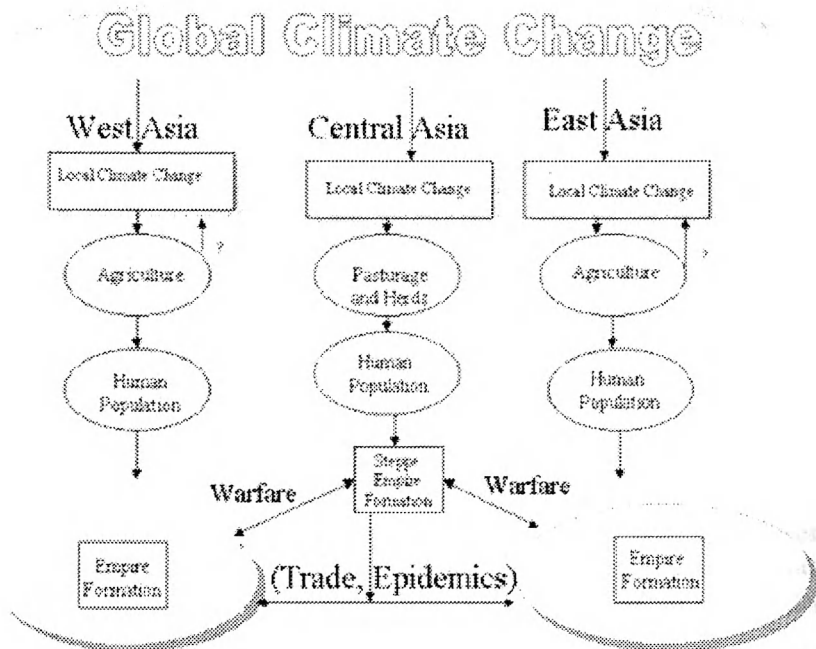

Figure 5. Synchronicity in development caused by climate change between east, central and west Asia with central Asian steppe use as synchronizer

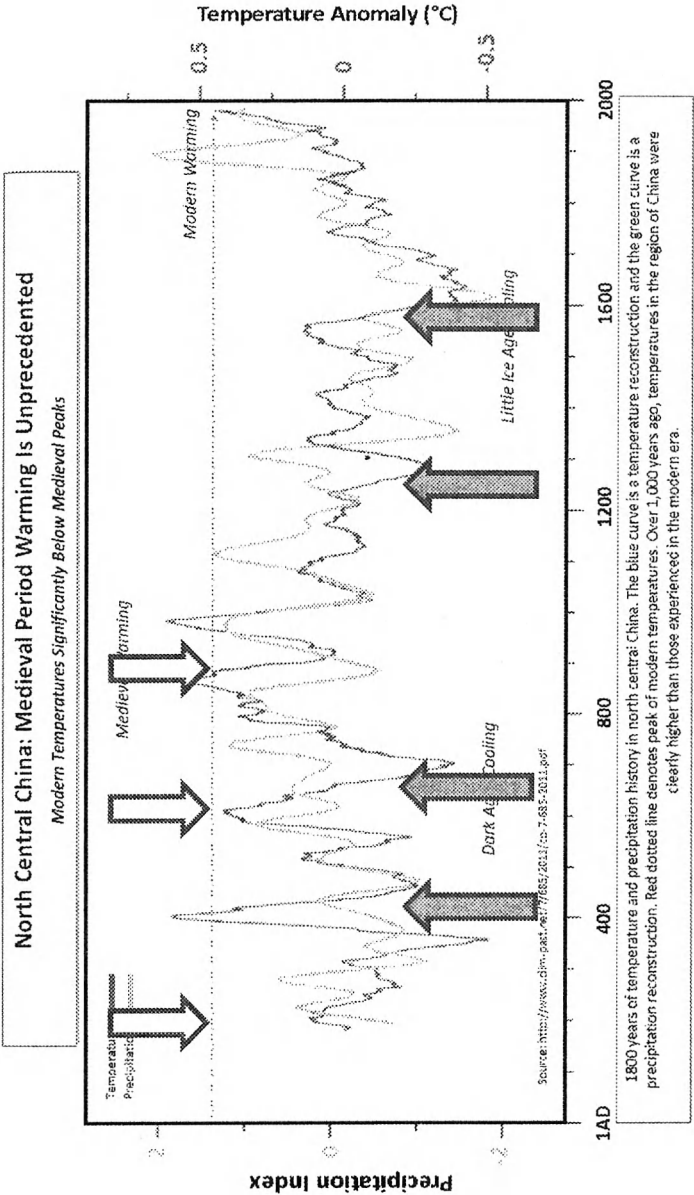

Figure 6. Climate change, migrations and city forming (yellow arrow – city forming, blue arrow – migration)

All three regions were facing the impact of climate change. Agricultural areas could more easily adapt to the changing climate than pastoral civilisations. The first had mostly regulated water supply and could adapt the choice of crops to grow. The pastoral societies could not do this and where depending on the dropping steppe productivity, leaving them no other choice than to expand their territory or to migrate. This was putting great pressure on the neighbouring societies of West and East Asia and Eastern Europe, and in this way synchronising the development in East, Central and West Asia.

What Led to the Mongol Conquests?

A lot can be said on the Mongol conquest. Three remarkable reasons can be highlighted in line with development mentioned before.

Ecology – In the period from 1180–1220, Mongolia experienced a drop in the mean annual temperature, which meant that the growing season for grass was cut short. Less grass meant a real danger to the Mongols' animals, and, since the animals were truly the basis of the Mongols' pastoral nomadic life, this ecological threat may have prompted them to move out of Mongolia.

Trade disruptions – Trade Disruptions. A second reason often mentioned is the attempt by Mongolia's neighbours in north and northwest China to reduce the amount of trade with the Mongols. Since the Mongols depended on trade for goods that they desperately needed – such as grain, craft, and manufactured articles – cessation of trade, or at least the diminution of trade, could have been catastrophic for them.

The figure of Genghis Khan – Genghis Khan had a Personal Mission. His shamanic beliefs said that Tenggeri, the sky god of the Mongols, gave him the mission of bringing the rest of the world under one sword, a mission that may have motivated him to begin his conquests.

Conclusions

Steppe productivity is very much dependent on the weather. As result of that the Steppe nomadic life is very vulnerable for climate change. Domestication of the horse and the invention of saddle and stirrup enlarged the range of husbandry, trade and warfare of the nomads. Trade brought the output and request of agriculture and pastoralism together. Increasing wealth was asking for artisans. Changing attitude on economy

asked for more organization. Infrastructure was asking for technicians. Trade routes were basis for the city development. City forming was depending on trade and agricultural supply in prosperous times. Migration was induced by climate change and city forming was synchronized by it.

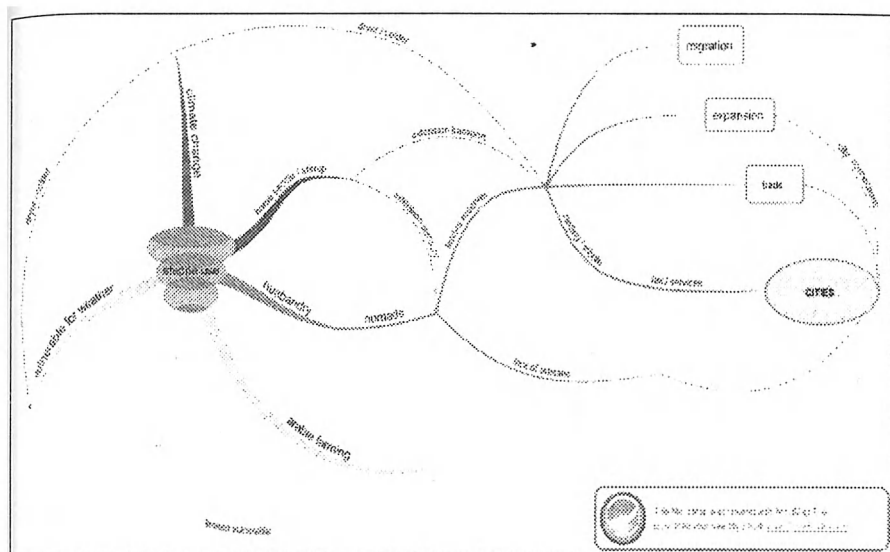

Figure 7. Relation between Steppe use and development in Central Asia and Russia

ЗОЛОТАЯ ОРДА, ЧУМА И ДЕНЬГИ (КЛАД 2012 ГОДА С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ)

С.Ю. Скисов

В 2012 году при проведении археологических работ на Селитренном городище был найден крупный клад золотоордынских серебряных монет. Клад был обнаружен на Змеином бугре, на северной окраине средневекового города, в шестидесяти метрах от раскопа №43. По археологическим данным, в середине XIV века эта местность была промышленной зоной, где массово производился кирпич.

Первоначально на поверхности почвы была замечена россыпь почерневших, окисленных монет. При расчистке этого места на глубине 10–15 см была обнаружена округлая ямка, в которой находились столбики слипшихся монет, уложенные спиралью. На некоторых столбиках сохранились остатки ткани, пропитанные окислами, т.е. первоначально клад был завернут в ткань. Всего было извлечено и собрано 544 с половиной монеты. Клад поступил в Астраханский музей.

Анализ состава клада. Удалось определить полностью 535 монет. Для девяти с половиной монет из-за плохой сохранности установлен только эмитент и монетный двор. Состав клада показан в таблице в хронологическом порядке. В составе клада имеются четыре монеты «двойного удара», три монеты имеют пробитые одинарные отверстия для подвески.

Состав клада

№	Правитель, монетный двор, год АН	Год AD	Кол-во
1	Токта, Сарай ал-Махруса, 710	1311	27
2	Узбек, Сарай, тип 714–718	1314–19	34
3	Узбек, Мохши, 717	1317	1
4.	Узбек, Сарай ал-Махруса, 722	1322	15
5	Узбек, Сарай ал-Махруса, 724	1324	1
6	Узбек, Сарай, 727	1327	8
7	Узбек, Сарай, 734	1334	36
8	Узбек, Сарай, 739–40	1339–40	16
9	Джанибек, Сарай ал-Джедид, 742	1341	8
10	Джанибек, Сарай ал-Джедид, тип 743	1342	28
11	Джанибек, Сарай ал-Джедид, 745	1344	34
12	Джанибек, Сарай ал-Джедид, 746	1345	24
16	Джанибек, Сарай ал-Джедид, 747	1346	94
17	Джанибек, Сарай ал-Джедид, 748	1347	70
18	Джанибек, Сарай ал-Джедид, 749	1348	15
19	Джанибек, Сарай ал- Махруса, 749	1348	2
20	Джанибек, Сарай ал-Джедид , 750	1349	7
21	Джанибек, Сарай ал-Джедид, 751	1350	29
22	Джанибек, Сарай ал-Джедид, 752, I группа	1351	36
25	Джанибек, Гюлистан, 752	1351	6
26	Джанибек, Сарай ал-Джедид, 753	1352	10
27	Джанибек, Гюлистан, 753	1352	30
28	Джанибек, Сарай ал-Джедид, 754	1353	1
29	Джанибек, Гюлистан, 754	1353	3
30	Джанибек, Сарай ал-Джадид, без года		9½
		всего	544½

В кладе всего одна монета чекана Мохши, 717 г.х., все остальные – это монеты нижеволжского чекана. Преобладают монетные дворы Сарай и Сарай ал-Джедид. Больше всего монет времени правления Джанибека. Особенно хорошо представлен период 745–

753 г.х. Младших монет 754 г.х. всего четыре. Этот год (1353) и следует считать годом сокрытия клада.

На Селитренном городище найдено много кладов серебряных монет в широком хронологическом диапазоне: от правления Узбека до Ахмада. Но большинство кладов на Селитренном, как и на других нижневолжских памятниках, относятся ко времени Замятни (> 40%). Ценность нашего клада состоит в том, что это единственный крупный клад Селитренного городища времени Джанибека, т.е. периода экономического подъёма и стабильности.

Наиболее многочисленна группа монет Джанибека – 406 шт. или 74,6%. Старшими монетами клада являются данги Токты, 710 г.х. Далее в кладе представлен практически весь нижневолжский чекан Узбека, включая довольно редкую монету Сарай ал-Махруса, 724 г.х.

В количественных характеристиках селитренского клада бросается в глаза одно обстоятельство – в чекане времени Джанибека количество монет плавно нарастает по годам и достигает пика в 747–748 годах. Исходя из простых рассуждений, мы должны ожидать такое же большое количество монет в последующие годы. Но вместо этого мы видим резкий спад в 749–751 годах, а затем следует небольшой, но уверенный подъём в 752–753 годах.

Малое количество в кладе монет 754 года легко объяснимо тем, что это год тезаврации, и свежие монеты ещё не успели насытить рынки. Но вот падение количества монет в трёхлетие 749–751 заставило поставить вопрос, который лёг в основу этой работы, а именно – является ли количественное снижение в 749–751 годах просто случайностью при формировании клада, которая нам не может быть известна, или же это есть след некой закономерности, и её следует объяснить?

Анализ кладов. Для проверки этого предположения я просмотрел состав опубликованных кладов середины – второй половины XIV века, которые имеют в своём составе монеты Джанибека, и отобрал из них группу кладов, которые отвечали бы следующим требованиям:

1. Клады должны быть достаточно представительными, т.е. иметь в своём составе несколько десятков, а лучше – сотен монет;

2. В их составе должен быть представлен чекан Джанибека в пределах исследуемого отрезка времени – 746–753 гг.х.

3. Монеты в публикациях должны иметь годовую роспись.

Таких кладов я разыскал шестьдесят семь из корпуса опубликованных кладов. Хронологический диапазон их сокрытия лежит в пределах 50–90-е годы XIV века. Клады происходят из разных частей Золотой Орды. Из этих кладов я выписал все монеты интересующего временного диапазона, внёс их в таблицу и произвёл необходимые подсчёты, как по каждому кладу, так и по всему массиву монет. Номера исследованных кладов даны в приложении.

Саму таблицу я не привожу из-за ограничения дозволенного объёма публикации, но результаты покажу полностью.

Монеты в кладах Золотой Орды

Года АН	746	747	748	749	750	751	752	753	всего
Монет в кладах по годам	782	2049	1336	379	203	273	1079	969	7084
% от общего количества	11	28,9	18,8	5,3	2,9	3,8	15,2	13,7	
Монет по группам	4168			855			2004		
% монет по группам	58,8			12			29,2		
В разы к 750 г.х.	3,8	10	6,6	1,9	1	1,3	5,3	4,8	

Монеты в кладе Селитренного городища

Монеты по годам	24	94	70	17	7	29	42	40	323
% от общего количества	7,4	29	21,6	5,2	2,2	8,9	13	12,3	
В разы к 750 г.х.	3,4	13,2	9,8	2,4	1	4	5,9	5,5	

- Всего в 6–7 кладах 7084 монет времени Джанибека периода 746–753 гг.х. Из них больше всего монет, чеканенных в 746–748 гг.х. – 58,8% от общего количества. Меньше всего монет, чеканенных в 749–751 гг.х. – 12%. Монет этой группы меньше в 5 раз.

- Из пятидесяти пяти кладов в сорока двух первое место по количеству занимают монеты 747 г.х. Второе место в большинстве случаев – это монеты 748 г.х. В семи случаях больше монет 753 года. В одном – 746 года. И только в одном кладе (№ 31) монет 749 года несколько больше, чем 747 года, но меньше, чем монет 747–48 годов.

- Во всех кладах (кроме одного) меньше всего монет периода 749–751 гг.х.

- В кладах небольшого состава или в кладах, чьё время сокрытия находится далеко от 50-х годов, монет 749 г.х. и/или монет 750/751 гг.х. нет вовсе, при том, что монеты 746–748 и монеты 752–753 присутствуют. Таких кладов – 28 из 67. Меньше всего в кладах монет 750-го года.

- В кладах, имеющих в своём составе большое количество искоемых монет, различие между 747 и 750 годами составляет 8–15 раз.

- Различие между количествами монет 749–751 и монетами 752–753 в кладах составляет 3–5 раз.

- Я не вставлял в таблицу показатели Малоатрясинского клада (№ 150) из-за его огромного размера, но привести их необходимо. Клад был спрятан в 90-е годы XIV века и содержит более 20 000 монет. Среди них – 2934 монеты Джанибека 746–753 годов. Из них: монет 746–748 гг. – 2254 шт., монет 749–751 гг. – 98 шт., и монет 752–753 гг. – 582 шт. Соответственно, 76,8, 3,3 и 19,8 процентов. Как мы видим – результаты всё те же.

- Монеты Джанибека до их попадания в клады неоднократно перемешивались с монетами предыдущих и последующих выпусков. Но, независимо от места и времени сокрытия, результаты подсчётов, при всех количественных колебаниях внутри кладов, одинаковы.

Можно сделать первые выводы. Падение количества монет, чеканенных в 749–751 годах, которое мы наблюдаем в кладе с Селит-

ренного городища, не является случайность. Это падение есть объективная закономерность, которая прослеживается в кладах Золотой Орды второй половины XIV века на всей её территории. Это значит, что в это время произошло резкое сокращение поступления платёжных средств на рынки Золотой Орды. Что в свою очередь означает, что экономика Золотой Орды, прежде всего – торговля, стала испытывать значительные трудности.

В 1997 году И.В. Евстратов опубликовал работу по локализации монетного двора Гюлистан на Царёвском городище. В ней, среди прочих материалов, он привёл карту чекана серебряных монет с погодовой росписью и указанием количества монет. Карта была составлена по четырём (1960, 1963, 1974, 1980) работам о кладах Г.А. Фёдорова-Давыдова. Если воспользоваться данными этой карты и произвести расчёты в интересующем нас хронологическом отрезке, то результаты будут следующие:

Года АН	746	747	748	749	750	751	752	753	всего
Кол-во монет	1264	3056	1274	383	269	207	1584	1209	9246
%	13,7	33	13,8	4	2,9	2,2	17	13	
В разы к 751 г.х.	6,2	15	6,3	1,8	1,3	1	7,7	5,9	

Приведу ещё три факта из истории денежного обращения Золотой Орды, которые связаны с этим падением и подтверждают его.

1. **Чекан Хорезма.** При Джанибеке монетный двор Хорезма выпускал новые монеты ежегодно. Известны монеты 743, 744, 745, 746, 747 и 748 годов. Монет 748 года очень мало и в кладах, и в находках. В 749 и 750 годах монеты не выпускались совсем. Возобновление чеканки происходит в 751 году. Т.е. приостановка чеканки серебра в Хорезме соответствует по времени значительному снижению объёмов чеканки на Нижней Волге.

2. **Изменения в выпуске медной монеты.** В правление Узбека новый тип медного пула появлялся каждые пять лет. С приходом к власти Джанибека был выпущен новый пул чекана Сарая ал-Джедид, так называемый пул с двуглавым «орлом». Первый выпуск

имел дату – 743. Далее последовали недатированные выпуски пяти основных вариантов изображения и множество вариаций на эту тему. Этот пул впускался до конца сороковых годов и имел огромные тиражи. К примеру, на нижневолжских памятниках Золотой Орды этот пул уверенно занимает 2–3-е место по частоте встречаемости в комплексах городищ из всех пулов XIV века. Вес этого пула в целом совпадает с весом пулов Узбека. Изменение происходит в 751-ом году, когда появляется новый пул – Цветочная розетка чекана Сарай ал-Джедид. Этот пул стал самой массовой монетой Золотой Орды. Он чеканится сразу в нескольких местах. Важно отметить, что происходит не только изменение внешнего вида пула, но и изменение размера и веса. Средний вес пулов «Цветочная розетка» повысился на 1/3 относительно предыдущих выпусков, с 1,35 гр до 2,1 гр. С него исчезает почти обязательная для нижневолжских пулов первой половины XIV века декларация стоимости. Время появления нового пула совпадает с годом начала выхода из кризиса и увеличением объёма чеканки.

3. Появление нового монетного двора. При Узбеке центр чеканки монет в западной части Золотой Орды смещается на Нижнюю Волгу, в монетный двор Сарай. Другие монетные дворы постепенно сокращают выпуск и перестают работать. К концу правления Узбека больше не работают монетные дворы, которые чеканили монету в первой трети XIV века: Укек, Маджар, Мохши, Булгар, Крым.

При Джанибеке основным поставщиком монет на рынки становится монетный двор Сарай ал-Джедид. Его эмиссии громадны. Они удовлетворяют потребность в монете на обширных территориях. Восточную торговлю Орды обеспечивает монетный двор Хорезм. Оба эти двора в 749 году резко снижают эмиссию – в 10 раз. Положение выправляется в 752 году. Именно в этом году появляется новый монетный двор Гюлистан, который начал осуществлять ежегодные эмиссии. Интенсивность выпуска монет в Гюлистане несколько не уступает монетному двору Сарай ал-Джедид. В кладах количество монет Гюлистана и Сарая в хронологическом отрезке 752–754 годов приблизительно равное. Есть клады с преобладанием монет Сарая, но и столько же с преобладанием монет Гюлистана. Появление этого монетного двора, несомненно, связано с

событиями, вызвавшими сначала резкое снижение эмиссии, а затем столь же резкий подъём.

И наконец, следует сказать о монетных комплексах золотоордынских городищ и поселений. Точность подсчётов в них для решения этой темы, конечно же, ниже из-за того, что любой такой комплекс является открытой системой, в отличие от кладов. Но! В последние пятнадцать лет было опубликовано много подробных монетных комплексов с золотоордынских городищ. Если обратиться к комплексам с большим количеством монет, то в них прослеживается та же тенденция – отсутствие или малое количество монет 749–750 гг.х. Приведу в качестве примера только два – комплекс Сарайчука на р. Урал и комплекс Никольского селища в Среднем Поволжье.

Все эти события и факты имели вескую причину в золотоордынской истории, которую следует объяснить.

Причина. Время правления Джанибека обычно характеризуется как время расцвета золотоордынского государства. Золотая Орда находится на пике могущества. Процветает торговля. На Нижней Волге быстро растут поселения и города, которые становятся крупными ремесленными центрами, способными поставлять товары на внешний и внутренний рынок. Но анализ денежного обращения показывает, что в этот период благоденствия есть хронологический отрезок, в котором Орда пережила сильнейшие экономические потрясения. Границы этого отрезка – 747–752 гг.х. Причины этого потрясения очевидны, только мы никогда не смотрели на них с точки зрения нумизматики. Причина этого – пандемия чумы, поразившая в конце 40-х годов Золотую Орду, Средиземноморье и Европу. Об эпидемии существует огромное количество исторических источников. По современным оценкам Европа потеряла до трети населения. Особенно пострадали крупные города, как места массового скопления людей. Убыль в них была более половины населения. Чума пришла в Европу из средиземноморских портов, куда попала из Золотой Орды. Источники фиксируют появление чумы в Золотой Орде в 1346 году. «Бысть мор силён под восточные страны: на Орнаци, и на Азторохань, на Сарай, на Бездежь, и на прочии грады во странах тех...» Летописный свод. Запись за 6854 год. [4, с. 71]. Показательно сообщение генуэзского нотариуса Габриэле де Мюсси,

который был свидетелем этих событий. В 1346 году он находился в Крыму, в генуэзской Кафе, осаждённой войсками Джанибека. Де Мюсси пишет, что в ордынских войсках началась чума, и хан приказал забрасывать чумные трупы в крепость при помощи катапульт. Вернувшись в Италию, де Мюсси застал там начало эпидемии, привезённой генуэзскими кораблями.

Сопоставив хронологию чумы и события в монетном чекане Золотой Орды, мы можем увидеть между ними взаимосвязь:

747 г.х. (май 1346 – апрель 1347). События в Крыму, о которых пишет де Мюсси, происходят осенью 1346 года. Это середина 747 года хиджры. Чеканка монет в Золотой Орде на подъёме. Интенсивно работают оба монетных двора – Хорезм и Сарай ал-Джедид. Чума появилась, но последствия её ещё не ощутимы.

748 г.х. (апрель 1347 – апрель 1348). Чума охватывает по кругу все причерноморские города. Весной 1347 года чума появляется в Константинополе, осенью – в Александрии, Мессине, Генуе, Марселе. В январе 1348 года – в Венеции и Тоскане. Поражены Сирия и Палестина. Чеканка монет в Золотой Орде снижается. В Сарае – на 30%, в Хорезме – ещё больше.

749 г.х. (апрель 1348 – март 1349). Чума бушует во всём Восточном Средиземноморье, проникает в Испанию, Францию и Англию и Шотландию. Чеканка монет в Золотой Орде резко падает в 6–8 раз. Хорезм совсем перестаёт выпускать серебряные данги.

750 г.х. (март 1349 – март 1350). Эпидемия, охватив Европу, приходит в Ирландию и Скандинавию. Год максимального падения монетного чекана – в 10–12 раз от «дочумного» уровня. Хорезм серебряную монету не чеканит.

751 г.х. (март 1350 – март 1351). В Орде наблюдается очень небольшое увеличение чекана. Приблизительно в полтора раза относительно предыдущего года. Хорезм возобновляет чеканку дангов. В обращении появляется новый пул – Цветочная розетка. Но его тираж незначителен, что видно из малого количества штемпелей и штемпельных связок этого года в монетных комплексах Нижней Волги.

752 г.х. (март 1351 – февраль 1352). Чума приходит во Псков, но в Европе начинает стихать. В Орде наблюдается резкое увеличение чеканки. В 5–6 раз относительно провального 750-го года. На-

чинает работать новый монетный двор – Гюлистан. Пул Цветочная розетка 752 г.х. начинает выпускаться массово, причём выпускается он сразу в нескольких местах, что видно из нескольких длинных связанных поштемпельных цепочек, которые не пересекаются друг с другом [3, с.121]. Но при этом тираж выпускаемых дангов не превышает и половины от дочумного уровня.

753 г.х. и несколько последующих лет. Тираж серебряной монеты остаётся на том же уровне с небольшими колебаниями. При этом рынок насыщается медной монетой. Выпуски пула Цветочная розетка ежегодны. С 753 года этот пул выпускается и в Крыму. В 753 г.х. свои пулы начинает чеканить Барджин (Водянское городище).

Заключение. Монетная чеканка в правление Джанибека распадается на три отчётливых периода. Первый – это период подъёма и ежегодного увеличения объёмов выпускаемых монет (1342–1346 гг.). Второй – период резкого спада (1347–1350 гг.). И третий – период восстановления объёмов выпуска монет (начиная с 1351 года). Но объёмы выпуска монет в этот период достигают лишь половины от первого периода. В начале периода восстановления появляется новый монетный двор – Гюлистан, и вводится в обращение новый медный пул.

Первым задокументированным сообщением о Гюлистане (ещё до начала гюлистанской чеканки) является ярлык Джанибека венецианцам, выданный в декабре 1347 года (748 г.х.) [1, с.36]. С учётом того, что в Гюлистане открывается монетный двор, равный по производительности Сарайскому, можно уверенно предположить, что в конце 1340-х – начале 1350-х годов Ставка Орды постоянно или периодически находилась в районе Гюлистана. И причиной этого также могла быть чума, поразившая Сарай.

Таков исторический контекстклада 2012 года.

Список кладов, использованных в работе: Ф-Д 1 – №№ 22, 23, 31, 33, 35, 43, 46, 57, 58, 63, 67, 72, 75, 77, 80, 84, 85, 89, 91, 93, 95, 95а, 95в, 97, 101, 111, 115, 117, 120, 137, 138, 144, 146, 150, 152б, 155, 160, 163, 167, 208, 218. Ф-Д 2 – №№ 156, 17а, 17г, 17д, 17е, 27з, 27и, 27к, 36б, 52д, 52ж, 74а, 75, 97а, 97б, 112б, 139а, 139б, 151а, 152д, 163, 171б. Пачкалов – №№ 1, 4, 12, 53. Настич.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Ярлык Джанибека венецианским купцам от 1347 г.: Реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 15. СПб., 1995.
2. Евстратов И.В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царёвского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племён южнорусских степей. (Материалы международной научной конференции). Саратов, 1997.
3. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Вып 3. Н. Новгород, 2000.
4. Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. М.-Л., 1967.
5. Настич В.Н. Улджайтимур хан: время и деньги (нумизматический обзор) // Эпиграфика Востока. Вып. XXVIII. М., 2009. С. 168–182. Электронная версия: http://www.charm.ru/info/library/Nastich/Uljaytimur_EV-28.pdf
6. Пачкалов А.В. Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып 5. М.-Н.Новгород, 2004.
7. Ф-Д 1 Фёдоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т 1. М., 1960.
8. Ф-Д 2 Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

«ХИМЕРИЧЕСКИЕ» МОТИВЫ НА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ (ДЖУЧИДСКИХ) И «УДЕЛЬНЫХ» РУССКИХ МОНЕТАХ XIV–XV ВВ. В СВЕТЕ ГИПОТЕЗЫ О СИМВОЛИЗАЦИИ ЭПИДЕМИЙ ЧУМЫ

И.Е. Алексеев

В отечественной нумизматике присутствует гипотеза о том, что тема распространения чумы («моровой язвы») нашла своё отражение в одном из мотивов, изображённых на серебряных «удельных» русских монетах (типах монет) первой половины XV в. [13; 16]

Означенный мотив содержит в себе изображения летящего (скачущего) фантастического существа «химерического» типа (определяемого как «крылатый грифон», «химера-грифон», «крылатая химера» или «крылатое четвероногое») и расположенной под ним согнутой, коленопреклонённой человеческой фигуры. При этом из пасти «крылатого четвероногого» вырывается «пламя», а его изогнутый хвост заканчивается второй – обращённой в противоположную сторону – головой с раскрытой пастью.

С атрибуцией и датировкой монет, содержащих данный мотив, до настоящего времени существует неопределённость. В изданных в 1974 г. Н.Д. Мец материалах к сводному каталогу «Монеты великого княжества Московского (1425–1462)» этот тип монет отнесён к раннему чекану Великого князя Московского и Владимирского Василия II Тёмного (годы правления – 1425–1462).

При этом описание изображённого на лицевой стороне (аверсе) монет с порядковыми №№ 49–51 мотива гласит: «Крылатый грифон с поднятым хвостом, оканчивающимся змеиной головой, скачет влево; под ним человек, лежащий ничком влево»; с порядковыми №№ 52–54: «Крылатый грифон, как у № 49, но рисунок несколько иной»; и с порядковыми номерами №№ 55–56: «Крылатый грифон, как у № 49, но человек под ним вправо» [14, с. 92–93]. На «оборотной» стороне (реверсе) помещена четырёхстрочная легенда с именем Великого князя Василия: «КНА | ЗЬВЕЛН | КНВАС | ИЛЕН»

(№ 49), «К.. | AZЬ | ВЕЛИ | КИ» (№ 50), «КНА | ЗЬВЕЛН | КНВАС | ЛЕИ» (№№ 51, 52), «КНА | ЗЬВЕЛН | КНВАС | ИЛЕН» (№ 53), «КНА | ЗЬВЕЛИ | КИВАС | ІЛЕИ» (№ 54), «КНА | ЗЬВЕЛ | КНВАС.. | ІЛЕИ» (№ 55) и «КНА | ЗЬВЕЛИ | КНВАС | ІЛЕИ» (№ 56) [14, с. 92–93]. При этом, как отмечала Н.Д. Мец, «тип монет с бегущим грифоном и человеческой фигурой под ним (№№ 49–56 [...]) начинается чеканиться до 1434 г. и продолжается позже» [14, с. 38].

В изданном в 2013 г. каталоге Д.В. Гулецкого и К.М. Петрунина «Русские монеты 1353–1533» реверс данного типа (типов) монет, атрибутированных как «Василий Васильевич (1425–1434). Чеканка в Москве» («Группа химеры /VI/. Денга»), описан под №№ 440, 441 А – 441 D следующим образом: с №№ 440, 441 А, 441 В – «Химера. Хвост химеры заканчивается головой змеи. Человек ничком, головой влево, под ней»; с № 441 С – «Подобно 440, точки справа»; с № 441 D – «Подобно 440, но человек головой вправо, грубо» [6, с. 89]. При этом на аверсе монеты (типа монет) с № 440, согласно описанию Д.В. Гулецкого и К.М. Петрунина, содержится изображение «цапли», вокруг которого присутствует круговая легенда «КНАЗЬ ВЕЛНКИ ВАСНІЕН» («или подобная»). На аверсах монет (типов монет) с № 441 А – 441 D изображения отсутствуют, наличествуют только четырёхстрочные легенды: с № 441 А – «КН AZЬ ВЕЛН КН», с №№ 441 В – 441 D – «КНА ЗЬ ВЕЛН КН ВАС ИЛЕН» («или подобная») [6, с. 89].

Помимо этого, в том же каталоге определяется похожий мотив, относимый к более раннему провинциальному чекану Великого князя Московского и Владимирского Василия I Дмитриевича (годы правления – 1389–1425) («Чеканка во Владимирских землях», «Группа XII. Денга»), где также присутствует изображение идущего (с поднятой правой передней лапой) фантастического крылатого существа (с мордой, напоминающей, в одних случаях, собачью /волчью/, в других – «драконью») с изогнутым хвостом, заканчивающимся второй – обращённой в противоположную сторону – головой с раскрытой пастью. При этом под «химерой» присутствует не человеческая фигура, а некое «растение».

Описание мотива, помещённого на реверсе этих монет (№№ 327 А – 327 F), гласит: «Химера. Завиток под ней. Хвост хи-

меры заканчивается головой змеи. Ободок». На их аверсе определяется следующая четырёхстрочная легенда: «В+Е ЛНKH BACH ЛН» (№ 327 А – 327 В, с разными ободками), «КНА ЗЬ ВЕЛ ИКН... ...СЛЕ» (№ 327 С), «КНА СЬ ВЕ ЛНKH BACI» – зеркально отражённая (№ 327 D), «В+Е ЛНKH ЗЬ ВЕЛ НКН» (№ 327 Е) и «А+Е ЛНKH КН... ...» – зеркально отражённая (№ 327 F) [6, с. 72].

В материалах к сводному каталогу «Монеты великого княжества Московского (1425–1462)» Н.Д. Мец монета данного типа не вполне корректно атрибутирована, как принадлежащая к чекану Великого князя Московского и Владимирского Василия II Тёмного, и описана под порядковым № 83 (с одного экземпляра): лицевая сторона (аверс) – «Крылатый грифон влево, как на № 49, но хвост не оканчивается змеиной головой и вместо человеческой фигурки завиток», «оборотная» сторона (реверс) – «+Е | ...КНКЕ | BACHЛ | НКН» [14, с. 97].

В книге О.В. Тростьянского 2009 г. «Монеты Великого Княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг.» данный мотив описан таким образом: «Фантастическое крылатое четвероногое с поднятым над спиной хвостом, оканчивающимся змеиной головой, влево; под брюхом которого завиток; в точечном ободке» (№№ 4.3 и 4.6) [21, с. 110].

В статье С.А. Гоглова и Г.А. Титова «О монетах Василия I с изображением крылатого животного», опубликованной в 2015 г. в первом выпуске сборника научных статей «Русь. Литва. Орда. В памятниках нумизматики и сфрагистики», была осуществлена систематизация монет с изображением «крылатого четвероножного» [5, с. 123–132].

Кроме того, в каталоге Д.В. Гулецкого и К.М. Петрунина «Русские монеты 1353 – 1533» в разделе «Поздний откупной чекан Василия Васильевича Тёмного» определяются несколько монет с «химерическими» мотивами, атрибутируемых как «Василий Васильевич (1446 и позднее)». Реверс монеты (типа монет) с №№ 721 и 722 А описан следующим образом: «Химера. Под ней неясный предмет. Ободок штрихами», с № 722 В – «Крупная химера с человеческим лицом. Буквы ... КВА (?) над ней, ИВ под ней», с № 722 D – «Крупная химера с собачьей мордой. Неясный знак вверху» [6, с. 117].

На аверсах означенных монет (типов монет) изображены: с № 721 – «Св. Георгий» («Три штриха за ним. Круговая легенда КНАЗ ВЕЛКІ ВАСІЛЕІ ВАСІЛНЕВІУ или подобная»), с №№ 722 А – 722 D – «Голова – черта перед ней» (с надписями: с № 722 А – «Точка сзади. Круговая легенда ...ЛНКИ ВАСНЛ...», с №№ 722 В – 722 С – «Подобно А, круговая легенда – ОСПОДАРН ВСЕА РВСИИ ЗМІ или подобная», с № 722 С – «Грубый рисунок, без точки») [6, с. 117].

В тот же раздел включены монеты (типы монет) с №№ 730 А – 730 В, на реверсе которых помещён мотив, идентичный вышеописанному мотиву с «химерой» и человеческой фигурой под ней: «Химера. Под ней грубое изображение человека ничком, головой влево. В тройном ободке» (на аверсах четырёхстрочные легенды: с № 730 А – «В+Е Л КНЗЬ ВАСІЛ НН или подобная», с № 730 В – «.КНА ЗЬ ВЕЛІ КІ ВАС .ЛЕІ») [6, с. 117].

Некоторые из этих монет были также ранее описаны в материалах к сводному каталогу «Монеты великого княжества Московского (1425–1462)» Н.Д. Мец с определением фантастического существа на лицевой стороне (аверсе) как «крылатого грифона с человеческой головой» (порядковые №№ 145–147, соответствующие: № 145 – № 722 D, № 146 – № 722 В и № 147 – № 722 С) [14, с. 109].

Таким образом, если признать принадлежность стилистически близких изображений «химеры» с «завитком» к чекану Великого князя Московского и Владимирского Василия I Дмитриевича, а «химеры» с человеческой фигурой к чекану его сына Великого князя Московского и Владимирского Василия II Тёмного, то следует определить в качестве приблизительных хронологических границ чекана «удельных» русских монет с «химерическими» мотивами 1389 – «1446 и позднее».

В последние годы вокруг «удельных» русских монет (типов монет) с изображением «крылатого четвероногого» («крылатой химеры») на некоторых нумизматических интернет-форумах развернулась дискуссия [16], что в известной мере актуализировало данную тему.

Между тем, вопросы, связанные с точной идентификацией данного фантастического существа и явлением, которое символизиру-

ют мотивы с его участием (среди которых чаще всего называются эпидемии чумы – «моровой язвы», либо «чёрной оспы»), по-прежнему остаются не прояснёнными.

В известном смысле это может быть объяснено тем, что «удельные» русские монеты XIV–XV вв. были буквально «наводнены» фантастическими существами и мифологическими персонажами (получившими в нумизматической литературе определения: «горгона», «двуликий Янус», «дракон», «кентавр», «монстр с клювом», «Самсон, борющийся со львом», «сирена», «сирин» и т.д.), которые к тому же со временем нередко «мутировали». Крайне малые размеры самих монет и помещавшихся на них изображений, а также, по большей части, грубо-схематичный характер последних, не позволяют делать исчерпывающих заключений на сей счёт.

Однако в рассматриваемом случае присутствует важный определяющий признак, который выделяет данное фантастическое существо из всех остальных, а именно – хвост, заканчивающийся второй головой (змеи или «дракона»). Только он свойственен Химере в «классической» интерпретации её образа.

Помимо этого, имеются веские основания утверждать, что наиболее близкий по исполнению прототип «химерических» мотивов, присутствующих на «удельных» русских монетах XIV–XV вв., содержится на достаточно распространённой и многократно описанной монете (типе монет) Золотой Орды (Улуса Джучи) – недатированном анонимном медном пуле чекана монетного двора Сарая, относимом одними нумизматами прямо или косвенно (Ю.Е. Пырсов и др.) [18, с. 14] ко времени правления хана Узбека (годы правления – 1313–1341), другими (С.А. Янина, Г.А. Фёдоров-Давыдов) [23, с. 200, таб. XX; 25, с. 451, 452; 26, с. 412] – ко времени правления хана Тохтамыша (годы правления – 1380–1395).

Его описание можно обнаружить ещё в классической работе по золотоордынской (джучидской) нумизматике Х.М. Френа (1782–1851) «Монеты Ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных Мухаммеданских Династий в прибавлении...» (Санкт-Петербург, 1832 г.) под № 382: на реверсе – «Стоящий на задних ногах Лев», на аверсе – арабографическая легенда «В добрый час» [24, с. 37, таб. X (СССХХХVII)].

В последующие века описание данной монеты (типа монет) дополнилось новыми подробностями. Однако «анатомические особенности» изображённого существа (а именно звериная морда на конце хвоста) в них, как правило, не фиксировались или распознавались неверно. Так, например, в опубликованной в 1930 г. работе А.А. Кроткова «Два собрания джучидских монет» указывалось: «Стоящий или прыгающий лев с хвостом, загнутым на спину, с шишкой на конце хвоста» [10, с. 16].

С.А. Янина определила его следующим образом: «Лев, идущий влево» (№ 142) [25, с. 452] и «Лев (собака?), идущий влево» (№ 142 а) [26, с. 412], Г.А. Фёдоров-Давыдов – также как: «Лев (собака?), идущий влево» (№ 283) и «Зверь, идущий влево» (№ 284) [23, с. 200], Ю.Е. Пырсов – как: «Лев влево, стоящий на задних лапах» (№ 92) [18, с. 14].

В опубликованной в 2000 г. статье В.Б. Клокова и В.П. Лебедева «Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен» данная монета (тип монет) описана под № 91 следующим образом: «Л.С. В точечном круге – хищный зверь влево, над хвостом – звезда. О.С. В таком же ободке – тюркское изречение: [...] «В добрый час / новый пул / Чекан Сарая»» [8, с. 106].

В статье «Медный чекан Сарая 1-й половины XIV в.», размещённой позднее – в 2009 г. – на сайте «Музей денег», В.П. Лебедев расширил описание загадочного животного, которое было определено так (№ м7а): «В точечном круге хищный зверь (барс?!) влево с украшением на конце хвоста, вверху 6-лучевая звезда» (см.: рисунок 1 – прорисовка лицевых и обратных сторон монет с №№ м7а и м7б) [11].

К сожалению, многие из опубликованных прорисовок «химерических» мотивов на различных типах «удельных» русских и золотоордынских (джучидских) монет носят неточный, искажённый или схематичный характер. Таковые содержатся во многих каталогах и статьях, в том числе, в опубликованной в 1995 г. в журнале «Наука и жизнь» статье известного историка А.А. Молчанова «Чудовище из древнегреческого мифа на московской деньге XV в.», углядевшего в крыльях фантастического существа «шею, увенчанную козьей головой», и на этом основании отождествившего его с «классической»

Химерой [15, с. 56–57, ил.]. При этом вовсе не исключено, что резчик (резчики) штемпелей «удельных» русских монет действительно «превратили» шею с козьей головой в крылья, однако справедливости ради следует признать, что на опубликованных монетах с «химерическими» мотивами изображение таковой не фиксируется.

В целях объективного изучения и сопоставления штемпельных изображений на «удельных» русских и золотоордынских (джучидских) монетах мною была произведена точная детальная прорисовка увеличенных фотоснимков оборотных сторон ряда монет, содержащих изображения «химерообразных» существ (как размещённых в сети Интернет, так и находящихся в моей коллекции).

При этом выяснилось, что изображённое на вышеозначенном пуле чекана монетного двора Сарая «животное» обладает двумя очевидными признаками «модифицированной» Химеры – головой и туловищем льва («собаки») и хвостом, заканчивающимся звериной (змеиной, «драконьей») мордой, но в отличие от «химерического» существа, изображённого на «удельных» русских монетах, не имеет крыльев (см.: рисунки 2 и 3 – фото и прорисовки обратных сторон монет из собрания И.Е. Алексеева).

Элементарное визуальное сопоставление этих изображений (мотивов) с изображениями (мотивами), содержащимися на отчеканенных, предположительно, во «Владимирских землях» во время правления Великого князя Московского и Владимирского Василия I Дмитриевича («химера» с «завитком» под ней) (см.: рисунок 4 – фото обратной стороны монеты с аукциона Форума кладоискателей «ReviewDetector» [1] и её прорисовка, рисунок 5 – прорисовка фото обратной стороны монеты с № 327 А из каталога Д.В. Гулецкого и К.М. Петрунина «Русские монеты 1353 – 1533» [6, с. 72], рисунок 6 – фото обратной стороны монеты с сайта ООО «Аукционный дом «Империя»» [12; 17, с. 4] и её прорисовка) показывает их очевидное сходство.

Последние же, как было установлено выше, послужили прототипом для более сложных «химерических» мотивов, размещавшихся на монетах (типах монет) московского чекана Великого князя Московского и Владимирского Василия II Тёмного («химера» с человеческой фигурой под ней) (см.: рисунок 7 – фото обратной

стороны монеты с сайта «Центральный Форум Нумизматов СССР» [16] и её прорисовка, рисунок 8 – прорисовка фото обратной стороны монеты с сайта «Русские монеты 14–17 веков» [2], рисунок 9 – фото обратной стороны монеты с сайта Интернет-аукциона монет «Wolmar.ru» [13] и её прорисовка), а затем – и на монетах, относимых к «Позднему откупному чекана Василия Васильевича Тёмного» (см.: рисунок 10 – прорисовка фото обратной стороны монеты с сайта «Центральный Форум Нумизматов СССР» [16]).

Такие же «химерические» существа, как и на означенном пуле, присутствуют также на других монетах (типах монет) Золотой Орды (Улуса Джучи) – в частности, на медных монетах (типах монет) 768 года хиджры (1366/1367 г.) чекана монетного двора Сарая ал-Джадида, изображение на лицевой стороне которых описано в статье В.Б. Клокова и В.П. Лебедева «Монетный комплекс с Селитренного городища» следующим образом: с №№ 50/23а – 50/23б – «В фигурном картуше – хищный зверь вправо с кончиком хвоста в виде второй головы; вокруг – различные украшения», с № 50/23в – то же самое, но «зверь обращён влево». На обратной стороне, в картуше, содержится арабографическая легенда: «Чекан / ас-Сарая ал-Джадид / в 768 / году» (см.: рисунок 11 – прорисовки лицевой и обратной сторон монет /типов монет/ из указанной статьи) [9, с. 103, 131].

Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание гипотезу о том, что изображение (мотив) «крылатой химеры» с человеческой фигурой под ней символизирует массовый эпидемический «мор», имевший место в русских землях в конце 1410-х – 1420-х гг., было бы логично задаться вопросом о его знаково-смысловой равнозначности «химерическому» существу, изображавшемуся на золотоордынских (джучидских) медных монетах (типах монет) XIV в.

Говоря иными словами, представляется полезным установить степень вероятности символизации посредством «химеры», которая изображалась на пулах, чеканившихся, предположительно, во временном промежутке «от Узбека до Тохтамыша», чумных пандемий в Золотой Орде (Улусе Джучи) второй половины 1340-х гг., середины 1360-х, 1370-х и 1390-х гг. При этом следует особо отметить, что изображения «химерических» существ, фиксируемые на целом ряде

других типов медных золотоордынских (джучидских) монет XIV в., ещё более усиливают интерес к данной гипотезе.

Для этого необходимо в первую очередь понять, какую смысловую нагрузку несло изображение «химерических» существ на золотоордынских (джучидских) и русских монетах, а также на более ранних нумизматических памятниках.

Начиная с античности, изображение Химеры (в греческой мифологии – порождения Тифона и Ехидны – изрыгающего огонь чудовища с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом в виде змеи), а также её «гибридных» вариантов, являлось одним из повторяющихся мотивов, помещавшихся на монетах (типах монет) и амулетах европейского и азиатского происхождения. Примером этому могут служить серебряные монеты, чеканенные в древнегреческом полисе Сикион, на котором наличествует «классическое» изображение Химеры (см.: рисунок 12 – фото лицевой и обратной сторон статера, датируемого около 431–400 гг. до н.э., с сайта «WildWinds») [28].

На некоторых античных нумизматических памятниках – в частности, на монетах (типах монет) Сиракуз периода правления Агафокла, датируемых 317–289 гг. до н.э., присутствует изображение сидящего четвероногого животного с предположительно собачьей головой, которая обращена к голове изогнутой змеи, поднимающейся из-за задней части его туловища и, судя по всему, являющейся хвостом данного животного [27] (см.: рисунок 13 – фото лицевой и обратной сторон монеты). С учётом последнего обстоятельства, такое может быть отнесено к «химерическим» существам (при этом «козья» составляющая у него отсутствует).

Вполне возможно, в данном случае обыгрывается мотив противоборства «львиной» и «змеиной» сущностей Химеры, в поздних источниках представляющих собой доброе и злое начала, а в совокупности олицетворяющих мировое и космическое равновесие. Этот мотив, на мой взгляд, коррелирует также с утвердившимся в средние века христианским мотивом борьбы льва со змеей (изображение льва, терзающего змею, присутствует, в том числе, на печати Великого князя Московского и Владимирского Василия II Тёмного, перешедшей затем к его сыну – Ивану III).

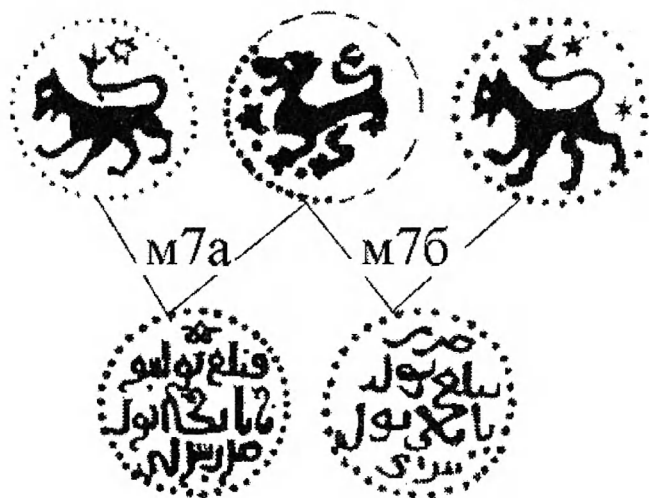

Рис. 1

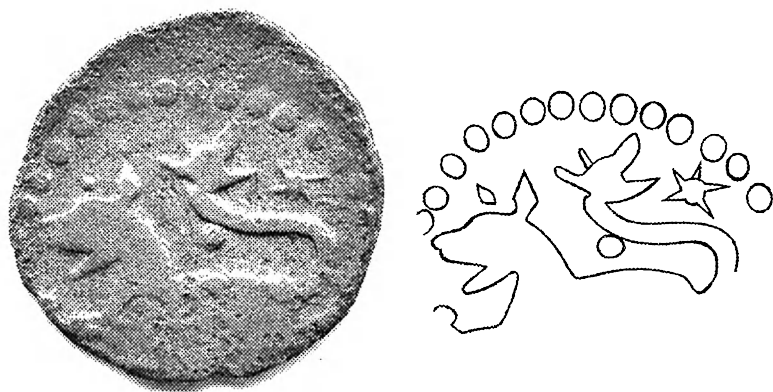

Рис. 2

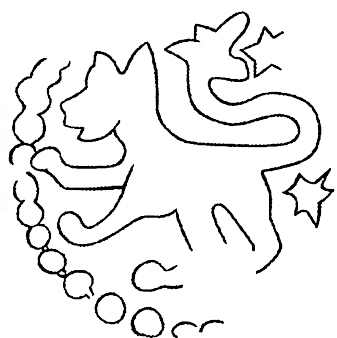
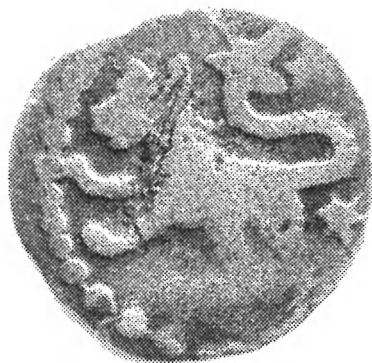

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

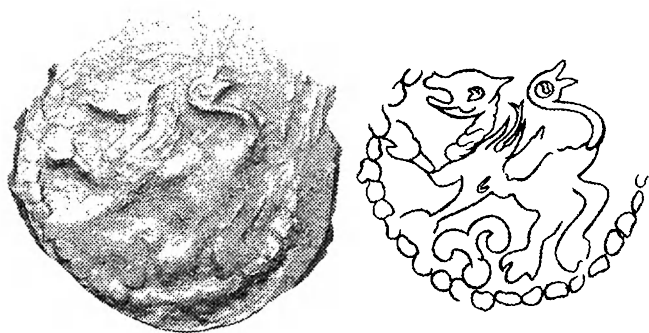

Рис. 6

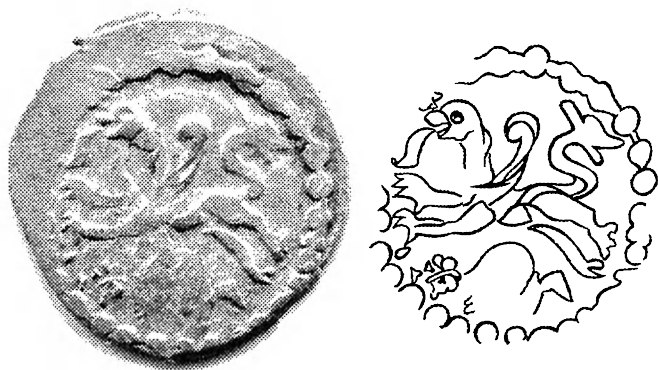

Рис. 7

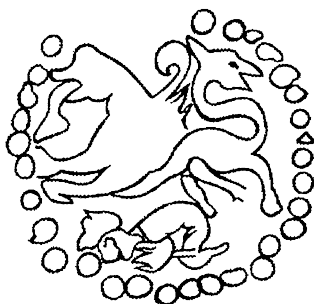

Рис. 8

Рис. 9

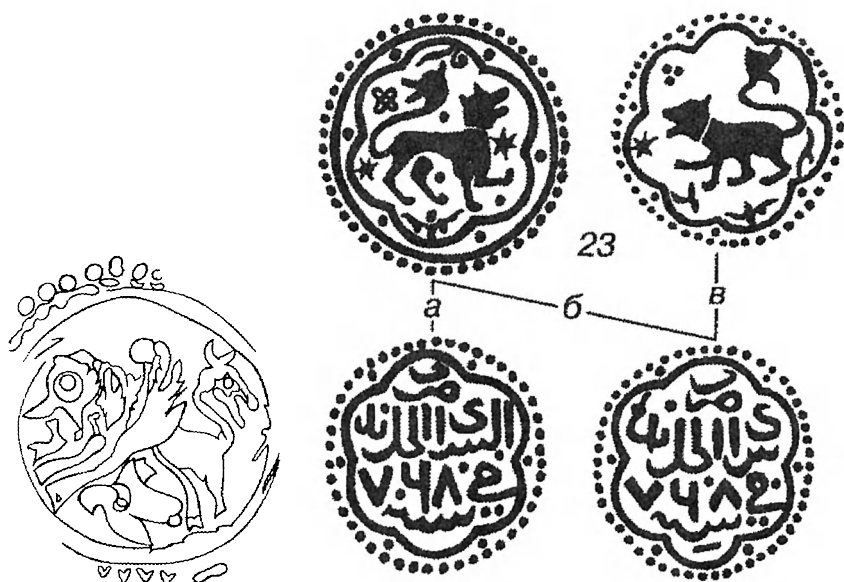

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

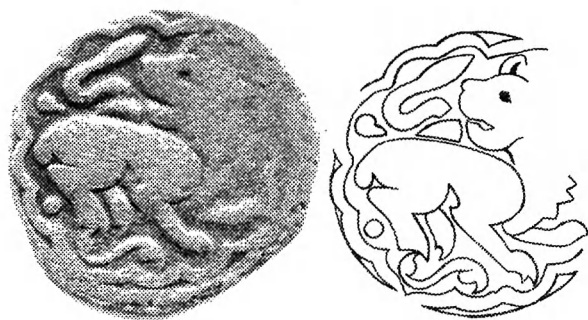

Рис. 14

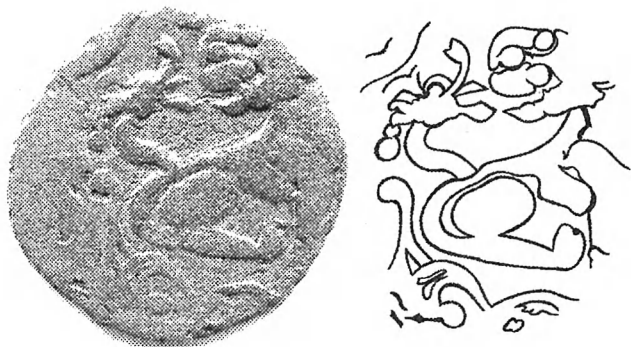

Рис. 15

Что весьма любопытно, мотив противоборства «львиной» и «змеиной» существностей животного с «химерическими» характеристиками (когда львиная голова идущего или сидящего четвероногого существа повёрнута раскрытой или оскаленной пастью в сторону раскрытой змеиной или «драконьей» пасти) присутствует и на целом ряде медных золотоордынских (джучидских) монет (типов монет), относимых, в частности: к чекану Крыма (анонимный пул с № 67.1 из каталога Р.Ю. Савосты «Медные монеты Золотой Орды. Западная часть Улуса Джучи», датируемый 770–780-и годами хиджры / 1370–1380-и гг./) [20, с. 25], к чекану Хорезма (недатированный анонимный пул с № 114/13 из статьи В.Б. Клокова и В.П. Лебедева «Монетный комплекс с Селитренного городища») [9, с. 112] (см.: рисунок 14 – фото и прорисовка обратной стороны монеты из коллекции И.Е. Алексеева), с не определённым местом чекана (недатированные анонимные пулы с №№ 96а – 96в из статьи В.Б. Клокова и В.П. Лебедева «Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен») [8, с. 108–109, 145] (см.: рисунок 15 – фото и прорисовка обратной стороны монеты из коллекции И.Е. Алексеева).

Как указывает О.В. Вовк в «Энциклопедии знаков и символов»: «В средневековом искусстве химерами назывались любые гибридные существа, а не только помесь козы, льва и змеи. Их изваяния персонифицировали адских демонов или служили аллегорией человеческих пороков» [4, с. 303].

В качестве символов различных эпидемий и стихийных бедствий в средние века использовались многие персонажи античного «бестиария», в том числе Химера и её многочисленные «гибриды». Однако оснований для утверждений о том, что именно Химера обладала в отношении чумы «узкой специализацией», не имеется.

Само наличие выраженной «чумной тематики» в изобразительно-смысловом ряде нумизматических памятников является дискуссионным.

Самым известным примером в данном отношении является, пожалуй, так называемый «Чумной таллер» или «Виттенбергский чумной таллер» (нем. «Pesttaler», «Wittenberger Pesttaler») – таллерообразная медаль, чеканившаяся в г. Йоахимсталь (Богемия) в первой половине XVI в., на лицевой стороне которой содержалось изображение сюжета из Нового Завета – поклонение распятому Иисусу Христу, а на обратной стороне – сюжета из Ветхого Завета – поклонение обвивающему крест «медному змею». При этом, как сообщается в «Словаре нумизмата» Х. Фенглера, Г. Гироу и В. Унгера: «Эти медали имели характер амулета [...], и по содержанию изображения не имеют отношения ни к городу Виттенбергу, ни к свирепствовавшей там чуме» [22, с. 304–305]

Известны также европейские «чумные медали» (нем. «Pestmedaille») с религиозной тематикой, выпущенные в знак благодарности за избавление от чумы [22, с. 304].

«Крылатая химера», изображавшаяся на «удельных» русских монетах XIV–XV вв., представляет собой некий гибрид «классической» Химеры и Грифона. Размещение под таковой согнутой человеческой фигуры (согласно некоторым трактовкам, погибшего человека), безусловно, придаёт ей зловещий аллегорический смысл. Подобный сюжет либо носил назидательно-религиозный характер, являясь напоминанием об обуревающих людей страстях и предупреждением о неотвратимом наказании за грехи (или за следование ложным идеям и верованиям), либо его появление действительно было связано с каким-то серьёзным стихийным бедствием или пандемией.

При этом следует отметить, что в это время в русских землях различные инфекционные болезни, «глады» и «моры» имели очень широкое распространение, доказательством чему могут служить

многочисленные летописные свидетельства [3, с. 36]. Однако из последних не всегда можно точно установить природу той или иной эпидемии (обозначавшихся как: мор «железою», «коркотою», «прыщом», «храк кровию», «костолом» и т.п.).

«Моры» и «костоломы» в разных русских городах и землях фиксируются под 1402, 1403, 1406, 1408, 1409 и 1414 гг. «С крайней интенсивностью, – констатируется в исследовании «История эпидемий в России», – чума свирепствовала в 1417 г. во Пскове, Новгороде, Владимире, Ладоге, Твери, Дмитрове, Торжке. При этом были описаны как лёгочные, так и бубонные формы. [...] Сильнейшая эпидемия поразила Русь в 1419–1420 гг. Она опустошила Ярославль, Суздаль, Киев, Переяславль, Галич, Ростов, Кострому и другие города; не пощадила она и Москвы. К болезни присоединился ужасный голод – некому было убирать хлеб на полях [...]» [3, с. 36–37].

Как сообщается в «Никоновской летописи» под 6931 г. (1423 г.): «Тогоже лета моръ бысть по всей земли руской» [19, с. 80]. Под 6932 г. (1424 г.) в той же летописи говорится: «Тогожь лета в Немцехъ і в Литве, і во Пскове, и в Новгороде, і во Тфери, и на Москве, і во всей руской семле начаша моръ быти і железою и охракъ кровию, и умираху человецы, и бысть туга и скорбь велия по всей семле» [19, с. 81–82].

«Мор» «во всех местах» произошёл в 1425 г. «Сентября нача моръ преставатиі великом в Новгороде, – сообщает «Никоновская летопись» под 6934 г. (1426 г.), – и паки возста силенъ село во Пскове и в Новгороде великомъ, и в Торжку и во Тфериі, и на Волоце, и в Дмитрове, и на Москве и во всех градахъ русскихъ, и во властехъ и в селехъ по всей семле, и бысть туга и скорбь велия в людехъ» [19, с. 92].

«В 1427 г. на Руси опять был мор, – сообщается в «Истории эпидемий в России», – но на этот раз не «железою», а «прыщём» [...]» [3, с. 38] Причём, судя по описанию, «дело шло не о чуме, а всего вероятнее об оспе: «прыщъ син», возможно, относится к геморрагической «чёрной оспе»» [3, с. 38].

Бубонная чума бушевала в 1442–1443 гг. в Пскове, «мор железою» – с 1465 по 1467 гг. в Пскове и Великом Новгороде. Новый

«мор» случился в Великом Новгороде в 1478 г., в Пскове – в 1486–1487 гг. [3, с. 38].

В данной связи представляется весьма сомнительным соотношение выпуска монет с изображением «химеры» и человеческой фигурой под ней конкретно с какой-либо из упомянутых многочисленных эпидемий чумы, оспы или иных заболеваний. Скорее, было бы логичным предположить, что означенный мотив (сюжет) мог зафиксировать грандиозное стихийное бедствие («Знамение страшно село»), произошедшее в 1421 г. в Великом Новгороде, в описание которого в «Никоновской летописи» «вписываются» и изрыгающая пламя летящая «химера», и молящий Бога о спасении человек.

«Тоежь весны месяца Маия в ѠІ. день, в неделю в праздник всехъ святыхъ в великомъ Новегороде в полунощи бысть трусь велиі, на воздухе всыде туча с полудне темна силно село с громомъ страшнымъ и с молниями блистающими, якожь и проспреша немочно бе, и чающимъ человекомъ сожженнымъ быши отъ огня оного. И пришедъ ста надъ градомъ и изменись туча отъ дожденосия на огненное видение; людиежь всяко чающе пламеню быти пожигающе грешники и ужасошась, начаша вопити Господи помилуй и прочая, много моления и обеты приношаху Господеви и пречисте его матери Богородицы і всемъ святымъ его. И бысть дождь многъ и градъ велиі, і камене являшесь iso облака спадшее на землю; архиепискупъ же Семеонъ с священнымъ соборомъ, і вси богобоязливии людие вшедше в церковь премудрости божия, ниць падше со многими слезами изъ глубины сердца со воздыханиемъ молящесь. Такожь и по прочимъ церквамъ священницы и людие творяху, и тако преиде ночь та с страхомъ онемъ. Приходящужь дню і возсия светъ, и бысть тишина; тучажь она огненная невидима бысть, и едва людие в себе приидоша от страха оного. Устрашимся убо таковыя повести страшныя слышаще, и научимся добро творити и заповеди господня храниши да благо намъ будеть» [19, с. 77–78].

Соответственно, безосновательно было бы утверждать, что прямое отношение к символизации эпидемии чумы могут иметь и прототипные «химерические» мотивы, помещавшиеся на золотоордынских (джучидских) монетах (типах монет) XIV в.

В отличие от сложной русской «модификации» («химера» с человеческой фигурой под ней), они не имеют очевидных признаков негативной аллегорической «коннотации».

Наличие на лицевой стороне пула с изображением пёсеголовой «химеры» и «звёзд» (см.: рисунки 1, 2 и 3) благопожелания исключает такую возможность.

Следует предположить, что данный мотив, скорее всего, носит зодиакально-астрологический характер.

Возможно, он представляет собой аллегорическое изображение созвездия Льва (известного на Древнем Востоке – в Месопотамии – под названием «Большая собака»), на «хвосте» которого располагается одна из трёх его наиболее ярких звёзд – Денебола («Denebola», «Денеб-эль-Азад», «Денеб ал-Асад») (от араб. «хвост льва»), считавшаяся в астрологии, при разных соединениях с другими звёздами, предзнаменованием несчастья, позора, разорения, болезней и, одновременно, удачных начинаний и народной известности. При этом сам Лев наделялся, главным образом, положительными, благородными качествами.

В «Маликшахских астрономических таблицах» (XI в.) персидского философа, математика, астронома и поэта Омара Хайяма Нишапури звезда Денебола определяется как: «Та, которая на конце хвоста, т.е. Хвост льва или Поворот» [7, с. 167]. При этом название «поворот» объясняется тем, что с восходом этой звезды уходит жара, а с заходом – холод [7, с. 188–189].

По сути, в одной «астрологической сущности» наличествовало соединение противоположных, «несовместимых» свойств («сущностей»), что, как известно, является главным признаком Химеры.

Считалось, что под созвездием Льва рождаются великие правители и происходят судьбоносные события. Это обстоятельство, на мой взгляд, вполне соотнобразуется с предречением «доброго часа» (пожеланием успеха) обладателям «нового пула».

Таким образом, гипотеза о символизации эпидемий чумы посредством изображений Химеры и «химерических» мотивов, помещавшихся на серебряных «удельных» русских монетах XIV–XV вв. и послуживших для них прототипами медных золотоордынских (джучидских) монетах XIV в., представляется бездоказательной.

Вместе с тем, значительное распространение изображений загадочных «химерических» существ на нумизматических памятниках Золотой Орды (Улуса Джучи) вызывает закономерный научный интерес, что диктует необходимость систематизации и комплексного изучения последних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В.Д. – химера, чекан во Владимире (окончание 8.12.2016) // Форум кладоискателей «ReviewDetector»: сайт. URL: <http://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=1533892> (дата обращения: 28.07.2017)
2. Василий Васильевич II Темный (1425–1462) / Великое княжество Московское / Великое княжество Московское и Московские уделы // Русские монеты 14–17 веков: сайт. URL: http://rus-moneta.ru/big_g.php?mon_id=1090 (дата обращения: 28.07.2017)
3. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (Материалы и очерки) / Под ред. проф. А.И. Метёлкина. М.: Государственное издательство медицинской литературы (Медгиз), 1960. 397, (2) с.
4. Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. М.: ООО «Издательский дом «Вече», 2006. 528 с.
5. Гоглов С.А., Титов Г.А. О монетах Василия I с изображением крылатого животного // Русь. Литва. Орда. В памятниках нумизматики и сфрагистики. Сборник научных статей / под ред. Д.В. Гулецкого и Ю.В. Зайнчковского. Вып. 1. Минск: ООО «Рифтур Принт», 2015. С. 123–132.
6. Гулецкий Д.В., Петрунин К.М. Русские монеты 1353–1533. Минск: УП «Рифтур», 2013. 511 с.: ил.
7. Звёздный каталог ал-Бируни с приложением каталогов Хайяма и ат-Туси // Историко-астрономические исследования / Отв. ред. П.Г. Куликовский. Вып. VIII. М.: Государственное изд-во физико-математической литературы, 1962. С. 83–192.
8. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. 2. Н. Новгород: Институт промышленного развития «Информэлектрон», 2000. С. 56–147.
9. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, г. Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. Н. Новго-

род: Институт промышленного развития «Информэлектро», 2002. С. 73–165.

10. Кротков А.А. Два собрания джучидских монет // Труды Нижне-Волжского общества краеведения. Вып. 37. Саратов: Издание Нижне-Волжского общества краеведения, 1930. 42 с., таб.

11. [Лебедев В.П.] Медный чекан Сарая 1-й половины XIV в. // Музей денег: сайт. URL: <http://muzeydeneg.ru/research/mednyi-y-chekan-saraya-1-y-pоловинyi-xiv-v/> (дата обращения: 28.07.2017)

12. Лот 3 (Аукционы нумизматики: 01.06.2013 – Ордена, медали и монеты Императорской России – Нумизматический аукцион № 26) // ООО «Аукционный дом «Империя»»: сайт. URL: <http://www.auction-imperia.ru/auction/26.htm?s=> (дата обращения: 28.07.2017)

13. Лот № 631. Денга. Василий Темный 1427 г. / Аукцион VIP № 234 // Wolmar.ru (Интернет аукцион монет): сайт. URL: <https://www.wolmar.ru/auction/409/306888> (дата обращения: 28.07.2017)

14. Мец Н.Д. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // Нумизматический сборник (Материалы к сводному каталогу). Часть третья. М.: Гос. Ордена Ленина Исторический музей, 1974. 145, (17) с.: ил.

15. Молчанов А.А. Чудовище из древнегреческого мифа на московской деньге XV в. // Наука и жизнь. 1995. № 11. С. 56–57, ил.

16. Монеты Василия Дмитриевича, Василия Тёмного и современные им / Избранные темы / Допетровская нумизматика // Центральный Форум Нумизматов СССР: сайт. URL: <http://coins.su/forum/topic/181036-monety-vasiliya-dmitrievicha-vasiliya-temnogo-i-sovremennye-im/?page=2>; <http://coins.su/forum/topic/181036-monety-vasiliya-dmitrievicha-vasiliya-temnogo-i-sovremennye-im/?page=4>; <http://coins.su/forum/topic/181036-monety-vasiliya-dmitrievicha-vasiliya-temnogo-i-sovremennye-im/?page=9>; <http://coins.su/forum/topic/181036-monety-vasiliya-dmitrievicha-vasiliya-temnogo-i-sovremennye-im/?page=11> (дата обращения: 28.07.2017)

17. ООО «Аукционный дом «Империя»»: Аукцион № 26 – Монеты Императорской России (Каталог). Б.м. [Москва], б.г. [2013]. 159, (1) с.

18. Пырсов Ю.Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. 64 с.

19. Руская летопись по Никонову списку / Изданная под смотрением Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург: «В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук», 1789. Ч. 5: С 1407 по 1462 год. [4], 290 с.

20. Савоста Р.Ю. Медные монеты Золотой Орды. Западная часть Улуса Джучи. Каталог. Луганск: ООО ПЦ «Максим», 2013. 73, (1) с.

21. Тростянский О.В. Монеты Великого Княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг. М.: Изд-во «Нумизматическая литература», 2009. 180 с.: ил.

22. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата: Пер. с нем. М.: Изд-во «Радио и связь», 1982. 328 с.: ил.

23. Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с. и 40 с. ил.

24. Френ Х.М. Монеты Ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных Мухаммеданских Династий в прибавлении; из прежнего собрания Г-на Профессора, Статского Советника и Кавалера К. Фухса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М. Френа (с восемнадцатью таблицами и четырьмя виньетами) / Пер. с немецкого М. Волкова. Санкт-Петербург: «Печатано в Типографии Императорской Академии Наук», 1832. XVI, 80, (17) с.: таб.

25. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42 (Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. (424) – 457.

26. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 61 (Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. (392) – 414, таб. I–II.

27. Browsing Ancient Coinage of Sicily, Syracuse, Agathokles // WildWinds: сайт. URL: <http://www.wildwinds.com/coins/greece/sicily/syracuse/agathokles/t.html> (дата обращения: 28.07.2017)

28. Browsing Ancient Coinage of Sikyon // WildWinds: сайт. URL: <http://www.wildwinds.com/coins/greece/sikyon/t.html> (дата обращения: 28.07.2017)

«ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ» И ФЕНОМЕН НОВГОРОДСКОГО УШКУЙНИЧЕСТВА (XIV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)

Л.В. Воротынцев

Проблема оценки влияния эпидемиологического, климатического и связанного с ними демографического факторов на социально-политические процессы средневекового общества продолжает оставаться в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных историков.

Среди последних по времени работ российских исследователей, посвященных изучению данной темы, следует отметить работы В.С. Ганина [3, с. 169–173, 180–187], С.А. Нефедова [11] и Т.Ф. Хайдарова [25, с. 9–42], применивших комплексный подход к изучению влияния фактора пандемий и климатических изменений на общественно-политическое и социокультурное развитие древнерусского общества эпохи средневековья.

Степень воздействия указанных факторов на земли и княжества Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв. была различной и зависела от особенностей регионального развития того или иного государственного образования и его географического положения: структуры и плотности заселения территории, степени урбанизации, близости или удаленности от международных торговых маршрутов.

В представленном исследовании рассматриваются демографические и общественно-политические процессы, происходившие во второй половине XIV – начале XV вв. в Новгородской феодальной республике, с позиции влияния на них фактора пандемии, т.н. «Черной смерти», усугубляемой экстремальными климатическими явлениями, приводившими к неоднократному голоду и, как следствие, изменению демографической и социальной структуры новгородского общества.

Следует отметить, что на всем протяжении XIII – первой половине XIV вв. шел неуклонный процесс роста численности населения как самого Новгорода, так и новгородских пятин. Об этом свидетельствуют данные письменных источников, а также результаты

археологических исследований. В частности, на протяжении всего вышеуказанного периода археологами фиксируется рост находок кожаной обуви и берестяных грамот. За столетие (с середины XIII по середину XIV в.) число подобных находок увеличивается примерно в два раза [9, с. 197; 10, с. 62], что позволяет сделать вывод о значительном увеличении численности населения крупнейшего городского центра Северной Руси.

В первой половине XIV в. начинается строительство т.н. «окольного города», имеются данные о расширении Плотницкого и Неревского концов [7, с. 392]. К середине XIV в. появляются первые симптомы аграрного перенаселения. Именно с этого времени в текстах берестяных грамот фиксируются жалобы крестьян на нехватку пахотных земель и выпасов [5; 8, с. 75].

Наиболее мобильной частью новгородской крестьянской общины являлись малоземельные, или безземельные смерды, т.н. «половинники» и «захребетники», не имевшие жесткой привязки к земельной собственности [6, с. 76–79; 8, с. 52]. Вероятнее всего, именно они составляли большую часть того избыточного демографического ресурса новгородской провинции, постоянный приток которого в Новгород обеспечивал стабильный рост населения столицы Северо-Западной Руси. Переезжая в город и не имея возможности реализовать себя в качестве ремесленников и купцов, они, как правило, становились клиентами богатейших боярских родов, записываясь в холопы и образуя, со временем, значительную по численности прослойку маргинального населения, находившегося в полной материальной зависимости от новгородской аристократии, зачастую использовавшей «збоев-холопов» для проведения внешнеполитических военных акций.

В связи с вышеперечисленными факторами, представляется вполне закономерным рост сообщений летописных источников о морских походах отрядов новгородских «повольников» начиная со второго десятилетия XIV в. По обоснованному мнению О.Г. Усенко, движение ушкуйничества в XIV в. становится, прежде всего, средством ликвидации социального напряжения в новгородском обществе, а также способом жизнеобеспечения «лишнего» населения, уходящего корнями в древнюю традицию «военной демократии» [24, с. 48–54].

Во время шведско-новгородской войны 1293–1323 гг. отряды новгородских «повольников» совершали неоднократные походы в шведские владения. Так, в 1318 г.: «Ходиша новгородци воиноу за море, в Полную реку, и много воеваша, и взяша Людерев город (г. Або – *В.Л.*) сумьскаго князя и Пискупль; и приидоша в Нове-город вси здрави» [14, с. 99]. В 1320 г. новгородскими летописями фиксируются сразу три военных экспедиции ушкуйников. Отряды под предводительством Игната Малыгина и Луки Варфоломеева совершили несколько рейдов в Норвегию (находившуюся в 1319–1363 гг. в личной унии со Шведским королевством): «Лука ходи на Мурманы и немцы избиша ушкуи Игната Моыгина» [15, с. 258]. И если дружина Игната Малыгина была разбита норвежскими «немцами», то отряд Луки Варфоломеева разорил норвежскую область Финмарнен (Финмарк) и вернулся с богатой добычей. В 1323 г. новгородские «молодци» разорили северо-норвежскую область Халогаланд. Эти в целом успешные военные акции завершили 30-летнюю шведско-новгородскую войну, после чего 12 августа 1323 г. был заключен Ореховецкий мир, стабилизировавший северную границу Новгородской земли [27].

Характерно, что сам термин «ушкуй», как обозначение военно-морского и речного судна, начинает употребляться в Новгородских и Псковских летописях с 1320 г. [1, с. 52–53, 127], что совпадает с началом активных действий новгородских корсаров на Балтике. После установления мира на северных границах республики отмечается переориентация военной деятельности иррегулярных военных соединений «молодцов» на восточное и юго-восточное направления.

В 1340 г. происходит набег отряда ушкуйников на Белозерскую землю: «...из Новагорода ходивше молодци, воеваша Устюжну и пожгоша; нь угонивше, отымаша у лодейников полон и товар; потом же и Белозерскую волость воеваша» [12, с. 351].

Под 1342 г. Новгородская первая летопись отмечает набеги отрядов Луки Варфоломеева и его сына Онцифора Лукина на Двину и Волгу: «Того же лета Лука Валфоромеевъ, не послушавъ Новаграда, митрополища благословения и владычня, скопив съ собою **холопов збоев**, и поеха за Волокъ на Двину и постави городок Орлицъ. И скопивши Емцанъ и взя землю Заволочкую по двине, все погосты на

щить. В то же время сынъ его Онцифоръ отходил на Волгу. Лука же въ двусту выеха воевать и убиша его заволочане» [12, с. 355–356].

Представляет интерес и социальный состав ушкуйнических дружин. По сообщениям письменных источников достоверно можно установить лишь две категории новгородского населения, представители которых принимали активнейшее участие в военных походах на Балтику, Урал и Поволжье. Высший командный состав отрядов «повольников» состоял из представителей высшего сословия Новгородской республики – боярства. Выходцами из новгородской аристократии являлись такие предводители ушкуйнического движения, как Лука Варфоломеев, Онцифор Лукин, Осиф Варфоломеевич, Василий Федорович и Александр Абакумович, Василий Шенкурский и Михаил Яколя. Второй группой населения, обеспечивавшей приток значительного процента «молодцов», была такая категория зависимого населения Великого Новгорода, как холопы. Именно их, как основной состав дружин Луки Варфоломеева и Онцифора Лукина, упоминает Новгородская первая летопись, описывая события походов отрядов ушкуйников на Двину и Волгу в 1342 г. [12, с. 355–356].

С достаточной долей уверенности, можно предположить, что в составе ушкуйнического военного братства могли находиться представители и других групп и сословий новгородского общества. Таких, как купцы, житьи, ремесленники, крестьяне, холопы и даже отдельные представители духовенства. Характерно, что в таком памятнике новгородского права XII в., как «Устав Великого князя Всеволода о церковных судех и о людех, и о мерилах торговых», отдельно выделяется категория т.н. «изгоев»: «...изгой трои; попов сын грамоты не умеет, холоп из холопства выкупится; купец одолжает; а се четвертое изгойство и себе приложим: аще князь осиротеет...». [4, с. 152; 13, с. 44]. Эта норма устава восходит к аналогичной норме правового кодекса XI в. – «Русской правды» князя Ярослава: «Изгойив трои: сын поповский грамоте не выучится, купец одолжает, смерд от верви отколется, а есть и четвертое – аще князь осиротеет» [21, с. 86]. По мнению В.Я. Петрухина, положение первой статьи Русской правды Ярослава Мудрого о высоком юридическом статусе т.н. «изгоев» являлась отголоском более ранней традиции приема «вольных людей», обеспечивавшей первым русским

князьям постоянное пополнение дружины [20, с. 240, 416]. Замена в тексте новгородского «Устава» вышедшего из общины смерда, «изгойский» статус которого отмечен правовым положением «Русской правды», выкупившимся холопом в Новгородской земле, позволяет предположить наличие довольно многочисленного количества представителей данной категории населения.

Таким образом, еще в домонгольскую эпоху в Новгородской республике существовала определенная группа населения, не имевшая привязки ни к одному из сословий. В условиях экстремальных катаклизмов эпидемиологического и климатического характера, несомненно, происходило резкое увеличение численности данной группы «изгоев», которые, по всей видимости, представляли собой костяк ушкуйнических дружин в XIV–XV вв.

Процесс непрерывного роста численности населения Новгорода в XIII – первой половине XIV вв. был остановлен начавшейся в 1352 г. пандемией «Черной смерти», пришедшей на новгородские земли из Северной Европы. По сообщению Новгородской I летописи: «Того же лета бысть морь силен в Новеграде, прилучися приити на ны, по человеколюбию божию, праведному суду его; вниде смерть в люди тяжка и напрасна, от господина дни почалося польне и до велика дни, **множества бесчисленно людии добрых помре тогда**» [12, с. 363].

К сожалению, письменные источники не донесли до нас оценку демографических потерь от эпидемии как в самом городе, так и в административных округах Новгородчины – пятинах, однако несомненно, что ущерб от «мора» был гораздо выше в густозаселенных городских «концах», нежели в сельских населенных пунктах, расположенных на значительных расстояниях друг от друга. По оценкам демографов общая смертность от эпидемий на Руси в XIV в. составляла не более 5–6% от общего числа населения [23, с. 90]. Таким образом, можно с достаточной долей уверенности высказать предположении о сохранении демографического потенциала земледельческих районов Северо-Восточной Руси и перетоке части избыточного сельского населения в города. Подобный процесс, несомненно, происходил и в Новгородской земле на протяжении 1353–1360 гг.

Концентрация в городе значительного массива маргинального мужского населения, наряду с другими факторами, создавала пред-

посылки для возрождения ушкуйнического движения, переживавшего период определенного спада в 50-х гг. XIV в.

Воспользовавшись начавшейся в Улусе Джучи «Великой замятней» в 1360 г.: «... Из Великого Новгорода разбойници приидоша в Жукотин и множество татар побиша и богатство их взяша, и за то разбойничество христиане пограблены быша в Болгарех от татар. В то же лето князи Жуковстии поидоша во Арду ко царю и бняша челом царю дабы царь оборонил себя и их от разбойников, понеже много убивства и грабления сотворяше от них беспрестани. Царь же Хидырь посла трех послов своих на русь: Уруса, Каирмека, Алтын цыбела ко князем русским чтобы разбойников поймали и к нему прислали... и поимаша разбойников и выдаша их всех послам царевым и со всем богатством их, и тако послаша их во Арду» [15, с. 323].

Полный провал первого похода ушкуйников на несколько лет приостановил военную активность новгородских «разбойниц». Однако в 1365–1366 гг. происходят два больших набега северных «повольников» на русские и ордынские земли Среднего Поволжья. Типографская летопись определяет численность речного флота новгородцев в походе 1365 г. в 150 ушкуев: «Того же лета проидоша Волгою из Новагорода из Великаго полтораста ушкуев Новгородци, разбоиници оушкуиници, избиша множество Бесермен в Новегороде в нижнем, множество муж и жен и детей, товар их бесчисленно весь пограбиша. А суды их кербаты и лодии и оучаны и павозки и стругы, то все посекоша, и сами отидоша в Каму и придоша до Болгар, тако же творяще и воюющее» [16, с. 124].

Учитывая, что ушкуй вмещал от 20 до 30 воинов с оружием и припасами [22, с. 53], в походы 1365 и 1366 г. выходило до 3 тысяч бойцов. Такое количество боеспособных молодых мужчин свидетельствует о наличии в Новгородских землях значительного числа деклассированного мужского населения, не занятого производительным трудом. В этой связи возникает вопрос о причинах указанного демографического явления. Вероятнее всего, основной причиной данного процесса послужил ряд экстремальных климатических явлений в 1363–1365 гг., вызвавших повсеместный голод, и очередная волна «мора», поразившая Новгородчину в 1363 г. На эти же годы приходится пик солнечной активности, фиксируемый в летописных сводах в качестве необычных астрономических явлений [2].

В сообщении под 1365 г. Никоновская летопись отмечает: «Того же лета бысть знамение на небеси, солнце бысть аки кровь и по нем места черны и мгла стояла с поллета и зной и жары бяху велицы, лесы и болота и земля горяще и реки преазхоша. Иныя же места воденыя до конца исхоша, и бысть страхъ и ужас навсехъ чловецехъ и скорбь велиа» [15, с. 4]. На следующий год засуха повторилась на всей территории Северо-Восточной Руси: «Того же лета бысть сухмень и зной велик и воздух курящеся и земля горяще: и бысть хлебная дороговъ повсюду и глад великий во всей земли и с того люди мряху» [15, с. 6].

Катастрофический недостаток продовольствия, вкуне с сопутствующими факторами постоянной эпидемической угрозы и солнечной активности, несомненно, провоцировал рост социальной напряженности в Великом Новгороде. Поэтому проблема нейтрализации «взрывоопасной» прослойки населения в этот период становится едва ли не основной задачей правящей верхушки северной республики. По мнению Л.В. Черепнина: «Формально походы ушкуйников совершались не с санкции новгородского правительства», а были «организованы представителями разных феодальных фракций» [26, с. 390, 394]. В целом соглашаясь с мнением исследователя, следует отметить, что организация походов такого масштаба требовала общего консенсуса новгородских элит. В этой связи совершенно неслучайным выглядит тот факт, что во главе военных экспедиций 1365–1366 гг. становятся представители виднейших боярских фамилий: Осиф Варфоломеевич, Василий Федорович и Александр Абакумович [12, с. 392].

Такая же закономерная связь активизации ушкуйнических походов с экстремальными климатическими и астрономическими явлениями прослеживается и в военно-политических событиях второй половины 70-х гг. XIV в. 1374–1376 гг. отмечаются русскими летописями как необычайно засушливые и неурожайные. Новгородская I летопись под 1376 г. отмечает уникальное явление, вызванное засухой: «Иде Волхов на звод по три лета, по 7 днии...» [12, с. 373].

И уже в 1374 г., происходит масштабный поход новгородцев в Среднее Поволжье. По сообщению Ермолинской летописи, речной флот ушкуйников состоял из 200 судов: «того же лета 200 ушкуевъ разбойниковъ пограбиша Вятку и Болгары взяша, и хотиша градъ

зажещи и даша с него окуп 300 рублевъ. И оттоле идоша 50 ушкуев к Сараю, а 40 въверхъ по Волзе, пограбиша все засурье, изсекъ суды, и поидоша на конехъ к Вятке и Ветлугу пограбиша» [17, с. 118]. Несоответствие числа разделившихся ушкуев общим числом вышедших в поход может объясняться как ошибкой летописца, так и возможным возвращением в Новгород части «повольников» после разграбления Вятских и Болгарских земель.

В 1375 г. на Поволжье обрушивается опустошительный набег полторатысячной (по другим данным, двухтысячной) рати ушкуйников, под предводительством Прокопа и Смольнянина, затронувший как русские, так и ордынские владения.

Наиболее полное и яркое описание этого похода содержит Пискаревский летописец: «Того же лета, егда бе князь великий под Тверью и в то время из Великаго Новаграда идоша разбойницы, 70 ушкуев, воевода же бе у них Прокофей, 2 – Смольнянин. И приидоша х Костроме, гражане же изыдоша противих на бой, а воевода у них Плещей. Видевше же новгородцы, яко много костромич, бе бо их боле 5000, а их только 2000, и разделившися новгородцы надвое... и удариша на костромич в тыл, а друзии в лице к ним... Мнози же тут побиени быша, а иних имающе и вязающе. Ко граду же пришедша и виде его никем не брегома и вшед в него, разграби вся, елика беша в нем... И множество народа поплениша: мужей и жен, отрок и девиц. И оттоле идоша к Новуграду Нижнему, и там много же зла сотвориша, христиан и бесермян изсекоша, а иных поведоша. А товар пограбиша. И поидоша на низ и повернуша в Каму, и там много по Каме пограбиша, и потом внидоша апать в Волгу, и дошедше Болгар, и ту полон христианский весь попродаша, и поидоша на низ к Сараю, бесермян избивающе гостей, а товар их емлюше, а христиан пограбиша. И дошедше устия Волжеского близ моря да града Хазитороканя, и тамо избих их лестию князь хазтороканский, именем Салчей» [18, с. 120].

В 1392 г., согласно сообщению Пискаревской летописи: «... новгородци и устюжане и прочий, к тому совокупившися, и выидоша в насадех и во ушкуех рекою Вяткою на низ и взяша Жюкотин и Казань и вышедше на Волгу, паграбише гостей всех возвратишася» [18, с. 142]. Вероятными причинами, спровоцировавшими очередной всплеск военной активности «повольников», могли быть

очередная волна бубонной чумы, поразившей Новгород в 1390 г.: «Тои же осени моръ силенъ велми в Новогороде...велие множество крестиянъ умре по всим улицам; сие же знамение на людех: при смерти явится железа, и прибывъ три дни умре» [12, с. 383–384]; а также сильный голод 1391 г., вызванный необычайно суровой зимой и летней засухой [2]. Эти бедствия привели к резкому увеличению числа обездоленных мужчин, потерявших семьи и средства к существованию, и, как следствие, к притоку добровольцев в ушкуйнические дружины.

Следующий всплеск военной активности новгородско-вятских ушкуйников приходится на 1409 г. и характеризуется масштабным походом «повольнических» дружин Анфала Никитина на Каму и Волгу: «Того же лета поидоша Новгородци ихъ Заволочия по Двине, въ верхъ Сухоною, и вышли Костромою въ Волгу, и взяша на Костроме кормъ, и поидоша къ Ноугороду Волгою, вьюючи, и взяша Новгородъ Нижний; и потом поидоша на усть Ками, на советъ Анфалу, и не поспеша. Анфаль же пошелъ задними водами въ Каму, князи Болгарские и Жекотстии слаша къ Анфалу, и взяша перемирие, и даша ему окупъ съ земли; Анфаль же потому исполошися къ ним, они же яша его лестию въ Каме, а дружину его изсекоша, а инии разбегошася» [19, с. 485].

Данный поход ушкуйников хорошо соотносится с очередным периодом неблагоприятных климатических и эпидемиологических явлений, поразивших практически всю территорию Северо-Восточной Руси в 1406–1408 г. Под 1408 г. русские летописи отмечают: «Того же лета мор бысть на люди по многим странамъ хоркотою... по всей Русской земле и множество христиан изомроша от глада и мора» [15, с. 204].

Неудачная экспедиция 1409 г. считается последней военной акцией новгородско-вятских ушкуйников подобного масштаба в Поволжье. Вероятной причиной спада массового ушкуйнического движения со второго десятилетия XV в. могло стать истощение демографического потенциала Новгородско-Псковских земель в связи с масштабной пандемией «мора», поразившей этот регион в 1417 г. По сообщению Никоновской летописи: «Мор бысть страшен зело на люди в Великом Новгороде, и во Пскове, и в Ладозе, и в Русе, и в Порхове, и в Торжке... и по влаstem и по селам. И толико великъ

бысть морь, яко живи не успеваху мертвыхъ погребати...и многа села пусты бяху, и во градах, и в посадах... толико серпъ пожа человеки, аки класы и быша двory велиции и силнии пусты, едва отъ многихъ единъ или два остася. А инде едино детище» [15, с. 232].

В 1420–1421 гг. Новгородские земли накрыла вторая волна «мора», последствия которого были усугублены голодом: «Въ си два лета бысть глад и морь велик, и наметаша мертвых три скудельнице» [12, с. 414]. В 1423 г. летописи отмечают третью волну эпидемии: «Того же лета морь бысть в Новегороде железю и храпъ кровию» [12, с. 414].

В то же время следует отметить, что последним крупным военным мероприятием отрядов новгородских «повольников», сведения о котором сохранились в летописях, можно считать поход трехтысячной рати воевод Василия Шенкурского и Михаила Яколя 1445 г. на Югру: «Того лета Василии Шенкурской и Михаила Яколя, воеводы новгородчкыи, поидоша ратью заволочкою въ трех тысяцах на Югру, и поимаша югорьских людеи много, и женъ ихъ и детеи...» [12, с. 425].

Этот поход явился прямым следствием тяжелейшего социального кризиса в Новгородской республике, вызванного 10-летним периодом неурожая. Новгородская первая летопись под 1445 г. отмечает: «А в Новегороде хлебъ дороговъ бысть не толко сего единого году, но всю десять летъ... и мнозе от глада падающе умираху... и мнози разидолися: инеи в Литву, а инии в Латиньство, инеи же бесерменомъ и жидом ис хлеба даяхуся гостем. А в то же время не бе в Новгороде правде и правого суда, и всташа ябетницы,... и начаша грабити по селамъ и по волостемъ и по городу... и бе по волости изъяжа велика и боры частыя, криць и рыдание и вопль и клятва всими людъми на старейшины наша, и на град нашъ зане не бе в насъ милости и суда права» [12, с. 425]. Столкнувшись с угрозой социального взрыва, новгородская правящая верхушка применила испытанный способ нейтрализации маргинальных групп новгородского общества посредством организации масштабного похода «на Камень» (Северное Приуралье).

Таким образом, мы можем наблюдать ярко выраженную цикличность военной активности ушкуйников, достаточно четко соотносящуюся с периодами неурожайных лет и пандемий, поражавших во второй половине XIV – начале XV вв. земли Северо-Восточной

руси каждые 8–12 лет. Опираясь на данные летописных источников, можно выделить пять таких периодов:

1. 1352–1360 гг. – эпидемия «мора», поразившая новгородские земли и вызвавшая массовый приток обездоленного населения в Новгород – первый крупный поход ушкуйнических дружин в Поволжье (1360 г.).

2. 1363–1366 гг. – ряд неурожайных лет, вызванных экстремальной засухой и очередная волна эпидемий – два крупных похода новгородских «повольников» в Среднее Поволжье и Засурье (1365 и 1366 гг.).

3. 1374–1376 гг. – три необычайно засушливых года в Новгородских землях, приведшие к увеличению в самом Новгороде «лишнего» мужского населения – два крупных грабительских набегов крупных отрядов новгородских ушкуйников под предводительством (1374 и 1375 гг.).

4. 1406–1408 гг. – «мор харкотою» и «глад» на всей территории Северо-Восточной Руси – масштабный поход вятских и новгородских «разбойниц» под предводительством Анфала Никитина в 1409 г.

5. 1435–1445 гг. – 10-летний период неурожая в Новгородских землях – поход 3-х тысячной рати «повольников» «на Югру» в 1445 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернадский В.Н. Новгород и новгородская земля в XV веке. М.-Л., 1961. 398 с.

2. Бараш С.И. История неурожая и погоды в Европе XIV–XVI вв. М., 1989. 237 с.

3. Ганин В.С. История Чумы // Клио. 2006. № 2 (33). Ч. 1. С. 169–173; № 3 (34). Ч. 2. С. 180–187.

4. Гайденко П.И., Фомина Т.Ю. История русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (обзор письменных источников. М.: Университетская книга, 2009. 228 с.

5. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 105, 110.

6. Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле. М., 1955. 440 с.

7. Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993. 391 с.

8. История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. 331 с.

9. Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65.
10. Коновалов А.А. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания // Советская археология. 1966. № 2.
11. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. В 2. т. М., 2010–2011.
12. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950; М., 2000. 642 с.
13. Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси / Сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. М.: Юридическая лит-ра, 1953. 442 с.
14. ПСРЛ. Т. 4. Новгородская четвертая летопись. М., 1848. 372 с.
15. ПСРЛ. Т. 10. Никоновская летопись. М., 1897. 258 с.
16. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Петроград., 1921. 275 с.
17. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910. 247 с.
18. ПСРЛ. Т. 34. Пискаревская летопись. М., 1978. 220 с.
19. ПСРЛ. Т. 15. Тверская летопись. СПб., 1863. 296 с.
20. Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2014. 465 с.
21. Пространная Русская Правда (ПРП). Вып. 1. 191 с.
22. Сорокин П.Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в Средневековье. СПб., 1997. 208 с.
23. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941. 436 с.
24. Усенко О.Г. О сущности и хронологических рамках ушкуйничества // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Мат. научной конф., 11–13 ноября 1999. Ч. 1. Великий Новгород, 1999. С. 53. Сноска 2.
25. Хайдаров Т.Ф. Эпидемия «Черной смерти» в русских княжествах и Золотой Орде (1345/46 – 1430 гг.): предпосылки и последствия // Исторически часопис. 2015. Кнь. LXIV. С. 9–42.
26. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. 420 с.
27. Шаскольский И.П. Русско-шведские переговоры 1323 г. и Ореховецкий мирный договор // Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.

ЭПИДЕМИИ XIV–XV ВВ. В ЦЕРКОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

А.Н. Медведь

Исследования эпидемий на территории Великого княжества Московского, а позже и Московского царства, начались еще во 2-й половине XIX в. Они касались в основном самой известной эпидемии чумы, происшедшей в России в середине XVII в.

Упомянем здесь работы Н.Ф. Высоцкого, который одним из первых попытался рассмотреть именно историю эпидемий в конкретный исторический период – царствование Алексея Михайловича [2]. Дополнил это исследование В. Эккерман [9] (автор обозначил географию распространения болезней, выявил их характер и специфику, попытался определить, как возникла та или иная эпидемия).

История исключительно чумных эпидемий содержится в работе Ф.А. Дёрбека [4]. Автор (как и В. Эккерман) рассматривает историю болезней через свидетельства летописей, исследует меры, принимавшиеся русскими, против распространения эпидемии. Кроме того, автор пытается установить связь между природными явлениями и возникновением заболеваний. Уже в советское время вышла большая работа, посвященная истории эпидемий в России, которая охватывает почти десять веков русской истории [1]. Впрочем, даже при беглом взгляде на эту работу можно заметить, что ничего принципиально нового ни в источниковедческом, ни в концептуальном аспекте применительно к раннему периоду (X–XIV вв.) авторы не изложили. Несколько более широко ими рассмотрен более поздний период – XVII–XIX вв. Довольно поверхностно к истории эпидемий подошел и автор одной из наиболее фундаментальных книг по истории врачевания Н.А. Богоявленский.

Одной из главных черт почти всех этих произведений является минимальный анализ социокультурной ситуации, сопутствующей эпидемиям. Очевидно, что перед авторами этих работ не стояла цель показать и объяснить, как древние люди относились к эпидемическим заболеваниям, что, к сожалению, вписывается в общую тенденцию – рассматривать историю медицины в отрыве от изучения сопутствующих ей культурных реалий.

Однако историю эпидемий раннего средневековья и более позднего времени можно и нужно рассматривать в нескольких аспектах. Первый аспект – политическая и церковная история Великого княжества Московского.

Эпидемия 1353 г. изменила соотношение сил внутри великокняжеского дома – от чумы умер великий князь Симеон, все его наследники, и, возможно, его младший брат Андрей Иванович. Таким образом, власть естественным путем перешла к средней ветви потомков Ивана Калиты, во главе которой стоял великий князь Иван Иванович. Этот князь не был инициативным и сильным политиком, его правление характеризуется ослаблением роли Москвы и попытками других восточно-русских княжеств (прежде всего Тверского, Рязанского) проводить собственную политику. С другой стороны, относительно короткий период княжения (около 6 лет) подготовил приход к власти сына Ивана Ивановича, великого князя Дмитрия Ивановича, чья роль в усилении и развитии Великого княжества Московского неоспорима.

Как эпидемия отразилась на состоянии церкви как социального и политического института? Для русской церкви она имела не меньшее значение, чем для московского великокняжеского дома. Известно, что именно от чумы скончался митрополит московский Феогност, а на митрополичий престол взошел Алексей – один из самых влиятельных русских церковных деятелей московского государства. Конечно, приход к власти нового митрополита не был неожиданностью, он подготавливался самим Феогностом на протяжении нескольких лет, в течение которых Алексей выполнял роль главного помощника митрополита, однако именно эпидемия открыла для обладавшего весьма активным характером Алексея возможность максимально использовать данную ему церковную власть.

Еще одним следствием чумы в истории русской церкви стала смерть новгородского архиепископа Василия Калики в 1352 г. и приход на архиепископский престол Новгорода Моисея. Моисей занял независимую от Москвы позицию, наладив прямые отношения с константинопольским патриархом в обход Москвы.

Таким образом, в социально-политическом плане значение эпидемии чумы середины XIV в. весьма велико, так как она фактически изменила характер правления княжеством.

Однако эти сюжеты лежат на поверхности. Несколько реже исследователи обращались ко второму аспекту этой темы – мировоззренческим оценкам эпидемии, когда мор воспринимался как часть христианской картины мира. Основным источником для изучения истории эпидемий как части истории культуры служит литература, создававшаяся церковными деятелями. Сюда входят летописи, жития святых и тексты священнических поучений.

Читая эти документы, невольно обращаешь внимание не столько на то, *что* описывает тот или иной источник, сколько на то, *как* он это описывает.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на то, чего *не было* в летописях. Например, исследователь, желающий получить информацию о том, как от чумы умерли упоминавшиеся нами выше церковные и светские сановники, окажется в тупике.

Дело в том, что смерть представителей знати напрямую никогда не связывалась с эпидемией. Летописцы ограничивались лишь упоминанием о факте смерти, не связывая ее с мором.

Именно так описывается смерть 11 марта 1353 г. митрополита Феогноста («преставися пресвященный Феогност митрополит всея Руси...»), сыновей великого князя московского Симеона Ивановича («...на той же недели преставишася два сына великого князя Семена, Иван да Семен») и самого великого князя («тое же весны априля 26 преставися великий князь Семен Иванович и положен бысть в церкви архангела Михаила на Москве»).

Также нигде прямо не говорится о том, что епископ Василий Калика умер именно от чумы. Летописец говорит о том, что епископ, побыв в охваченном чумой Пскове, уехал оттуда, в дороге

заболел и, «мало поболел», скончался – читателю словно предлагается самому догадаться, отчего умер новгородский епископ¹.

В житийных произведениях тема «черной смерти» также всплывает крайне редко. Например, известно, что Сергей Радонежский был в Нижнем Новгороде во время второй пандемии чумы, охватившей практически все Поволжье. Однако этот факт никак не отражен в его житии.

Нужно заметить, что в русских летописях об эпидемии 1353 г. говорится лишь применительно к окраинам Московского великого княжества, либо к новгородским и псковским землям. У несведущего читателя вообще может сложиться ощущение, что эпидемия обошла саму Москву стороной, однако повальные смерти в великокняжеском доме свидетельствуют об обратном.

И здесь мы подходим к тому, как понималась эпидемия некоторыми древнерусскими книжниками. Этот взгляд для раннего периода русской истории очень неоднороден. В более ранний период эпидемии воспринимались как проявление сил Антихриста, но действующих по Божественной воле.

Например, эпидемия, происшедшая в 1092 г. в Полоцке, трактовалась двояко. Книжник (составитель летописи) считал, что главными действующими лицами эпидемии являются бесы, которые скачут по улицам города в поисках живых людей. При этом он отмечал, что бесы не по своей воле устроили мор, но по Божьему соизволению. Книжник противопоставляет свой взгляд взглядам на эту эпидемию простых горожан – в полном соответствии с языче-

¹ Здесь имеет смысл отметить еще одну интересную деталь. Известно важное историческое событие – Феррарский собор (1438–1439 гг.), где предпринималась попытка заключения союза между православными церквями и католической церковью. Начавшись в Ферраре, заседания собора в 1439 г. были перенесены во Флоренцию, так как в Ферраре началась эпидемия чумы. Густынская летопись отмечает, что чума пришла, естественно, «божьем попусшением». Однако подробные записки об этом соборе непосредственного участника русского посольства (которое возглавлял митрополит Исидор) абсолютно ничего не говорят о море в Ферраре. Возможно, автор этих записок не хотел внушать своим читателям мысль о том, то эпидемия разразилась именно в Ферраре как Божье наказание участников собора, обсуждавших унию между православной и католической церквями.

скими представлениями они считали, что это духи мертвых мстят живым людям. В Радзивилловской летописи текстовое описание этого события дополнено весьма впечатляющими миниатюрами, которые позволяют судить о том, как древнерусский художник XV в. представлял себе бесов.

Однако позже этиология мора претерпевает изменения. В середине XIII в. Серапион Владимирский уже соотносит мор с Божьей карой (наряду с нашествием монголов и прочими событиями), которая осуществляется самим Господом: «Вот уж к сорока годам приближаются страдания и мучения, и дани тяжкие на нас непрестанны, голод, мор на скот наш, всласть хлеба своего наесться не можем, и стенания наши и горе сушат нам кости. Кто же нас до сего довел? Наше безверье и наши грехи, наше непослушанье, нераскаянность наша!».

Иная этиология эпидемии предлагается книжником (одним из составителей Густынской летописи) применительно к эпидемии в западнорусских землях в 1286 г. Здесь уже эпидемия не связывается с Божественной карой, но с коварством татар – хан Ногай привлек русских князей для похода в польские земли, а после этого успешного похода татары якобы отравили воды русских рек, чтобы расправиться со своими недавними союзниками. Причем сделано это было весьма изощренно: «Иземше бо сердце человеческое, мочаху во яди аспидномъ и полагаху в водах... И от сего великий мор бысть по всей Руской земле» [8, с. 126–127].

Впрочем, позиция Серапиона Владимирского оказалась более привлекательной – на многие десятилетия эпидемия стала восприниматься как болезнь, возникавшая как Божье наказание.

Нельзя не отметить, что в более поздний период (в начале XVI в.) псковский летописец, говоря о Божьей воле, разделяет болезнь и мор: «... и беды всякие наводит, или глад или рать или *болезнь* или *мор*, напасти и скорби» [7, стб. 21].

Такое разделение не случайно. Эпидемия – Божья кара, и ее лечение – дело заведомо бесперспективное. Главным действием могли стать теотерапевтические меры – крестные ходы, сооружение «обывденных» церквей и т.п. Правда и здесь церковные писатели не были полностью единодушны.

Иногда сакрализация мора идет рука об руку с его объяснением естественными причинами. Например, в «Летописи Авраамки» ее составитель, признавая, конечно же, божественное происхождение эпидемии 1350-х гг., тем не менее отметил, что она пришла из Индии, из града Гелиополя.

Интересно, что религиозная этиология мора никак не отразилась на пантеоне святых русских земель. На Руси не сформировался культ особенных «противочумных» святых. Например, в западноевропейской традиции существует св. Рох (возможно, собирательный образ нескольких святых), по преданию живший во 2-й половине XIII – 1-й половине XIV в. Культ этого святого, зародившись в Монпелье, проник в Северную Италию. Ничего подобного в средневековой Руси не было. С чем связано отсутствие отдельного святого? Возможно несколько ответов. Эпидемии в древнерусских землях не носили такого «повального» характера и часто ограничивались каким-либо регионом, а то и городом с его округой. Кроме того, они были относительно кратковременными, что связано со спецификой климата Русской равнины – теплое лето сменяется очень холодной зимой, а зимний холод, как правило, прекращал эпидемию. Возможно поэтому православная церковь не стала связывать либо уже известного святого с эпидемией, либо канонизировать нового святого.

Чума XIV в. оставила неизгладимый след в западноевропейском социуме. Можно ли говорить о таком же влиянии на древнерусскую жизнь? Вряд ли. Конечно, масштабы бедствия были огромны, однако они были несравнимы с масштабами западноевропейскими. В русских источниках иногда говорится о том, что население некоторых городов полностью исчезло. В литературе даже утвердилось мнение, что некоторые города перестали существовать именно после эпидемии. Например, долгое время считалось, что перенесение древнего города Белоозера на территорию, занимаемую ныне городом Белозерском, было связано именно с эпидемией середины XIV в. Такая точка зрения появилась еще в дореволюционной историографии и вполне утвердилась уже в историографии советской [3, с. 58; 6, с. 77]. Однако, как показали новейшие археологические исследования, процесс деградации Белоозера начался гораздо раньше – еще в конце XIII в. Также летописи, отмечая ог-

ромные людские жертвы от эпидемий 1352 и 1364 гг., тем не менее не говорят прямо о запустении *города* Белоозера, расширяя зону эпидемии на все белоозерское княжество: «В Глухове... вси изомроша, сице же и на Белоозере», «А на Белоозере тогда ни един жив обретесе». Очевидно, что летописи несколько сгущают краски — если бы скончались все жители Белоозера и всего княжества, то непонятно, откуда взялось население, проживавшее на этой территории в 1370-е–80-е гг. Густынская летопись, описывавшая в основном события, происходившие в западнорусских землях, вообще обходит тему чумы середины XIV в. Хотя, конечно, масштаб эпидемии был огромен.

В повседневной культуре Великого княжества Московского эпидемии XIV в. важны потому, что именно в этот период окончательно оформляется взгляд на эпидемию как на Божье наказание, которого невозможно избежать, но только «отмолить». Смерть от эпидемии светских и церковных сановников не афишировалась, так как факт такой смерти мог бросить тень на носителей власти. Конечно же, такой взгляд способствовал распространению эпидемий, увеличению смертности от них.

Лишь в начале XVI в. псковским наместником дьяком М. Мунехиным предпринимаются первые попытки обезопасить жителей Пскова от эпидемии, организовав карантин зараженных улиц. В середине – 2-й половине XVI в. карантин становится важной частью противозидемических действий, хотя вопросы о лечении и профилактике эпидемических заболеваний по-прежнему трактуются исключительно с точки зрения теотерапии.

Таким образом, история моровых поветрий в средневековой России находится в тесной связи с историческим контекстом и историей средневековой православной культуры и нуждается в более глубоком и детальном исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960. 397 с.
2. Высоцкий Н.Ф. Чума при Алексее Михайловиче. Казань, 1879. 25 с.
3. Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М., 1973. 216 с.
4. Дёрбек Ф.А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб., 1905. 385 с.
5. Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 97.
6. Кучкин В. А. Города Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (число и политико-географическое размещение) // История СССР. 1990. № 6.
7. Псковские летописи. Вып. 1. Л., 1941. 148 с.
8. ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003. 202 с.
9. Эккерман В. Материалы для истории медицины в России. История эпидемий X–XVIII вв. Казань, 1884. 55 с.

КЛИМАТИЧЕСКИЙ И ЭПИДЕМИЧЕСКИЙ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ШИБАНИДОВ В XV–XVI ВВ.

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябина

Сибирские государства Шибанидов XV–XVI вв. были частью постордынского мира. Глобальность этого пространства и формальная открытость политических границ позволяла позднесредневековымномадам в случае возникновения кризисных ситуаций перекочевывать на иные территории. Однако на протяжении первой четверти XV века в процессе распада постордынского пространства на разных его территориях укрепились династии различных потомков Джучи, под властью которых сформировались новые ханства, разделивших степные пространства. Возникновение периодических кризисных ситуаций потенциально приводило к тому, что перекочевка приобретала характер завоевания новой территории.

В начале 1420-х гг. после почти сорокалетнего периода власти Тука-Тимуридов при поддержке мангытских мирз, кочевья которых располагались непосредственно на территории бывшего «Улуса Шибана», выдвигаются ханы из династии Шибанидов. За одно десятилетие к ханской власти пришли Хаджи-Мухаммад, Джумадук, Хизр, Махмуд-Ходжа, представлявшие разные шибанидские кланы и пользовавшиеся поддержкой различных узбекских племен. В результате в 1429 году на юге Западной Сибири сформировалось первое из шибанидских государств этой территории – Узбекское ханство Абу-л-Хайра, престольное место которого располагалось в Чимги-Туре. По сути, его образование стало первым этапом складывания Шибанидского ханства, постепенно включившего в свой состав территории от юга Западной Сибири и Приуралья до Приаралья и присырдарьинского региона. На протяжении XV века его лидеры из числа потомков самого Абу-л-Хайра или его конкурента Едигера, а также внуков Хаджи-Мухаммада (т.н. «сибирские Шибаниды» в Тюменском ханстве), претендовали не столько на власть над конкретными террито-

риями, сколько на контроль над всеми кочевьями и племенами «шибанцев». Одновременно с этим часть из них, например, тюменские лидеры Ибрахим и Мамук, владели титулом «Шибанского царя» [21, с. 242–243; 22, с. 95], что, скорее всего, позволяло им, как и Абу-л-Хайру [19, с. 95], считаться «Ханами-и Бузург», то есть Великими ханами. В связи с этим возникает вопрос о том, почему Шибаниды сумели укрепить свою власть именно в 1420-е гг.?

Не вдаваясь в политические перипетии этой истории, отметим, что в истории шибанидской государственности юга Западной Сибири существует и некоторое число иных «белых пятен», которые особенно заметны при междисциплинарном подходе к исследованию. Например, на территории Среднего Притоболья долгое время не удавалось выявить археологических памятников золотоордынского времени, но за последние 5 лет было выявлено более 20 местонахождений монет, зеркал, предметов вооружения золотоордынского времени [14, с. 292–298]. При этом нам неизвестны археологические памятники XV века в лесостепной и степной зоне Западной Сибири. В XVI веке в подтаежной зоне, по данным летописей, существует некоторое (точно не установленное именно археологическим путем) число городков татарских и тюркских групп населения. При их изучении на востоке Сибирского ханства выявлен схожий тип керамики, который исследователи считают присущим именно населению этого государства [18, с. 127–134]. В результате возникает определенное число противоречий между довольно подробными политическими и этнокультурными реконструкциями по письменным источникам и невозможностью их аргументировать археологической составляющей.

Отчасти это может быть объяснено как неясностью критериев выделения этих объектов, так и сохранением кочевого образа жизни в рамках т.н. «урало-аральского цикла» как престижного для ханского двора и аристократии, и, возможно, использовавшегося и иными группами населения. Интересно то, что на картах А.Ортелиа (1570 г.) и Й.Хондиуса 1606 г. фиксируется «Zibierairorum Horda», то есть искаженное «Орда сибирских татар» [26, с. 124; 27, с. 90], которая располагается в степях к северу от Туркестана и Мавераннахра. Для начала XVII века такое смещение могло бы быть объяснено уходом

потомков Кучума вместе с лояльными группами населения к югу под давлением русского завоевания и колонизации Западной Сибири. Однако для более раннего времени представляется, что оно отражает именно процесс кочевания и размещения ханских зимовок Шибанидов далеко на юге степной зоны. Вполне возможно, что это и были те земли, которые бухарский хан Абдаллах II просил Кучума уступить лидеру Алтыулов Аулие как условие заключение тройственного союза против русских воевод [2, с. 236–237].

Фактор кочевания отчасти недооценивается исследователями, которые пытаются выстроить границу Сибирского ханства как нечто стабильное, постоянно функционирующее и укрепленное крепостями [17, с. 70–78]. Наверное, это оправданно для юго-восточной границы ханства периода правления Кучума, где набирало обороты противоборство с калмыками, но не работает в западных и южных контактных регионах, которые при совместном использовании с Ногайской Ордой и с учетом многочисленных брачных связей Шибанидов и Едигеевичей явно рассматривались как внутренние. Сами маршруты кочевий сибирских Шибанидов и их окружения выходили за пределы реконструируемых границ, заставляя нас перестать рассматривать это ханство как сугубо региональное явление. При этом необходимо понимать, что значительные территории степей Северного и Западного Казахстана даже в XVI веке, кроме кратковременного расцвета казахской государственности при Хакк-Назаре в 1550–1570-х гг., использовались именно Шибанидами и ногаями. Номадный образ жизни сибирской аристократии был явно схож с навыками хозяйствования их ногайских родственников и союзников, чья деятельность фактически не оставила после себя археологических следов. Обратим внимание на то, что исследования Г.Х.Самигулова позволяют говорить о возможном кочевании местных тюркских групп не только с севера на юг, но и через Уральские горы [24, с. 231–232]. Это объясняет известное сообщение Павла Иовия от 1525 года: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам» [10, с. 28–31], то есть размещал их на границах Казанского ханства в Приуралье; скорее всего, речь шла о притоках Камы.

Еще одним «пятном» является постоянно встречаемое в источниках устремление шибанидских ханов, а также окружающих их татар, к смещению кочевий к югу в приаральскую и присырдарьинскую зоны. Это заметно даже на фоне периодических попыток захвата земель Поволжья, особенно в Казанском ханстве, а также постепенного продвижения в таежную зону. Центральноазиатское направление проявлялось как в походах, так и переговорах хана Абу-л-Хайра вокруг власти над Хорезмом и иными городами и вилайетами по Сыр-Дарье. Первая попытка Абу-л-Хайра в 839 г.х. (27.07.1435–15.07.1436) вернуть себе кочевья на Сырдарье с центром в Сыгнаке провалилась именно по причине начавшейся в этом городе чумы [19, с. 152]. В результате эти процессы привели к реальному смещению политического центра Узбекского ханства из Северного Казахстана и лесостепи Западной Сибири на Сыр-Дарью в 1447 году (Маслюженко, 2012). Не менее важным было стремление уже тюменского хана Ибрахима сохранить за собой захваченные у Абу-л-Хайра улусы и юрты на той же реке в 1460–1470-е годы [19, с. 26]. Несомненно, что все это приносило дивиденды в форме участия в торговле, в том числе пушниной, а также позволяло обеспечить лояльную аристократию военной добычей в рамках институтов престижной экономики. В конечном итоге отчасти эта «южная» тенденция могла быть обусловлена и памятью об «отцовых кочевьях», ведь выделенные в 1242/3 гг. основателю династии, Шибану, летовки и зимовки земли между Уралом с притоками и Сыр-Дарьей с ее притоками сохранялись за его потомками еще в период Великой Замятни [1, с. 104]. Они могли быть утрачены по мере расширения там владений Тука-Тимуридов, а в большей степени под давлением эмира Тимура и его потомков. При этом стремление сохранить и увеличить владения в приаральском и присырдарьинском регионе сочеталось с тенденцией постепенного продвижения к северу в лесостепную и таежную зоны Западной Сибири, слабо пригодную для традиционного кочевого хозяйства, но выгодную доступом к пушным ресурсам. Это особенно заметно на примерах кочевания Ибрахима в 1470-е гг. под Тюменью, присоединения в результате деятельности Тайбугидов в конце 1490-х гг. Сибирской земли и переноса в Искер формальной столицы в 1563 г.

Эти факты показывают постепенное продвижение владений Шибанидов в глубь лесостепной и таежной зоны, довольно неудобной для традиционного хозяйствования кочевников.

Однако, всех этих объяснений абсолютно недостаточно для понимания процессов начала XVI века, когда Шибаниды и их окружение, видимо, массово покидают лесостепную зону и даже северную степную зону. Миграции были связаны с военными походами внука Абу-л-Хайра, Мухаммада Шейбани, вокруг которого сформировалась большая коллектив его родственников. Т.И.Султанов выделил отдельную миграционную волну 1510–1511 гг. в Приаралье под руководством детей Буреке б. Едигера, Ильбарса и Бильбарса [13, с. 210–211]. При этом в историографии не рассматривался, насколько нам известно, вопрос о том, где были изначальные кочевья последних. По косвенным данным они могли быть на территории Ногайской Орды, где около 1490 года братья Буреке (Берке), Аминек и Абак, стали ханами [23, с. 33–34]. В целом эти тенденции имеют много общего с описанным выше южным направлением политики Шибанидов. Время этих походов-миграций совпадает с конфликтом в Тюменском ханстве между двумя ханами – дядей Агалаком б. Махмудеком и его племянником Кутлуком б. Ибрахимом. В результате первый из них вместе с двоюродным братом Ак-Куртом б. Сайидек был вынужден около 1505 года уйти к ногаям и начать переговоры о занятии казанского или касимовского престола с московскими великими князьями. Кутлук еще в 1507 году пытался совершить поход в Приуралье, после провала которого, видимо, свернул свою деятельность. Любопытно, что он был первым из местных Шибанидов, кто именовался «сибирским царем» [4, с. 264], что связано с присоединением к Тюмени Сибирской земли, которое было совершено бывшими тюменскими беками Тайбугидами. Провал Кутлука по времени совпадает с формированием кочевой орды Ильбарса и Бильбарса, причем на юге оказывается и брат Кутлука, Муртаза, который участвовал в борьбе за Мавераннахр [20, с. 65].

Миграции и походы в Центральную Азию довольно неплохо объясняют и значительную смену племенного состава в окружении Шибанидов к середине XVI века в сравнении с периодом Абу-л-Хайра. При нем в начале формирования его ханства были представи-

тели омаков (племен) буркут, кыйат, конграт, найман, кушчи, мангыт, барак, уйшун и связанных с ним тюмен и дурман, тубай, уйгур, курлаут, кытай, джат (чат), тархан и ряда других [19, с. 16–17]. В конце XVI – начале XVII вв. в окружении Кучума и его потомков фиксируется уже гораздо меньшее число племен (мангыт (ногай), буркут (Тайбугин юрт), бачкир, киныр, терсяк, катый, сынрян, бекатин, салжиут). Понятно, что часть из них явно имеют истоки в предшествующее время, но, как минимум, четыре из них рассматриваются в историографии как тюркизированные угры [16, с. 63–64].

Судя по источникам, ушедшие племена концентрируются в южных степях, по Сырдарье и в Приаралье, где участвуют в формировании Бухарского и Хивинского ханств, а также южных кочевий ногаев. Миграция была настолько велика, что к концу первой четверти XVI века сами Шибаниды фактически не фиксируются источниками на юге Западной Сибири, хотя здесь и сохраняются группы тюменских и шибанских татар [5, с. 157, 164, 181]. От имени Шибанидов Сибирью правит ногайский мирза Шейх-Мамай и местные аристократы, например, беки-Тайбугиды из буркутов. Собственно правящие династии, видимо, постоянно кочевали на самом юге степной зоны, а в Сибирь могли приходить лишь на несколько месяцев на летовки и для сбора ясака. Северные столичные центры (Чимги-Тура и особенно после 1563 года Искер-Сибирь) были именно презентационными центрами власти, а не местом постоянного проживания и размещения ханской ставки. В результате этих процессов в 1530-х гг. Шибаниды даже утратили контроль над Чимги-Турой, которая была захвачена угорскими (скорее всего, пельмскими) князьями. Возвращение Шибанидов в лице Муртазы и его сыновей Ахмад-Гирея и Кучума в сибирские владения было вызвано попыткой Тайбугидов провести сепаратные переговоры с Москвой, что узурпировало исключительно ханское право на ведение внешней политики [указанные исторические тенденции были рассмотрены одним из авторов: 15, с. 177–195].

Все вышеуказанные исторические события могли быть связаны не только с действием политических факторов, но и вызваны влиянием иных, например, климатических изменений, которые имели решающее значение для кочевого мира. Борьба Шибанидов и станов-

ление государственности этой династии происходили на фоне неоднократного повторения засухи, сильного голода и мора (в том числе эпидемии чумы) между 1420–1429 гг. в Поволжье и русских землях [3, с. 290–291]. Судя по аналогичным случаям в период перед Великой Замытней, засуха, голод и эпидемии могли затронуть гораздо большие территории, в том числе и не упоминаемые в источниках этого времени владения Шибанидов на Южном Урале и прилегающих степных территориях. Так, ал-Макризи пишет о моровой язве в 832–833 г.х. (11.10.1428–18.09.1430 гг.) в землях Сарайских и Дештских, а В.Г. Тизенгаузен указывал в комментариях, что подобная болезнь фиксируется и в 841 г.х. (5.07.1437–23.06.1438 г.) [9, с. 198]. Влияние этих факторов могло привести к концентрации значительных усилий Шибанидов на расширении своих традиционных владений к северу от зауральских степей в Юго-Западную Сибирь и возобновлении борьбы за присырдарьинский регион. С учетом указанных сложностей понятно и стремление узбекской племенной аристократии найти выход из сложившейся ситуации, для чего, в частности, было необходимо потеснить в Центральной Азии Тимуридов, и такие попытки предпринимались узбекскими войсками уже в 834 г.х. [11, с. 378], то есть сразу после моровой язвы в Деште.

Алтайские исследователи А.А. Тишкин и Н.И. Быков также констатировали фактическое отсутствие памятников XV века на Алтае и в Верхнем Приобье. Они посчитали, что это может быть связано с ухудшением климатических условий. В качестве аргументов этой точки зрения авторы приводят данные о том, что с 1430-х гг. началось снижение прироста у деревьев на Алтае и северной границе лесов в Сибири [25, с. 123–124]. Обратим внимание, что этот процесс совпадает как с указанными ранее голодом и эпидемиями, так и с процессом консолидации узбекских номадов под властью Абу-л-Хайра, под руководством которого начинается подвижка кочевий на юг. Своего пика процессы похолодания достигли в последнее десятилетие XV века, в 1500-е гг. по всей европейской части фиксировались крайне суровые и снежные зимы при засушливых или наоборот очень дождливых летних периодах, которые сопровождались периодическими эпидемиями или голодом [3, с. 306–307; 12, с. 318]. По времени это максимально сближается с

массовыми откочевками в присырдарьинский регион и крахом тюменских лидеров в первое десятилетие XVI века. Тенденция похолодания сохранялась на протяжении всего этого столетия, то есть продолжались холодные летние вегетационные периоды и усиление суровости зим. При этом зимы в степной зоне, в том числе на юге Западной Сибири, сопровождались обильными осадками и значительным снежным покровом, что было неблагоприятно для круглогодичной тебеневки скота, а, следовательно, было чревато уменьшением размеров стад.

Т.Н. Жилина отмечает, что пик малого ледникового периода в Западной Сибири проявляется с 1550-х гг.: «о синхронности проявления МЛП на европейской территории России и в Западной Сибири говорить сложно, но именно со второй половины XVI в. на Руси учащаются количество экстремальных природных явлений и их непостоянство (раннее наступление холодов, суровость зим, поздние весны, наводнения и т.д.).» [8, с. 206, 210]. Понятно, что количество и возможности кочевников напрямую зависят от существующего стада, а его размеры ограничены продуктивностью и размерами пастбищ. В результате несовпадения этих факторов в рамках кризиса усиливается внешняя экспансия, происходит отток населения, а также частичный переход к оседлости и земледелию. Известно, что переговоры Тайбугидов и Шибанидов с московским царем Иваном IV в 1555–1563 гг., которые велись при поддержке различных ногайских аристократов, пришлось на довольно сложные годы в степях, которые привели к большому голоду у ногаев. Его предвестники были заметны еще в 1555 году и усугублялись затяжной степной засухой. Энтони Дженкинсон сообщает, что голод у ногаев в 1558 году, совпав с усобицами и мором, достиг такого размаха, что «померло до 100 тысяч человек... Ногайская земля... остается теперь не населенной» [6, с. 38–39].

В описанных условиях в рамках сибирской государственности было два возможных решения – это уход на юг, в более теплую зону, или же, напротив, в предтаежную зону, где сосредоточено большее количество необходимых ресурсов [25, с. 124]. В первом случае это объясняет тенденцию ухода тюменской и сибирской аристократии в Приаралье и присырдарьинский регион, где они

могли сохранить свой традиционный образ жизни при минимальном контроле над сибирскими пространствами с помощью соответствующих администраторов. Во втором – становится понятной причина формирования оседлых поселений («городков») на севере и востоке Сибирского ханства во второй половине XVI века, сопровождавшееся переходом к полной или частичной оседлости отдельных тюркских и татарских групп населения. Эти же тенденции отчасти объясняют и переход от степной политики Узбекского и Тюменского ханств XV века к лесостепному и таежному направлению в политике Сибирского ханства в XVI веке.

Интересным нюансом данной темы может быть политико-антропологический аспект того, как кочевники представляли себе хана и ханскую власть в связи с разразившимися катаклизмами. Ю.И. Дробышев пишет о том, что «высшая, космологическая функция монгольского кагана аналогична таковой китайского императора и как будто скопирована с неё. И тот, и другой представляют собой ключевые фигуры Универсума, ибо их сверхзадача – воспринимать в себя и переносить в земной мир благу небесную силу (хуч или дэ соответственно, у древних тюрков она была известна под именем кут), гармонию, благодаря которой растут травы и плодятся скот, текут реки и стоят на своих местах горы, а люди пребывают в добром здравии и согласии. Таким образом, они несли персональную ответственность за благополучие как своих подданных, так и их среды обитания. Различные неблагоприятные или опасные явления природы, болезни, падеж скота, военные неудачи и т.п. обычно расценивались как неприятие Небом данного правителя и могли свидетельствовать об утрате им силы и, следовательно, права на власть» [7, с. 278–279]. Не может ли это объяснять наблюдаемую нами частую смену ханов в 1420-е гг. именно благодаря усиливающемуся влиянию кочевой аристократии и поиску того лидера, кто действительно владеет «мандатом Вечного Неба»? Одному из авторов этой статьи уже приходилось писать о том, что в период ханствования Абу-л-Хайра были восстановлены многие идеи и принципы именно предшествующих тюрко-монгольских традиций, которые были включены и в растущую исламскую культуру в качестве адатов [15а].

Высказанные идеи о возможной взаимозависимости процессов развития сибирской государственности, эпидемий и климатических колебаний носят лишь предварительный характер, что связано с косвенным характером источников. Они не могут быть обоснованы без проведения соответствующих археологических исследований с привлечением специалистов в сфере естественных наук. Однако в целом представляется, что само направление исследования может быть довольно перспективным в объяснении истории местной государственности и процессов ее вхождения в Московию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Баку, 1996. С. 3–186.
2. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 229–243.
3. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 524 с.
4. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С. 241–270.
5. Герберштейн С. Записки о Московии / под ред. В.Л. Янина. М.: Издательство Московского университета, 1998. 420 с.
6. Дженкинсон Э. Путешествие в Среднюю Азию. 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 168–192.
7. Дробышев Ю.И. У истоков имперской идеологии средневековых монголов // Общество и государство в Китае. Т. XVII, ч. 3. М.: ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2012. С. 274–314.
8. Жилина Т.Н. Малый ледниковый период как одно из колебаний климата в голоцене и его последствия в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. № 340. 2010. С. 206–211.
9. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / Сост. Р.П. Храпачевский. М.: ППП «Типография «Наука», 2003. 448 с.

10. Иовий П. Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 12–55.

11. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Алматы: Дайк-пресс, 2006. 619 с.

12. Клиге Р.К., Данилов И.Д., Конишев В.Н. История гидросферы. М.: Научный мир, 1998. 364 с.

13. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 324 с.

14. Маслюженко Д.Н. Выявление памятников золотоордынского времени на территории лесостепного Притобоя: постановка проблемы // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2015. С. 292–298.

15. Маслюженко Д.Н. Тюменское и Сибирское ханства // История и культура татар Западной Сибири. Монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С. 177–195.

15а. Маслюженко Д.Н. Тюрко-монгольские традиции в «государстве кочевых узбеков» хана Абу-л-Хайра // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3. С. 121–138.

16. Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII века // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 57–72.

17. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Границы Сибирского ханства Кучума // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 70–78.

18. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. «Татарская керамика» Западной Сибири: появление и эволюция термина // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. В 2 т. Иркутск: Изд-во Ир гТУ, 2013. Т. 1. С. 127–134.

19. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.

20. Миргалеев И.М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи опоздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II

Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.

21. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 266 с.

22. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 235 с.

23. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. / Подгот. текста, вступ. ст. М.П. Лукичева и Н.М. Рогожина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. 99 с.

24. Самигулов Г.Х. О локализации области Тахчея в XVII веке // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 224–236.

25. Тишкин А.А., Быков Н.И. Этнокультурная ситуация и природно-климатические изменения на юге Западной Сибири и Алтае в постзолотоордынское время // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.)»: Тезисы. Симферополь: Крокус, 2013. С. 123–125.

26. Тrepавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.

27. Фоменко И.К. Наследие Золотой Орды в европейской картографии XV–XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 82–95.

ФАКТОР «ЧЕРНОЙ СМЕРТИ» В ГЕНЕЗИСЕ АДЫГСКОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (XIV–XV ВВ.)

С.Х. Хотко

Черная Смерть в Черкесии: к постановке проблемы

Крупнейшая пандемия чумы 1346–1353 гг., получившая в европейской историографии (в XVII в.) образное наименование «Черная Смерть», унесла более 50 миллионов человеческих жизней на пространстве от Китая до Англии. Из этого числа порядка 25 млн. погибших приходится на Европу, население которой с 73 млн. (1300 г.) сократилось до 50 млн. (1350 г.) и затем до 45 млн. (1400 г.). Последствия пандемии сказывались на развитии мировой цивилизации более полутора веков.

Пандемия спровоцировала затяжной политический кризис в Золотой Орде, известный в русских летописях как «великая замятня». Чума опустошила западные области Золотой Орды, включая район ее столицы – Сарая. Отсюда болезнь была занесена в Крым и на генуэзских кораблях проникла в Европу. Как раз накануне «Черной Смерти» в 1346 г. ордынцы осаждали Каффу, и есть свидетельства того, что в их рядах уже свирепствовала чума [3, с. 168].

Ибн ал-Варди, умерший от чумы в 1350 г., успел констатировать, что эпидемия началась в 747 г.х. (апрель 1346 – апрель 1347 гг.) «в землях Узбековых», потом перешла в Крым, а оттуда в Рум (Византию) [30, с. 530]. Ермолинская летопись под 1346 г. сообщает о широком распространении эпидемии: «Бысть мор на берсермены, и на татары, и на ормены, и на обезы, и на жида, и на фрязы, и на черкасы, и на всех тамо живущих, яко не бе кому их погребати» [27, с. 108].

Конечно же, пандемия не могла не затронуть Черкессию, но масштаб причиненного ею урона в адыгском ареале, по всей видимости, был меньшим, чем на ордынских землях. Что позволяет

предполагать пропорционально меньший урон среди населения Северо-Западного Кавказа?

На протяжении двух третей XIII в. и всего XIV в. Черкесия, фактически, являлась одной из золотоордынских провинций. Она располагалась напротив центра Золотой Орды и не могла не испытывать военно-политического и культурного воздействия с ее стороны. Тем не менее мы знаем крайне мало о том, каким образом осуществлялся административный контроль и какой характер носил институт ханской власти в рамках адыгского этнополитического пространства. Вероятно, полномочиями ханского наместника наделялся старший князь Черкесии.

Мамлюкский энциклопедист Шихаб ад-дин ал-Калкашанди (1355–1412) при описании государства «Хорезм и Кипчак» (Золотой Орды) упоминает округ Черкес (ал-Джаркас) шестым по счету, после четвертого округа Крыма и пятого – Азова. Описание черкесского округа составляет $\frac{1}{2}$ от описания Азова и $\frac{1}{10}$ от описания Крыма. Письменным источником для ал-Калкашанди при описании Черкесии послужила только одна «Летопись» Абу-л-Фиды (1273–1331), жившего в эпоху расцвета Золотой Орды. События в ат-Тарих этого энциклопедиста доведены до 1329 г. В округе ал-Джаркас не отмечено ни границ, ни населенных пунктов: «Говорит ал-Муаййад, владетель Хамы в своей «Летописи»: он (округ – С.Х.) на Понтийском море (бахр Ниташ), на его востоке. Они [черкесы] живут в нужде. Говорит он: среди них преобладает христианская религия» [16, с. 74]. Замечание о том, что черкесы живут в нужде, видимо, продиктовано не столько знанием обстановки внутри Черкесии, сколько желанием автора объяснить причины широкого вовлечения черкесского населения в работорговлю.

На период последнего десятилетия XIII – первой половины XIV в. приходится наибольший контроль Джучидов над Черкесией. В 1937 г. Н.В. Анфимов обследовал городище Ангелинский Ерик и примыкающий могильник, расположенные в районе станицы Ивановской, от которых по прямой до берега Кубани расстояние составляет порядка 20 км. Городище расположено на условном полуострове, образуемом петлей течения Ангелинского Ерика. Н.В. Анфимов обнаружил на территории памятника две золотоордынские

монеты конца XIII в. В 1952 г. здесь работала экспедиция во главе с А.Л. Монгайтом, который, хотя и считал возможным дать широкую датировку X–XIV вв., тем не менее отметил фрагменты керамики золотоордынского происхождения (при подавляющем местном характере посуды) [26, с. 338–339].

И.В. Волков и О.В. Лопан убедительно сопоставили городище Ангелинский Ерик с городом Шакрак, о котором писал Абу-л-Фида около 1320 г.: «В конце восточного берега водоема находится город, называемый аш-Шакрак. От аш-Шакрак [водоем] больше не распространяется на восток, а поворачивает на север и продолжается в этом направлении до города ал-Азак» [1, с. 207]. Исследователи предложили свой перевод этого фрагмента: «И останавливается идущий по его восточному берегу (Азовского моря – С.Х.) у города, называемого Шакрак, а от Шакрака заканчивается дорога на восток, и поворачивает на север, и следует на север вплоть до города Азака» [11, с. 44].

Площадь Шакрака составляла от 80 до 140 га, в нем обнаружены остатки больших зданий, в том числе мечети. Вероятно, Шакрак выполнял роль опорного пункта ордынского влияния не только в степном секторе Восточного Приазовья, контролируя путь из Тамани в Азак (Тану), но и осуществлял военно-административный контроль над Черкесией. Предположительно, время существования города – последнее десятилетие XIII в. – 1364 г. Характерно, что город прекратил свое существование в начальной фазе «великой замятни» и процесса дезинтеграции государства Джучидов [11, с. 43–46].

Важно понимать, что золотоордынский контроль над Черкесией не носил тотального характера и сосуществовал с местной политической иерархией, во главе которой находился старший князь. Таковой мог вступать в переговоры с ханскими наместниками в регионе (Шакрак, Тана, Солхат) и в весьма значительной степени проводить собственный политический курс. Косвенно об этом свидетельствует сообщение И.Э. Тунманна о том, что «Ферзахт, князь цихов (*Versacht, ein Furst der Zichen*), присоединился в 1333 г. к римской церкви, и в стране этого народа с 1349 г. было учреждено в Тамани (Матриге) католическое архиепископство, в Сибе и Лукуке (*Syba und Lukuk*) католические епархии» [32, с. 65; 50, с. 1274].

Под Сибой имеется в виду феодальное владение Собай в Западном Закубанье (отмеченное Барбаро через столетие), а под Лукуком – Копа или Лочикоп, район приазовской низменности и кубанского правобережья с центром в Копе (будущем османском Темрюке) [35, с. 53; 12, с. 4–5]. По наблюдению И.В. Волкова, Лочикоп может быть сопоставлена с двумя исследованными памятниками этого периода – поселением Прорвенский 1 и поселением у Сладковского гирла [12, с. 5, 12–13]. Оба этих поселенческих памятника уверенно характеризуются исследователем как адыгские. «С этого участка побережья, – отмечает И.В. Волков, – шел самый короткий водный путь через плавни в степь, к хутору Черный Ерик, от которого далее начиналась узкая полоска сухой твердой земли, ограниченная с обеих сторон плавнями и ведущая в степь. На окраине Черного Ерика расположено поселение XV в. и относящийся к нему адыгский курганный могильник» [12, с. 13; 10, с. 158–160]. И.В. Волков отметил сходство погребального обряда населения, оставившего эти и другие памятники данного района с тем обрядом, который описан Дж. Интериано около 1500 г.

Ордынско-черкесский конфликт 1327–1332 гг. также не привел к уничтожению автономного статуса Черкесии в рамках Золотой Орды и не закончился изгнанием адыгского населения из наиболее важного экономически района кубанской дельты [14, с. 376–379].

Соответственно, первыми жертвами среди адыгов от пандемии чумы должны были стать именно те, кто расселялись на правобережье Кубани и на территории приазовских лиманов. Адыги, несмотря на Черную Смерть, сохранили за собой важнейший город и порт Матрегу, и прямо в разгар пандемии (1349 г.) римский (авиньонский) папа присылает сюда архиепископа.

Итак, западные районы Черкесии представляли собой наиболее контактную зону. Это была наиболее уязвимая с точки зрения развития эпидемических заболеваний территория. Данная контактная зона была локализована вокруг устья Кубани, которое представляет собой разветвленную сеть лиманов и островов. Дельта Кубани охватывает огромную площадь в 4300 км², из которых 1500 км² занимают лиманы [6, с. 30]. Своим географическим расположением, а также выгодными условиями для ведения разнообразной хозяйст-

венной деятельности данный район всегда привлекал автохтонное население Северо-Западного Кавказа. Кроме того, здесь было легко организовывать карантин и изолировать население того или иного острова. Жители могли на своих судах временно оставлять опасную зону и искать пристанища в незараженных участках.

В 1346–1353 гг. Шакрак должен был пострадать от чумы и, вполне вероятно, она и подкосила его демографический и хозяйственный потенциал. Речь, конечно же, не может идти о том, что кочевое население Шакрака и его округа вымерло, а черкесское осталось. Ясно, что эпидемия выкосила всех одинаково. Но вымершее черкесское население, часть которого, действительно могла уцелеть на островах и полосках суши между лиманами, было быстро замещено новым населением, вышедшим из Западного Закубанья. Тюркское же население могло быть восстановлено только в результате правительственных мер из Сарая. Поскольку пандемия охватила всю территорию Золотой Орды и нанесла особенно жестокий удар по ее городским центрам, то, скорее всего, ордынской власти было попросту не до реанимации Шакрака.

Таким образом, Черная Смерть закрепила Восточное Приазовье за черкесами. Франческо Пеголотти, флорентийский купец и государственный деятель, автор трактата «Руководство по торговле» (1335–1343), считал гавани вдоль восточного берега Азовского моря портами Зихии (Zecchia) [46, с. 54–55]. Появляются такие определения, как «Верхняя Черкесия» (Галонифонтибус, 1404 г.), «степи Черкесии» (Контарини, 1477 г.) [43, с. 107; 4, с. 220]. В 70-е гг. XV в. черкесы (зихи) указаны как непосредственные соседи венецианской Таны [38, с. 780].

Война, хаос, голод, пандемия чумы и, вероятно, еще эпидемии других острозаразных болезней привели к росту спроса на рабов. Необходимы были рабочие руки, солдаты, женщины. Б.З. Кедар подчеркивает, что «обезлюденье конечно способствовало экспорту черноморских рабов в города Италии, испытывавших острый недостаток в рабочей силе». А также и «мамлюкская армия Египта была сильно ослаблена периодическими вспышками чумы, и это приводило к тому, что султаны просили своих генуэзских поставщиков солдат-невольников поскорее восполнить потери» [42, с. 14].

Многочисленные каирские источники не оставляют сомнений в том, что население сирийско-египетского султаната Мамлюков пострадало от пандемии самым жестоким образом [47, с. 138]. Д. Айалон, П. Хольт, А. Поляк и другие признанные специалисты по мамлюкскому Египту усматривают в Черной Смерти одну из ключевых причин сокращения численности тюркских мамлюков [45, с. 67–68; 41, с. 124; 28, с. 50]. Напротив, черкесские мамлюки стали многочисленной группой мамлюкской армии [16, с. 74].

Северо-Западный Кавказ как регион, лишенный чумной энзоотии

По всей видимости, главный фактор, способствовавший предположительно меньшим потерям черкесов от Черной Смерти – почти полное отсутствие переносчиков чумы. В монографии М.П. Козлова, одного из ведущих российских специалистов по чуме, в главе о происхождении природных очагов чумы С.-З. Кавказ не фигурирует совершенно и не упоминается ни в какой связи. При перечислении ареалов распространения 15 видов сурков С.-З. Кавказ, как и Северный Кавказ в целом, не фигурирует. Такая же ситуация наблюдается и на карте известных районов энзоотии чумы среди сусликов, где граница проходит аккуратно по Кума-Манычской впадине. С востока суслик, несущий чуму, доходит до Центрального Кавказа в основном по горам южной экспозиции. С.-З. Кавказ совершенно выпал и из карты евразийской активности еще одного важнейшего разносчика болезни – песчанки. Действие чумы через песчанку охватывает Калмыкию, Астраханскую область, Азербайджан. Последний известный разносчик «убийцы» – *Microtus arvalis*, т.е. обыкновенная полевка. Она действует от Атлантики до Забайкалья, но на Кавказе «очаги чумы распространены на территории Закавказского нагорья в пределах Армении и Азербайджана и в горах Восточного Кавказа, в пределах Дагестана». В таблице «Классификация природных очагов чумы, выявленных на территории СССР» С.-З. Кавказ также отсутствует. Ареал действия переносчиков чумы подходит вплотную и включает ущелья Карачая и Балкарии, которые, наряду со Сванетией, Тушетией, Осетией и Чечней, составили так называемый Центрально-Кавказский природный очаг чумы [20, с. 41, 79–80, 87–88, 92, 94–95, 105–106].

Н.К. Верещагин отмечал, что «самые западные колонии горного суслика в 30-х годах нашего столетия (XX в. – С.Х.) были расположены по ущелью Учкулана и его притоков. Самая верхняя колония на Учкулане немного не достигала устья Махара и Джалпа-Кола. Книзу суслик не распространялся далее устья Худеса» [9, с. 286].

Наблюдения М.П. Козлова подтверждаются всеми последними исследованиями. «В настоящее время, – отмечает Е.С. Котенев с соавторами, – на территории Северного Кавказа расположены пять активных природных очагов чумы (Центрально-Кавказский высокогорный, Терско-Сунженский, Дагестанский равнинно-предгорный, Прикаспийский песчаный, Восточно-Кавказский высокогорный» [21, с. 613].

Согласно Г.В. Труфанову: «Центрально-Кавказский природный очаг чумы выявлен в 1971 г. В последующие годы, в результате исследований специалистов разного профиля (эпидемиологии, зоологии, паразитологии, бактериологии), было установлено, что очаг моногостальный, основным носителем чумы является горный суслик (*Citellus musicus musicus* Menet, 1832) и моновекторный – основной переносчик блоха – *Citellophilis tesquorum* ssp. Показано совпадение ареала основного носителя с энзоотичной территорией» [31, с. 3].

Развитие системы жизнеобеспечения у адыгов в ордынскую эпоху

Обеспеченное самой природой выпадение Северо-Западного Кавказа из обширного ареала распространения наиболее эффективных разносчиков чумы, было подкреплено весьма важными дополнительными факторами: 1) ландшафтной обособленностью ареала расселения адыгов (горно-лесистый «остров» на периферии великой Степи); 2) богатыми продовольственными ресурсами, которые обеспечивали сбалансированное, насыщенное витаминами и незаменимыми аминокислотами питание, и почти исключало ситуацию голода. А именно ослабленное голодом население несло наибольшие потери от чумы.

Одной из причин демографической устойчивости Черкесии в XIV столетии являлось поступательное развитие производящего хозяйства, в первую очередь земледелия. Почвенно-климатические

условия позволяли выращивать значительные объемы зерновых, часть которых поставлялась на внешние рынки.

Ал-Омари (1301–1349), ученый-энциклопедист, секретарь мамлюкского султана ан-Насир Мухаммада, подчеркивает существенный прогресс в развитии сельского хозяйства на территориях, подвластных Золотой Орде: «У султана этого государства (имеется в виду хан Узбек – С.Х.) рати черкесов, русских и ясов. Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодовых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя, текут реки и добываются плоды... До покорения этой страны, она была повсюду возделана. Теперь видны остатки этой возделанности. В ней растут виноград, гранат, айва, яблоки, груши, абрикосы, персики и орехи. Это остатки от прежних посевов. Впрочем, еще многое налицо в горах и имеющихся городах, несмотря на множество того, что погибло. В городах разводится много овощей – брюква, репа, капуста и др. Что касается городов черкесских, русских и яских, то у них всего этого очень много. Там много меда белого цвета, приятного на вкус, лишнего остроты» [30, с. 213, 234].

Под «городами черкесскими» можно понимать не только Матрегу и Копу, но и Шакрак. То, что речь идет преимущественно о Черкесии, доказывается самим списком плодовых культур и белого (так называемого «каменного») меда, характерных для причерноморских районов Северо-Западного Кавказа [17, с. 226].

Исследователи итальянского присутствия в бассейне Черного моря отмечают, что колонии с самого начала своего основания и вплоть до последних дней существования закупали все необходимое продовольствие у местного населения. Из ряда этих местных народов нельзя исключить адыгов. В 1268 г., во время голода в Италии, согласно сообщению Мартино Канале, автора «Венецианской хроники» (*La Cronaca dei Veneziani del Maestro Martino da Canale*), венецианский дож Лоренцо Тьеполо (*Laurens Teuple*) направил флот в Черное море с повелением закупить хлеб и привезти в Венецию: «Татары, аланы, зихи, русские, турки, армяне и греки дали в ту пору хлеб венецианцам» [40, с. 651, 654].

М. Балар отмечает, что «к востоку от Черного моря, и к востоку от Азовского моря, очень важной житницей являлась Зихия (*Zichie*).

В 1375 г., во время недостатка продовольствия в Каффе, генуэзские власти направили одного оргузия в Зихию, для закупки зерна. Пшеница из Мапы затем продавалась на каффском рынке. В 1381 г. Коммуна командировала Манфредо дель Орто в Мапу для закупки продовольствия, он отсутствовал три месяца. В реестре Массарии не указывается количество закупленного им зерна. Пять лет спустя, в то время как Каффа находилась в состоянии войны против Солхата, зерно из Зихии стало еще более необходимым. Галера Пьетро Перси производила поставки и в период между августом 1386 и июнем 1387 г., продажа пшеницы из Зихии участилась» [39, с. 399].

В том же 1386 г. «все [дипломатические] усилия были направлены в основном на правителя Зихии (Zichie) Теортобугу (Teortobogha, Татар-буга?), который контролировал Керченский пролив. Обеспокоенность за стратегическую безопасность и обеспечение продовольствием Каффы спала после того, как несколько генуэзских посланников смогли закупить хлеб и продукты питания у правителя Зихии» [39, с. 461].

С.П. Карпов также подчеркивает значение Зихии как житницы: «В XIV–XV вв. Северное, Северо-Западное и Восточное Причерноморье (особенно район Зихии) оставались житницами как для итальянских морских республик, так и, особенно, для Южного Причерноморья и Константинополя» [19, с. 29]. Венецианский дипломат Иосафат Барбаро в середине XV в. отмечал зажиточность черкесов: «Хлеба в той стране много, а также мяса и меда, но нет вина» [4, с. 153]. Жители Каффы в сентябре 1455 г. писали в Геную об остром недостатке продовольствия и, в первую очередь, хлеба. На закупки зерна в Зихии и Турции надеяться не приходилось по причине враждебности отношений [37, с. 368].

Тема изобилия хлебаи, в целом, продовольствия очень часто сопровождала описаниям Черкесии в последующие века. В 1551 г. Реммал Ходжа подчеркивал изобилие продовольственных запасов в хатукаевских селениях: многотысячная ханская армия могла, по его наблюдению, кормиться здесь более месяца [49, с. 259]. Особенно много таких сообщений было сделано в периодКавказской войны. В рапорте полковника Геннинга, командующего войсками в укреплении Белореченском, начальнику Правого фланга Кавказской линии

генерал-майору Дебу (1856 г.) сообщалось об уничтожении двух бжедугских аулов Габукай и Татархабль: «В обоих аулах более ста дворов, с огромнейшим запасом в складах разного хлеба, с запасом, который можно бы только найти в самом предприимчивом земледельческом обществе» [29, л. 12 об. – 13].

Население западных районов Черкесии занималось добычей и заготовкой рыбы в промышленном масштабе. В могилах одним из наиболее распространенных предметов погребального инвентаря являются рыболовные снасти – крючья и грузила [15, с. 128–129]. Мы можем быть уверены в том, что рыба являлась важнейшим алиментарным источником для жителей дельты и среднего течения Кубани. На это обстоятельство прямо указал Интериано: «Пища их состоит главным образом из той рыбы, которую они называют теперь *antisei* так же, как в древности [она называлась] у Страбона, в действительности же это – осетры, больших и меньших размеров» [2, с. 51].

Известно, что в Западной Европе, где Черная Смерть нанесла наибольший урон, неожиданно мало подверженными заболеванию оказались жители Нидерландов. Авторы «Истории Европы» отмечают в этой связи, что «в прибрежных районах Нидерландов, где традиционно потребляют больше рыбы, чем зерновых продуктов, смертность не достигает столь высокого уровня (как в целом по Европе – С.Х.)» [3, с. 168].

Одним из существенных факторов, которые ослабляли популяцию, являлось хроническое недоедание. Так, демографический кризис в Англии начался еще до Черной Смерти из-за частого голода. Ф. Бродель приводит характерный отзыв о положении с обеспечением продовольствием в Генуе после ликвидации ее факторий в бассейне Черного моря: «6 ноября 1572 г. Джованни Андреа Дориа писал Дону Хуану Австрийскому: «Вашему Высочеству следует знать, что, поскольку *на территории Генуи не выращивают хлеба* (выделено нами – С.Х.), а других съестных припасов недостаточно, здесь очень многие живут в нищете, не только в горах, но даже в городе. Бедняки едва сводят концы с концами, особенно зимой, когда к недостатку хлеба прибавляется нужда в теплой одежде, а зарабатывать на это нечем. Таким образом, – завершается письмо, – этой весной в Генуе можно набрать добровольных каторжников на

шиурмы для десяти галер». Вот убийственное свидетельство о Генуе – городе банков» [7, с. 352]. В целом, «ввиду ограниченности посевных площадей Средиземноморье всегда находится на краю голода» [7, с. 338].

На территории С.-З. Кавказа действовала совокупность факторов, обеспечившая большую степень устойчивости его населения: исключительные почвенно-климатические условия при просто невероятной концентрации природных запасов плодовых (яблони, груши, каштана и пр.); развитая система жизнеобеспечения, основанная на лесопольной и лесо-садовой системах хозяйствования; полноценное питание, насыщенное витаминами. Кроме того, на устойчивость популяции могли воздействовать дополнительные хозяйственные и пищевые факторы, о значении которых можно пока только догадываться. В числе таковых, например, развитие козоводства. Основное животное в стаде у черкесов в эти века, вплоть до середины XIX в. – коза [34, с. 261; 22, с. 58–59; 18, с. 49–51]. Известно, что козье молоко и мясо отличаются высокими питательными и целебными свойствами, способствующими устойчивости организма кразного рода возбудителям. Можно полагать, что эти свойства продуктов козоводства осознавались адыгами на эмпирическом уровне. Адыгская пословица гласит: «Мэл зыхэва нэхрэ бжэн зыхэпкIа» («[Бульон], в который скакнула коза, предпочтительнее того, где варилась овца»).

«Природно-климатические особенности этнической территории адыгов, – отмечает М.Ю. Унарокова, – способствовали формированию с древнейших времен симбиозного хозяйства, которое обеспечивало традиционную систему питания стабильной поли-структурной сырьевой базой и широко разработанной номенклатурой блюд». И не менее важно, в частности: «Сортовая структура адыгского садоводства обеспечивала употребление свежих фруктов в течение круглого года» [33, с. 131–132].

Противоэпидемические средства (карантин, прививание) и гигиенические представления

Очень важно, например, то обстоятельство, что адыги не хранили муку и не перемалывали зерно в муку в больших объемах.

Всякий раз на ручных мельницах хозяйки приготавливали немного муки для пасты или выпечки хлеба для одного-двух дней или, как максимум, на неделю вперед. Соответственно мука была не доступна грызунам и не представляла источника заразы. Внутри страны зерно перевозилось только в тех случаях, когда случался неурожай в одном или нескольких районах. Как правило, каждая местность довольствовалась тем, что производилось в ее пределах. И речь не идет о натуральном хозяйстве, поскольку адыги в большом объеме продавали зерно за рубеж. Черкесия, наверное, никогда не завозила зерно, но всегда экспортировала его. От чумы же страдали как раз те страны, которые снабжались хлебом из-за рубежа. Склады зерна в портовых городах были самым действенным источником вторичных вспышек болезни.

В адыгском хозяйстве зерно хранилось в клетях, поставленных не непосредственно на столбы, но на большие плоские камни. Таким образом, само зернохранилище было полностью избавлено от возможности проникновения грызунов. В. Борисов, изучавший сельскохозяйственный опыт черкесов, писал: «амбары они устраивали на высоких столбах в 1,5–2 арш. вышиной, на каждый столб накладывалась широкая тонкая каменная плита, которая заменяла те чугунные колокола, которые употребляют в Англии на столбах подстожья для воспрепятствования проникновения мышей в стоги» [5, с. 641].

Тэбу де Мариньи отмечал в 1820 г., что Мехмед Индароко (Чупако), тлеотлеш из Пшады, объявил на своей территории **карантин**, позволивший избежать жертв от чумы, занесенной из Анатолии [23, с. 151]. Черкесы не только устраивали карантин, но и прекращали сельскохозяйственные работы, чтобы не собираться большими группами. Так, в бухте Чепсин Дж. Бэлл наблюдал погрузку зерна для отправки в южную часть черкесского побережья: «В бухте была большая лодка, занятая погрузкой провиантов для южной области, где обработка земли была в прошлом году прекращена из-за **чумы**, туда занесенной» [8, с. 95].

Народная медицина адыгов эмпирическим путем выработала уникальное средство по борьбе с таким опасным эпидемическим заболеванием, как оспа. Клод Адриан Гельвеций писал: «Как много мы обязаны легкомысленной черкешенке, которая, желая сохранить

свою красоту или красоту своих дочерей, первая решилась привить себе оспу! Скольких детей оспопрививание вырвало из когтей смерти! Может быть нет ни одной основательницы монашеского ордена, которая оказала бы миру столь же великое благодеяние и тем самым заслужила бы его благодарность» [13, с. 255]. В числе первых спасенных детских жизней в Европе были особы королевских домов.

Сведения Гельвеция подтверждаются французским дипломатом Абри де ла Мотрэ, посетившим Черкесию в 1711 г.: «Я находил черкесов все более красивыми, по мере того как мы продвигались между гор. Так как я не встречал никого, отмеченных оспой, я пришел к мысли спросить их, нет ли каких-либо секретов, чтобы гарантировать себя от опустошений, который этот враг красоты производил среди стольких народов. Они мне ответили утвердительно и сообщили, что это средство заключается в том, чтобы привить ее или передать тем, кого надо этим предохранить, взяв [гной] зараженного и смешав с кровью путем уколов, которые им делали. Я решил поэтому посмотреть операцию, если это возможно, и с этой целью я осведомлялся во всех селениях, через которые мы проходили, имелись ли там лица, над которыми это проделали. Скоро я нашел случай ознакомиться с оспопрививанием у черкесов в одном селении Деблиад, где я узнал, что, когда мы проходили, там производили прививку маленькой девочке четырех или пяти лет. Сначала, как мне сообщили, ей дали немного слабительного. Я попросил, чтобы мне его показали, так как мой ногаец не смог бы объяснить, и мне показали сухие листья воловьего языка, которые они варили, как мне сообщили, с корнями и медом. Девочку отнесли к маленькому мальчику трех лет, который был болен этой болезнью и у которого оспинки и прыщики начинали гноиться. Старая женщина произвела операцию, так как наиболее пожилые представители этого пола имеют репутацию самых разумных и знающих, и они практикуют медицину подобно тому, как самые старые другого пола практикуют священство. Эта женщина взяла три иголки, связанных вместе, которыми она, во-первых, сделала укол под ложечку маленькой девочке, во-вторых, в левую грудь против сердца, в-третьих, в пупок, в-четвертых, в правую ладонь, в-пятых, в лодыжку левой ноги, пока не пошла кровь, с которой она смешала гной, извлеченный из оспинок больного. Затем она прило-

жила к уколотым и кровоточащим местам сухие листья коровника, привязав сверху две кожи новорожденных ягнят, после чего мать завернула ее в одно из кожаных покрывал, из которых состоит, как уже говорил выше, постель черкесов, и таким образом завернутую она унесла ее к себе. Мне сказали, что ее должны были держать в тепле, кормить лишь кашей, сделанной из тминной муки, с двумя третями воды и одной третью овечьего молока, ей не давали пить ничего, кроме прохладительного отвара, сделанного из воловьего языка, немного лакрицы и коровника, трех вещей, весьма обычных в стране. Меня уверили, что с такими предосторожностями и при хорошем уходе оспа не преминет благополучно уйти небольшими количествами на седьмой или позднее, чаще всего 5-й или 6-й и даже раньше; по этому вопросу я ссылаюсь на слова старухи, не имея любопытства ожидать результатов. Они сказали мне относительно другой меры предосторожности, которую они принимают против опасных последствий оспы, а именно рассматривать всех маленьких детей, хотя и мало предрасположенных к этой болезни, еще до заражения ею, как неизбежно долженствующих заболеть, раз необходимо, чтобы кто-нибудь имел ее в действительности для передачи другим.

Как бы то ни было, среди нескольких тысяч, скоторыми я встретился проездом по Черкесии, я не видел никого обезображенного [оспой]; возможно, что это результат хорошего климата. Другой, более естественный способ передачи оспы, как мне передавали, заключался в том, чтобы класть в постель вместе с больным этой болезнью того, кому хотят ее привить, предварительно дав ему слабительного; это делается до того, как оспинки созреют. Родители так озабочены красотой своих детей, что они их часто относят на расстояние одного дня и более от своего жилья, в селения, где узнают, что кто-нибудь там заболел [оспой]» [2, с. 142–144; 44, с. 74–75].

Исследователь истории вариоляции С. Ридель отмечает, что метод мог проникнуть в Европу через Турцию: «Инокуляция (прививание – С.Х.), вероятно, применялась в Африке, Индии и Китае задолго до XVIII в., когда она была введена в Европу. В 1670 г. черкесские торговцы ввели вариоляцию в Турецкую «Османскую» империю. Женщины с Кавказа, которые пользовались большим спросом в турецком султанском гареме в Стамбуле из-за их легендарной красоты,

были привиты в детском возрасте в тех частях тела, где шрамы не были заметны. Эти женщины также должны были принести практику вариоляции ко двору Высокой Порты» [48, с. 22].

Для анализа вопроса о соблюдении черкесским населением гигиенических требований в рассматриваемый здесь период нет нарративных данных. Но, если использовать ретроспективный метод, то мы можем получить некоторое представление о том, что средневековое черкесское население могло соблюдать достаточно высокие стандарты в чистоте жилищ, постелей и приготовлении пищи. С другой стороны, мы должны понимать, что привитие высоких стандартов в области гигиены могло произойти по мере распространения бытовых норм ислама.

Тема чистоты практически неизменно звучит в записках европейских путешественников. Мотрэ описывает свой первый ночлег в черкесской семье в княжестве Жаней: «Постель состояла из различных бараньих шкур, сшитых вместе и разложенных на земле одна над другой; одни из них служили матрацами, а другие – покрывалами. Подушка была из хлопчатобумажного полотна, набитая шерстью, с небольшим квадратным куском белого полотна, нашитого сверху в том месте, куда я должен был положить голову. Я спал хорошо и едва успел встать, как постель уже разобрали и шкуры развесили на нечто вроде палисадника у красильщиков. Эта чистота и общая практика черкесов ежедневно проветривать свои кровати такова, что после их вставания не видно ни одной разостланной постели» [2, с. 133].

Обязательным требованием гигиены у черкесов являлся осмотр одежды путника, ее чистка и омовение: последняя процедура в отношении ног выполнялась совершенно императивно хозяйскими детьми [2, с. 131]. Согласно Интериано, у всякого гостя «девушки самым любезным образом ищут блох и прочую нечисть» [2, с. 51]. Таким образом, гигиенические процедуры были включены в комплекс действий по приему гостя, которого к тому же размещали в гостевом доме: «А для приезжих дома особые» [36, с. 61]. Фактически, это давало возможность тщательно осмотреть чужака и убедиться в том, что он не заразен.

Петр-Симон Паллас, посетивший Кабарду в 1793 г., отмечает наличие уборых и именно в таком виде, как это описано у Миллера в начале XX в. [2, с. 219; 25, с. 76–77]. «Они живут в своих селениях и домах очень чистоплотно, – пишет Паллас, – они соблюдают чистоплотность также в своей одежде и в приготовляемых кушаньях» [2, с. 219]. А.О. Махвич-Мацкевич, посетивший Абадзехию около 1860 г., отмечал, что число постелей в одной семье доходило до 50 комплектов [24, с. 1–2].

Выводы. Итак, Черная Смерть, ставшая рубежным эпохальным событием в истории Золотой Орды и большей части Северной Евразии, оказала весьма значительное влияние на ход черкесской истории. Демографический рост в рамках адыгского ареала, по всей видимости, начался еще в XII в. и не был прерван в период монгольского завоевания. Черкесия развивалась под верховной монгольской властью по формуле «благодаря и вопреки». Вероятно, джучидские ханы на практике убедились в том, что черкесский военный потенциал не представляет угрозы для их власти в регионе Кавказа, но мог быть весьма полезен в составе имперской армии. Концентрация внимания на противодействии Ильханату оставила адыгский ареал в полунезависимом состоянии, позволявшем накапливать демографический и хозяйственный ресурсы. Имевший место в правление Узбека военный конфликт, как представляется, был вызван усилением военной мощи черкесов. Вполне вероятно, что с ордынской стороны ставилась цель расширить зону своего прямого контроля в Черкесии, а опорным пунктом ханской власти являлся город Шакрак в Восточном Приазовье.

В середине XIV в. Золотая Орда была поставлена на грань выживания пандемией чумы и, таким образом, скромная черкесская экспансия, преследовавшая узколокальные цели, перестала сдерживаться со стороны имперского центра. Расширение черкесского пространства во второй половине XIV в. происходило за счет той территории, которая в первой половине столетия, казалось, была прочно колонизирована тюркским населением. После вторжения Тамерлана черкесы начали переселяться и осваивать удобный для ведения полеводческого хозяйства регион Центрального Предкавказья (Кабарды). Одновременно происходило расширение черкес-

ской территории и на черноморском побережье, где убыхские и абазинские земли были окончательно оторваны от грузинского контроля и влияния. К XIV–XV вв. относятся сведения о появлении черкесских групп населения в Крыму и Поднепровье, что также косвенно свидетельствует о демографическом наполнении и перенаселенности исконного ареала адыгского этногенеза в Закубанье.

Наконец, в период сразу после Черной Смерти возрастает численность черкесских мамлюков (при резком сокращении числа тюркских мамлюков). Черкесия в XV в. становится основным центром мобилизации военных рабов для египетской армии. Понятно, что постоянный отток молодежи не мог не влиять отрицательным образом на демографическое и хозяйственное состояние Черкесии. Но, в рамках рассматриваемой проблемы, важно подчеркнуть этот миграционный канал как косвенное, но достаточно зримое свидетельство общего восходящего тренда, переживавшегося адыгским этносом. Другое подобное свидетельство состоит в том, что в XV в. черкесские невольники, наряду с русскими и татарами, составляли основную массу рабов восточного происхождения на рынках Западного Средиземноморья. В отдельные периоды черкесские рабы составляли больше половины всех восточных рабов в Генуе.

Таким образом, можно с некоторой степенью определенности утверждать, что, если Черная Смерть и нанесла урон численности черкесов, то они быстро восстановились и продолжили территориальную экспансию по границам своей исконной среды обитания. В XVI столетии Черкесия становится крупнейшей и наиболее населенной страной Северного Кавказа, интегрировавшей в свой состав целый ряд соседних земель и народов.

Быстрому преодолению или даже, быть может, избавлению от действия пандемии 1346–1353 гг., а также весьма губительных и достаточно частых эпидемий этой болезни на всем протяжении второй половины XIV в. и первой четверти XV в., как мы предполагаем, способствовали природные и социокультурные факторы: 1) Северо-Западный Кавказ не входит в число природных очагов чумы Восточной Европы и Кавказа; 2) определенная географическая, ландшафтная изолированность от степного мира, обеспеченная течением Кубани и высокой степенью лесистости (войдя в черкесский

лес на берегу Кубани, можно было двигаться до самого берега Черного моря, не покидая ни разу лесного ландшафта, покрывающего весь нагорный сектор Закубанья на запад от Фишт-Оштенского массива); 3) самодостаточность хозяйственного комплекса Черкесии, что позволяло длительное время выдерживать режим карантина и не допускать на свою территорию пораженных болезнью людей и скот; 4) отсутствие городов, при более или менее равномерном распределении сельских населенных пунктов, что также облегчало организацию локальных карантинов; 5) фактор сбалансированного и насыщенного витаминами питания (повседневное употребление ценных в этом отношении продуктов: меда, фруктов, сухофруктов, рыбы, козлятины). Соответственно, мы можем предполагать, что накануне пандемии черкесское население не было ослаблено голодом, а именно испытывающее голод население (что хорошо известно из европейских примеров) давало наибольший процент летальных исходов при чумных и других эпидемиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу-л-Фида. Таквим ал-булдан («Упорядочение стран»), ок. 1331 г. // Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 207–211.
2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: «Эльбрус», 1974. 636 с.
3. Альдебер Ж., Бендер Й., Груша И., Гуаррачино Ш. и др. История Европы / Пер. с франц. М.И. Дешевицына. Мн.; М.: Вышэйшая школа, Просвещение, 1996. 384 с.
4. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 276 с.
5. Борисов В. Сельскохозяйственные очерки Восточного берега Черного моря (Черноморский округ Кубанской области) // Земледельческая газета. 1873. № 41. С. 641–645.
6. Борисов В.И. Реки Кубани. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1978. 80 с.

7. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч.1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
8. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. В двух томах / Пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», издательский центр «Эль-Фа», 2007. Т. 1. 408 с.
9. Верещагин Н.К. Млекопитающие Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 704 с.
10. Волков И.В. Адыгские памятники Ачуевского мыса // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002. С. 158–160.
11. Волков И.В., Лопан О.В. Работы на городище Ангелинский Ерик и возможности локализации золотоордынского города Шакрак // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар: НИИ археологии Кубанского государственного университета, 2005. С. 43–46.
12. Волков И.В. О локализации итальянской фактории Копы на месте средневекового Темрюка (Копарио – Ло Коппа). Часть 2. Журнал института наследия. 2016. № 1(4). С. 1–27. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/64.html>
13. [Гельвеций] Клод Адриан Гельвеций. Сочинения в двух томах. Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступит. статья Х.Н. Момджяна. М.: Мысль, 1975. 647 с.
14. Голубев Л.Э. Военная экспансия хана Узбека на Северном Кавказе и адыгское сопротивление ей (1327–1335 гг.) // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере. Вып. 4. Краснодар, 2006. С. 376–379.
15. Голубев Л.Э. Адыги в XIII–XV веках. Социально-экономическое и политическое развитие. Краснодар: ИП Вольная И.Н., 2017. 192 с.
16. Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XVIII. СПб., 1999. С. 42–88.
17. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.
18. Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. С древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1993. 248 с.
19. Карпов С.П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // Византийский временник. Т. 50. С. 26–35.

20. Козлов М.П. Чума (природная очаговость, эпизоотология, эпидемические проявления). М.: Медицина, 1979. 192 с.
21. Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волюнкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2016. Т. 11. № 4. С. 612–616.
22. [Лапинский Т.] Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев / Пер. В.К. Гарданова. Нальчик: «Эль-Фа», 1995. 463 с.
23. Мариньи Т. де. Поездки в Черкесию / Пер. с франц. К.А. Мальбахова. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 208 с.
24. Махвич-Мацкевич А.О. Абадзехи, их быт, нравы и обычаи // Народная беседа. СПб., 1864. Кн. 3. С. 1–32.
25. Миллер А. Черкесские постройки // Материалы по этнографии России. Т. II. СПб., 1914. С. 57–78.
26. Монгайт А.Л. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // Советская археология. Т. XXIII. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 321–340.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись / Под ред. Ф.И. Покровского. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. V, 239 с.
28. Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1964. С. 29–66.
29. Российский гос. военно-исторический архив. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1090: Донесения о военных действиях русских против горцев за рекой Белой, ведомости разоренных аулов. 29 июня – 3 декабря 1856 г. 40 л.
30. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из арабских источников / Под ред. В.Г. Тизенгаузена. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1884. XVI, 564 с.
31. Труфанов Г.В. Экологическое обоснование методов регуляции численности суслика и его блох в Центрально-Кавказском очаге чумы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Ставрополь, 1996. 21 с.
32. Тунманн. Крымское ханство / Перевод с немецкого издания 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Беляевой. Примечания, предисловие и приложения Н.Л. Эрнста. Симферополь: Государственное издательство Крымской АССР, 1936. 106 с.

33. Унарокова М.Ю. Флористический элемент в системе питания адыгов // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп: Меоты, 1998. С. 103–135.

34. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Вступительная статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эльбрус, 1978. 333 с.

35. Хотко С.Х. Черкесские княжества в XIV–XV веках: вопросы формирования и взаимосвязи с субэтническими группами // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2016. Т. 8. № 2/1. С. 46–58.

36. Челеби Э. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Предисловие А.П. Григорьева. Прим. и комм. А.П. Григорьева и А.Д. Желтякова. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с.

37. Atti della Società Ligure di Storia Patria. Vol. VI: Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453–1475). Tomo primo, ordinato ed illustrato dal socio p. A. Vigna. Genova: Tipografia del R.I. de Sorto-muti, 1868, pp. V–XV, 1–981.

38. Atti della Società Ligure di Storia Patria. Vol. VII: Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453–1475). Tomo secondo, ordinato ed illustrato dal socio p. A. Vigna. Parte I. Genova, 1871. 899 p.

39. Balard M. La Romanie génoise (XIIe–début du XVe s.). Gênes-Rome: École Française de Rome, 1978. Vol. 1. 494 p.

40. [Canale] La Cronaca Veneta detta altinate di autore anonimo, in latino, preceduta da un commentario del prof. Antonio Rossi e La Cronaca dei Veneziani del Maestro Martino da Canale nell' antico francese colla corrispondente versione italiana del conte Giovanni Galvani. Volume Unico. Firenze: Gio. Pietro Vieusseux, Direttore-Editore, 1845. Archivio storico italiano. Tomo VIII. 819 p.

41. Holt P.M. The Age of the Crusades. The Near East from the Eleventh Century to 1517. L., N.-Y., 1993. XIII, 250 p.

42. Kedar B.Z. Merchants in Crisis. Genoese and Venetian Men of Affairs and the Fourteenth-Century Depression. New Haven: Yale University Press, 1976. XII, 260 p.

43. «Libellus de Notitia Orbis» Ioannes' III. (De Galonifontibus?), O.P. Erzbischofs von Sulthanyeh, von dr. Anton Kern // Archivum Fratrum Praedicatorum. Vol. VIII. Roma: Istituto Storico Domenicano S. Sabina, 1938. P. 82–143.

44. [Motraye] A. de la Motraye's travels through Europe, Asia, and into part of Africa: with proper cutts and maps: containing a great variety of geographical, topographical, and political observations on those parts of the world, especially on Italy, Turkey, Greece, Crim and Noghaian Tartaries, Circassia, Sweden, and Lapland: a curious collection of things particularly rare, both in nature and antiquity, such as remains of antient cities and colonies, inscriptions, idols, medals, minerals, etc.: with an historical account of the most considerable events ... Vol. II. London: Printed for the author, 1723. 432 p. + 72 p. (приложение, содержание); ill., maps.

45. Neustadt D. (Ayalon D). The Plague and Its Effects upon the Mamluk Army // Journal of the Royal Asiatic Society. L., 1946. P. 67–73.

46. [Pegolotti] Francesco Balducci Pegolotti. La Pratica della Mercatura. Edited by Allan Evans. The Medieval Academy of America Publication, No. 24. Cambridge, Massachusetts, 1936. 443 p.

47. Raymond A. Cairo. City of History / Transl. by W. Wood. Cairo: The American University in Cairo Press, 2001. 436 p.

48. Riedel S. Edward Jenner and the history of smallpox and vaccination // Proceedings (Baylor University Medical Center). 2005. Vol. 18 (1). P. 21–25.

49. Tārīḥ-i Şāḥib Giray Ḥān. Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551: édition critique, traduction, notes et glossaire. Dr. Özalp Gökbilgin. Ankara: Baylan Matbaası, 1973. 313 s. 259.

50. [Tunmann] Die Taurische Statthalterschaft oder die Krim // Büsching A.F. Erdbeschreibung. T. 1. Hamburg: C.E. Bohn, 1787, pp. 1185–1283.

СТЕНОГРАММА МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА «ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ»*

28 апреля 2016 года

Казань, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Участники:

Миргалеев И.М.

Юлай Шамильоглу

Хайдаров Т.Ф.

Измайлов И.Л.

Роман Хаутала

Исхаков Д.М.

Гатин М.С.

Бугарчёв А.И.

Ильнур Миргалеев. Уважаемые коллеги! Спасибо, что откликнулись на наше приглашение! Сегодня для обсуждения мы предлагаем тему «Черная смерть в Золотой Орде». Если исходить из сложившихся реалий в современной историографии, то данная тема в последнее время получила большую популярность среди ученых. Однако в основном объектом изучения является Западная Европа и Ближний Восток. Территория Улуса Джучи остается вне исследовательских интересов. Поэтому мы здесь собрались для осмысления этой темы и для определения основных исследовательских векторов в данной тематике. Сегодня основным докладчиком у нас выступает Юлай Шамильоглу.

Юлай Шамильоглу. В самом начале нашей дискуссии я бы хотел обратить ваше внимание на тот факт, что именно эпидемия «Черной смерти» являлась одним из важнейшихотячающих факторов распада Золотой Орды. При анализе сложившейся во второй половине XIV в. в Улусе Джучи внутривполитической обстановки следует обратить внимание на происходившие в конце XIII в. схожие политические процессы. Около 1280 г. в степях произошло похолодание климата, которое в свою очередь очень сильно повлияло на развитие сельского хозяйства

* Стенограмма подготовлена к публикации Т.Ф. Хайдаровым.

и ордынских городов. При этом следует отметить отличительные черты последних: доминирование кочевого ведения сельского хозяйства и параллельное сосуществование городских поселений домонгольского и монгольского периодов. Именно рассмотрение этих факторов и позволяет в значительной степени изменить представление об Улусе Джучи не как о государстве кочевников.

Если смотреть на структуру государственного управления, то Золотая Орда скорее являлась кочевым государством. Большую роль в её развитии сыграло наличие специфической для татарских государственных средневековых образований четырех-клановой системы. Обладавшая большим запасом прочности, данная структура продолжала вполне успешно функционировать в Казанском, Астраханском и Крымском ханствах. Залогом её прочности являлось положение золотоордынского хана. Во властной вертикали Улуса Джучи для лидеров кланов племен последний скорее не являлся самодержцем. Как один из равных, он мог быть лишен своего титула, а на его должность мог быть избран совершенно иной человек. В этой ситуации большую роль в государственной системе Золотой Орды занимала канцелярия.

В истории Золотой Орды одним из важнейших остается вопрос о времени появления клановой системы. По моему глубокому убеждению, подобный процесс имел быть местодо конца XIII в. Именно происходившее на фоне климатического похолодания противостояние между Ногаем и Токтой, а также общий экономический и политический кризис, ускорили назревание в Золотой Орде конфликта внутри клановой системы. Аналогичные процессы были отмечены ранее в империи Сунь, Великом Тюркском каганате и на Тибете. При этом нельзя утверждать, что сложившаяся во времена Чингиз-хана клановая система была идентичной в Улусе Джучи.

При всём этом определяющую роль в дальнейшем развитии всей чингизидской империи и её важной части, коим являлся Улус Джучи, играл уровень развития торговых отношений. Наличие такого важного источника по истории Золотой Орды, как торговые ханские ярлыки, позволяет реконструировать происходившие на пространствах монгольской империи территориальные изменения.

Отправной точкой для западной экспансии империи Чингизхана стал эпизод с Оттаром. Крайне жесткая реакция со стороны центральных монгольских властей и последовавшее за тем разрушение крупных торгово-политических и военных центров Хорезма, Булгарского госу-

дарства, русских княжеств и Крыма являлись неотъемлемой частью стратегии монгольских завоеваний.

Отмеченная Плано Карпини и Рубруком в 1250-х гг. постепенное восстановление торговли и городской инфраструктуры на территории Улуса Джучи, по моему мнению, скорее всего, являлось целенаправленной политикой ордынских властей по восстановлению торговли. При этом, по заключению американского историка Фредерика Лейна, отличительной чертой торговли средневекового татарского государства являлась ориентация на проведение исключительно внешних трансакций с располагавшимися на Великом Шёлковом пути восточными странами и через причерноморские колонии с итальянскими морскими республиками (Венецией и Генуей). Прямыми результатами такой целенаправленной политики ханов Улуса Джучи явился рост чеканки монет и появление многочисленных текстов торговых договоров.

Такое положение дел в Золотой Орде продолжалось вплоть до начала в середине XIV в. эпидемии «Черной смерти». Если в целом говорить о теме «Чёрной смерти на территории Улуса Джучи», то можно констатировать, что прямых подтверждений этому историческому событию не было. Лишь с началом совместных работ исследователей из КФУ и Института Макса Планка (Йена, Германия) по секвенированию гена вобнаруженных на территории г. Булгара человеческих остатков удалось сделать определенные выводы.

Сама эпидемия «Черной смерти» являлась второй из трёх главных волн смертельных пандемий чумы, порождённых бактерией *Yersinia Pestis*. Первой волной стала продолжавшаяся с середины VI по середину VIII в. «чума Юстиниана». Третья, эпидемия чумы, начавшаяся в конце XIX в. в Восточной Азии, получила достаточно широкое освещение в научной литературе. Несмотря на то, что до последнего времени не было практически ничего известно о чуме в Золотой Орде, последние находки в г. Булгаре должны полностью изменить представления об этом явлении.

Современные исследования предполагают, что географическим месторасположением первоочагов чумы является Цинхай-Тибетское нагорье. Переносчиками чумы были признаны питающиеся кровью животных и людей и живущие на степных грызунах блохи. В 1338/39 гг. чума достигла озера Исыкуль. Арабские авторы Среднего Востока сообщают нам, что эпидемия началась в Средней Азии и свирепствовала на протяжении 15 лет. Русские источники сообщают, что эпидемия

охватила города Золотой Орды, включая Сарай и Астрахань. После этого в 1346 г. эпидемия появилась в Крыму. Далее эпидемия попала в Константинополь, Александрию (Египет) и Сицилию. Болезнь широко распространилась по Среднему Востоку и Западной Европе. Последующие волны чумы опустошали эти регионы на протяжении многих лет. Волны эпидемии в Золотой Орде продолжались, по всей видимости, и в XV в. уже на территории независимых татарских ханств.

Одним из главных итогов эпидемии «Черной смерти» на территории Улуса Джучи явилась возникшая после смерти Бердибека в 1359 г. «Великая замятня». При этом вызывает удивление стабильности всей политической системы Улуса Джучи, которая позволила сохранить единство во времена Джанибека и Бердибека (1346–1359). Собственно, обозначенная в текстах русских летописях «Великая замятня» являлась, по моему мнению, политической анархией со всеми вытекающими последствиями.

Изучая тему «Черной смерти на территории Улуса Джучи», я задавался вопросами:

- 1) Какие изменения под влиянием эпидемии чумы происходили в политике Джанибека и Бердибека?
- 2) Являлась ли чума одной из причин их смерти, как это было с великим князем московским Семёном Московским?

Установить правду пока не представляется возможным. Однако можно с уверенностью говорить то, что после смерти Бердибека в Золотой Орде произошло крушение всей политической системы средневекового татарского государства.

Главным итогом «Черной смерти» на территории Золотой Орды явился сильнейший демографический кризис. Если в Западной Европе и на Ближнем Востоке до начала «Черной смерти», по мнению историка Дэвида Хэрлихи, фиксировался демографический подъем населения, то на пике эпидемии стало наблюдаться резкое снижение численности населения.

Исходя из средних величин убыли населения в Западной Европе в тот период, приведенных в исследовании норвежского исследователя О. Бенедиктова, смертность среди населения могла достичь от 1/3 до 60%, а в некоторых местах и более 90%. В то же время некоторые располагавшиеся по соседству регионы могли и вовсе избежать массового мора среди населения. В то же время восстановление доэпидемической численности населения могло занять достаточно длительный период.

На примере итальянской области Тоскана видно, что уровень в 2 млн. человек был достигнут только к 1850 г., то есть через 500 лет после начала эпидемии «Черной смерти».

Скорее всего, аналогичные процессы в демографии населения произошли на территории Улуса Джучи. Если до эпидемии в Золотой Орде наблюдался приток населения из Средней Азии, тоотносительное восстановление населения имело место при создании Казанского и Крымского ханства только в 1430–40-х гг. Однако численность этого населения несравнимас временами правления Узбек-хана.

Столь масштабное сокращение населения не могло не привести к росту в обществе социального напряжения. Если исходить из аналогии с «Юстиниановой чумой» VI–VIII вв., то одним из результатов должен был стать масштабный социальный кризис. Для Западной Европы это проявилось в резком падении ценности человеческой жизни, ужесточении законодательства и ухудшенииотношения к больным и их близким.

Практически невозможно подтвердить документально существование аналогичных проблем на территории Улуса Джучи. На основании данных, приведенных в письменных источниках по Крыму об общем количестве умерших от чумы (85 тыс. чел.), и упоминания использования Джанибеком во время осады Каффы трупов умерших от чумы татар, становится понятно отношение к последним со стороны золотоордынцев. Специалисты по биологическому вооружению пришли к выводу, что это был первый в истории опыт применения на практике бактериологического оружия. Я предполагаю, что данный исторический факт напрямую свидетельствовал о большой смертности на территории Крыма и, как следствие, привыкание в осаждающей войске к этому факту.

Другим важным итогом «Черной смерти» на территории Золотой Орды стал глубочайший экономический кризис. При этом, как свидетельствует анализ нумизматического материала Гулистана, был отмечен резкий рост реальной заработной платы, падение уровня качества произведенного товара, исчезновение некоторых видов ремесел и упадок сельского хозяйства.

Положение осложнялось разразившимся среди населения массовым голодом. Чему является прямым свидетельством появление в текстах русских летописей того периода многочисленных записей об этом явлении. При этом можно предположить, что именно в этот период самыми востребованными в городах становятся могильщики, лекари и мусульманские духовные лица, как и другие ремесленники.

В то же время не вполне корректным выглядит сравнение ситуации в Булгарском улусе с ситуацией в Западной Европе или Мамлюкском Египте. Если исходить из точки зрения историка Стюарта Борша, эпидемия чумы в этих регионах привела к удешевлению стоимости земли и увеличению капиталовложения в техническое переоснащение сельского хозяйства. Однако эти изменения возникли вследствие развития в Египте и в Англии всего сельского хозяйственного комплекса. Концентрация в одних руках всей земельной собственности, достаточная однородность развития всего сельского хозяйства в обоих регионах позволили ему быстро достичь доэпидемического уровня развития и даже превысить его. Чего нельзя было сказать о сельском хозяйстве Улуса Джучи, так как открытым пока остается вопрос о её структуре и методах ведения сельского хозяйства. Доминировала ли в Золотой Орде государственная форма собственности на землю или продолжала функционировать сложившаяся местная землевладельческая структура?

Одним из проявлений экономического кризиса в Улусе Джучи стал культурный и технологический регресс. Наиболее наглядно это проявилось в исчезновении после 1358 г. погребальных надгробий на волжско-булгарском языке. Экономические проблемы заставили представителей местной элиты отказаться от сложных булгарских погребальных традиций и перейти к более простым, но более распространённым среди населения исламским традициям погребения умерших. К тому же, вследствие возникшей анархии в Улусе Джучи, как и было отмечено в других источниках, произошло прерывание генеалогических линий правящих родов и предводителей племён.

Окончательный отказ в литературе от волжско-булгарского и переход к тюрко-татарскому языку, по моему мнению, произошел чуть позднее. Так, появившийся в 1358 году знаменитый «Нахдж ал-Фарадис» был уже написан на тюрко-татарском языке. При этом, если брать аналогии с Западной Европой и Ближним Востоком, скорее всего, в золотоордынском обществе мог наблюдаться рост религиозного самосознания. В исламском мире в этот период стали распространяться идеи божественного наказания за «грехи земные». Постигшая местных жителей катастрофа подталкивала их к изменению прежнего образа жизни и поиска праведного пути, что собственно отразилось в названии «Нахдж ал-Фарадис» – «Чистый путь в небеса» в тюркской передаче арабского титула. Аналогичные темы можно встретить и в произведениях анатолийских авторов. Например, в созданном в 1412 г. про-

изведении Сулеймана Челеби «О пути к спасению». В целом, можно отметить общий рост популярности религиозной тематики в литературных татарских произведениях XV – начала XVI вв.

Наиболее заметным следствием «Черной смерти» на территории Золотой Орды становится процесс дезурбанизации региона. Представленные в исторических источниках данные подтверждают существование в период расцвета средневекового татарского государства большого количества крупных городов. Однако величайший османский путешественник XVII в. Эвлия Челеби, посетивший в 1664 г. земли бывшей Золотой Орды, свидетельствовал крайнюю степень упадка городской традиции в сравнении со временем визита Ибн Баттуты в 30-ых годах XIV столетия.

В его отчете Сарай (вероятно, Сарай-Бату, принимая во внимание его близость с Каспийским морем) малоразвит и представляется маленьким городом с девятью тысячами злополучных домов из дерева с крышами, покрытыми камышом и тростником. Кроме того, его жители говорят на столь многих разнообразных языках, что должны общаться при помощи переводчиков; и это также предполагает, что многие из них прибыли туда только недавно. Мы также узнаем из его описания, что значительное число кочевников и полукочевников живет среди того, что Эвлия Челеби называет «руинами» этого региона.

Нельзя утверждать, что эпидемия чумы XIV в. привела к сокращению численности исключительно только волжских булгар. Вероятно, аналогичный процент убыли населения был отмечен у кыпчакоязычных жителей Улуса Джучи. При этом важным фактором в изменении численности населения играла миграция в районы, менее пострадавшие от эпидемии районы, что привело к масштабным с военно-политической точки зрения изменениям.

Одним из наглядных примеров таких изменений служит территориальная экспансия во второй половине XIV – начале XV в. Литвы на юг к Черному морю. Одним из первых этот вопрос поставил историк Пеленски. Хотя он сам не указывает на эпидемию бубонной чумы, как на один из факторов этого процесса. Однако завоевание Черниговского княжества (1345), включение Киева, земель Киевского и Северского княжеств (1361–1363), основной части Подолии (первая половина 1360-х), победа войска литовского князя в битве на Синих Водах (1362), а также установление при князе Витольде (1392–1430) контроля над северным побе-

режем Черного моря напрямую указывали на взаимосвязь между территориальными потерями Улуса Джучи и эпидемии чумы.

Если в целом характеризовать сложившуюся обстановку, то можно прямо утверждать, что территориальный рост Великого княжества Литовского совпадает со временем появления бубонной чумы со всеми вытекающими последствиями, характерными для последовавшего за смертью Бердибека периода, получившего в историографии название «Великой замятни». Политический подъем Великого княжества Литовского, по моему мнению, был связан с тем, что оно оказалось менее затронутым «Черной смертью», нежели территория русских княжеств и Золотой Орды. Впрочем, данная тема заслуживает дальнейшего рассмотрения.

Ещё одним из вопросов, требующих дальнейшего изучения, является вопрос об изменении клановой структуры в татарских ханствах в постэпидемический период. Из письменных источников известно, что в Большой Орде в начале XVI в. лидерство сохранили представители старых золотоордынских кланов (кыяты, мангыты, салджуиты и конграты). В Казанском ханстве в XV в., напротив, повысилось значение родов, прибывших в Среднее Поволжье с Токтамышем в конце XIV в. (ширины, барыны, аргыны и кыпчаки). Исходя из этого, можно сделать вывод о масштабности переселенческого процесса из восточных степей на западную территорию Улуса Джучи в XV в. Причем, если говорить о развитии государственных структур Улуса Джучи, то необходимо указывать на их ослабление уже во времена утверждения власти в Ак Орде Токтамыша, то есть в начале 1380-х г. Другими негативными последствиями этого процесса стал масштабный экономический кризис, процесс исчезновения из обихода болгарского языка, резкое сокращение городского населения и подъем кочевых государств (Большой и Ногайской Орд). Определенную роль в этих процессах сыграл более низкий процент смертности среди кочевников во время эпидемии «Чёрной смерти».

Роман Хаутала. При исследовании чумы в Золотой Орде было бы полезно привлечь довольно многочисленные итальянские исследования влияния чумы, например, на Тоскану. Известно, что в Сиене общая численность умерших в результате эпидемии чумы составила примерно 3/5 или 4/5 городского населения (строительство правого крыла кафедрала Сиены, которое должно было увеличить площадь кафедрала вдвое, было заброшено в 1348 году, и пустой остов этого крыла остает-

ся до сих пор неким напоминанием об этом событии). Тем не менее политическая активность Сиены почти не уменьшилась, и ее население восстановилось в короткие сроки.

То есть катастрофические последствия чумы не следует преувеличивать и приписывать исключительно ей причины всех возможных кризисов. Финансовый кризис, к примеру, приведший к банкротству ряда флорентийских банков, поразил столицу Тосканы до появления чумы.

Юлай Шамильоглу. Во-первых, наследственное право Улуса Джучи значительно отличалось от западноевропейского. Его отличительной чертой служил тот факт, что золотоордынский хан, согласно сложившейся традиции, выбирался представителями четырех племен. В то время, как в Западной Европе наследование шло от отца к старшему сыну. Поэтому массовая смертность среди золотоордынской элиты привела к политической анархии. Возникшая «Великая замятня» – это прежде всего гражданская война внутри самой элиты. Во-вторых, по мнению американского историка Густафа Алефа, эпидемия «Черной смерти» для Московского княжества являлась одним из факторов, способствовавших исчезновению основных соперников и территориальному росту за счёт присоединения обезлюдивших земель. В этих условиях и произошло политическое возвышение Москвы, что в целом указывало на процесс централизации власти в Великом княжестве Московском. В то же время у кочевников и у Чингизидов стал наблюдаться обратный процесс, характеризовавшийся уже указанной гражданской войной среди элит.

Алексей Бугарчёв. Один из важнейших показателей жизни средневекового города – это нумизматический материал, обнаруженный на этой территории. Находки кладов и одиночных монет могут свидетельствовать о периодах денежного обращения, о денежных реформах, и в целом – об уровне экономического развития региона и государства.

На золотоордынских поселениях XIII, XIV и XV веков найденные клады дангов (серебряных монет) и особенно находки пулов (медных монет), разложенные по определённым периодам чекана, например – по десятилетиям, демонстрируют фазы возникновения, подъёма, пика и затухания (или обрыва) денежного обращения. Опубликованные нумизматические комплексы с ряда золотоордынских городищ и селищ дают следующие цифры.

Таблица находок монет на городищах и селищах Золотой Орды¹

Арх. объект	Всего монет	Мах* дангов	Мах* пулов	Литература
Шахерлик	731 пул	–	35%, 741–760 г.х.	Фёдоров-Давыдов, 1998
Дев-кескен-кала	704 пула	–	55%, 714–751 г.х.	Петров, Бугарчѣв, 2012
Маджар	3776 (475 дангов+3301 пул)	61%, 781–785 г.х. (при Токтамыше)	15%, 750–755 г.х.	Лебедев, Павленко, 2008
Селитренное гор.	2938 (262 данга+2676 пулов)	49%, 713–758 (при Узбеке и Джанибеке)	17%, 761–770 г.х.	Клоков, Лебедев, 2002.
Царевское гор.	5310 (311 дангов+4997 пулов)	22%, 746–750 г.х.	70%, 751–765 г.х.	Клоков, Лебедев
Водянское гор.	1362 (51 данг +1311 пулов)	47%, 741–758 г.х. (при Джанибеке)	62%, 741–760 г.х.	Клоков, Лебедев, 2000
Муранское сел.	844 (96 дангов+748 пулов)	40%, 741–758 г.х. (при Джанибеке)	49%, 750–764 г.х.	Пачкалов, 2013

¹ Необходимые примечания к таблице:

- Здесь собраны сведения только из опубликованных источников.
- Информация о находках дангов на археологических объектах Хорезма отсутствует, поэтому для памятников Шахерлик и Дев-кескен-кала приведены сведения только по медным монетам.
- По Болгарскому городищу даются сведения из работ С.А. Яниной (1954, 1958, 1960, 1962). Нумизматический материал продолжает поступать каждый полевой сезон, поэтому конечные цифры неизвестны. Однако можно сказать, что наибольшее развитие денежного обращения в Булгаре наблюдалось при правлении Джанибека (1341–1358).
- В таблице не представлены такие крупные средневековые центры, как Сарайчук, Азак, крымские и приднестровские археологические точки, так как по ним до сих пор нет обобщающих материалов.

Стенограмма Международного круглого стола «Черная смерть в Золотой Орде»

Наровчат	212 монет	64%, 713–758 г.х. (при Узбеке и Джанибеке)		Янина, 1962
Никольское сел.	240 (149 дангов+91 пул)	48%, 737–753 г.х. (при Узбеке и Джанибеке)	89%, 743–764 г.х.	Винничек, Недашковский, 2005
Кондаковское I сел.	176 (35 дангов+141 пул)	29%, 701–710 г.х.	75%, 737–752 г.х.	Гумаюнов, 2004
Болгарское гор.	1467 монет	59%, 741–762 г.х.		Янина, 1962
Джукетау гор.	321 (65 дангов+256 пулов)	15%, 755–760 г.х.	20%, 760–765 г.х.	Лебедев, Бугарчѳ, Гумаюнов, 2008
Чакма сел.	175 (71 данг+104 пула)	24%, 742–764 г.х.	35%, 640–650-е гг.х.	Бугарчѳ, Руденко, 2013

Мах* – максимальное количество найденных экземпляров за определённый период времени.

Наибольшее количество находок серебряных и медных монет в поволжских и приволжских поселениях приходится на период правления Джанибека и последующее время (1340–1365). Этот факт может свидетельствовать о максимальном уровне экономической жизни в данный период. О быстром экономическом падении в Поволжском регионе после 1365 г. могут свидетельствовать: отсутствие на Царевском городище монет, отчеканенных после 769/1368–1369 г.; в Джукетау – отсутствие монет, отчеканенных после 765/1363–1364 гг.; на Никольском селище – отсутствие монет, отчеканенных после 764/1362–1363 г.

На других археологических памятниках (напр. Булгарское или Селитренное городище), хотя и фиксируется нумизматический материал, выпущенный после заявленного периода, однако его количество не идет ни в какое сравнение с объёмами находок предыдущих периодов.

Здесь можно говорить о наложении сразу нескольких факторов как политического, так и природного характера. Многолетний кризис власти и несколько волн эпидемий чума подорвали экономику государств

ва, что отразилось на денежном обращении и на экономической активности населения в целом.

По изданным в нумизматической литературе материалам видно, что во второй половине XIV в. стали подниматься новые центры в стороне от прежних городов – Маджар на Северном Кавказе, Иске-Казань в Среднем Поволжье, Хаджи-Тархан на Нижней Волге. Экономика Золотой Орды продолжала функционировать, хоть и в более скромных масштабах.

Тимур Хайдаров. За последние пару лет в западной историографии после работ Юлай Шамильоглу произошел подъем интереса к теме «Черной смерти на территории Золотой Орды». Было опубликовано порядка 5–6 крупных статей, которые по-иному рассмотрели данную тему. До последнего момента на Западе существовало две совершенно противоположные точки зрения. Первая – европоцентристская, считающая, что из-за отсутствия крыс в биологической среде и установления золотоордынского ига в русских княжествах на территории Улуса Джучи чумы просто не было. Вторая точка зрения, базируясь исключительно на теоретических разработках отечественных авторов, рассматривает данную тему либо в контексте экономических, урбанистических, религиозных или социально-политических взаимоотношений русских княжеств с Золотой Ордой. В западной историографии активно используется уже упоминавшийся отрывок о бомбардировке войсками хана Джанибека Каффы труппами павших от чумы.

Одной из первых сформулированных в России теорий распространений чумы являлась сформулированная военным врачом Рейтлингом контагиозная теория передачи чумы от одного организма к другому. Большой прорыв в области исследований чумы был сделан в 1878 г., когда в с. Ветлянки (Астраханской губернии) произошла вспышка заболевания. После чего на прошедшем в сентябре того же года в Казани круглом столе были сформулированы ряд постулатов, характеризующих чуму на территории России.

- 1) Чума вспыхивала на Руси во второй половине лета – до начала зимних холодов;
- 2) Возможность повторных вспышек с периодичностью 8–10 лет;
- 3) В основном чума бушевала на северо-западе Руси, но не исключались вспышки в Нижнем Поволжье;

4) В летописях было зафиксировано несколько форм чумы: бубонная, легочная и септическая. Все формы имели различную симптоматику;

5) Вплоть до 17 века на Руси не существовало систематического лечения.

Большую роль в дальнейшем осмыслении бубонной чумы сыграли исследователи из бактериологической лаборатории форта Александра I. Здесь в лабораторных условиях была доказана контагиозность чумы. Благодаря работе в Египте, Манчжурии и Китае во времена третьей пандемии, была определена наиболее опасная для человека легочная форма чумы. Причем основными носителями в России выступают не крысы, а синантропические виды мигрирующих степных грызунов (байбак, луговые собачки, суслики, мыши-полевки). Собственно, под «Черной смертью» стала пониматься мгновенная легочная форма чумы. В результате данных исследований была сформулирована *«теория природных очагов распространения эпидемических заболеваний»*. Согласно ей, на территории Нижнего Поволжья до сих пор активность проявляет природный чумной очаг. Если западные исследователи признали первоочаг чумы в районе Цинхао-Тибетского нагорья, то отечественные ученые определили под таковым Тянь-Шань, Манвернарх, Монгольские степи. Поэтому, скорее всего, надо говорить о едином природно-климатическом регионе Центральной Азии, где и произошло возникновение чумной бактерии.

В начале 2000-х гг. отечественным исследователем М.В. Супотницким на основе летописных данных была выдвинута гипотеза, согласно которой на территории европейской части России в Средние века проявляли активность два крупных района чумных очагов (северо-западный разлом с центром в Новгороде и евразийский разлом с центром в районе Каспийского моря). Две остальные теории (гелио-климатическая теория и теория активности геологических разломов) являются дальнейшим развитием *«теория природных очагов распространения эпидемических заболеваний»*.

Юлай Шамильоглу. Организация подобного круглого стола позволяет заново пересмотреть некоторые сложившиеся в историографии центральной Евразии оценки исторических событий. Все это подготавливает переворот в русской историографии и формирует совершенно новый подход к изучению средневековой истории России. Современные тенденции в исследовании летописных текстов заставляют акцен-

тировать внимание на те исторические факты, которые ранее не анализировались или просто игнорировались русскими исследователями. Одними из наиболее заметных, следует признать, эпидемические заболевания и прежде всего чуму. До сих пор все объяснения о численном сокращении населения русских княжеств объяснялись исключительно нашествием монголо-татар и установлением золотоордынского ига. Только обращение к конкретным данным источников позволяет снять ряд возникших в историографии вопросов.

Дамир Исаков. Я бы хотел обратить внимание коллег на известный факт, а именно на то, что на рубеже XV–XVI вв. в условиях наступления Малого ледникового периода Шибанидами была предпринята попытка закрепиться в Поволжье. Территория, охваченная этим процессом, простиралась вплоть до Казани. Видимым результатом этого стало исчезновение в XVI в. Большой Орды. В исторических источниках можно найти факты, объясняющие причину исчезновения этого государственного образования татар. Среди главных упомянут голод. Значит, существовали какие-то естественные причины, приведшие к данному результату и в целом подорвавшие экономическую основу Большой Орды. Даже в современных условиях изменения, вызванные, например, резким подъемом уровня рек, могут привести к просто катастрофическим последствиям для современных городов, а что уж говорить о средневековых поселениях. Поэтому эти вопросы необходимо изучать в комплексе с климатическими исследованиями.

Искандер Измайлов. На мой взгляд, наиболее важным является исследование вопросов социоестественной истории Евразии, в первую очередь проблемы взаимодействия природы и человека, негативных последствий воздействия человека на среду обитания и природных катаклизмов на общество, а также трансформации социальных институтов в условиях этих кризисов. В этом смысле опыт истории Улуса Джучи является интересным и важным для понимания этих процессов, их особенностей и последствий.

Заслуживает самой высокой оценки статьи Юлая Шамильоглу, одна из которых была включена в третий том «Истории татар». Именно с этих публикаций начался серьезный поворот в понимании особенностей истории Улуса Джучи, понимании причин социально-политического кризиса в этой империи и ответов социума на эти вызовы. Такой же подход был принят и мной при разработке данной темы. Сделана попытка при разработке данной проблемы применить комплексный подход, показать

не одну причину кризиса, даже такую важную как пандемия чумы, но и другие причины, вызвавшие целую цепную реакцию и повлекшие катастрофические последствия для этого государства. То есть, в основе этого подхода лежала не опора на какой-либо один вид источников, как это было ранее, а сделана попытка комплексного анализа причин кризиса и упадка Империи Джучидов. Для продолжения возникшей дискуссии было бы хорошо оформить отдельный номер «Золотоордынского обозрения» или организовать специальный междисциплинарный и межнациональный сборник, посвященный обсуждаемой на круглом столе проблематике. Тем самым мы позволим поднять эту проблему на новый уровень обсуждения и очертить контуры данной проблематики впервые для отечественной историографии.

Что касается комплексного подхода, то Дамир Мавлявиевич совершенно прав, что работа в этой области представляет передовой фронт современной науки. Это синтез естественно-научных и гуманитарных наук для получения принципиально новых данных и открытия новых подходов к изучению истории. Ярким примером подобного анализа служат работы Джареда Даймонда, ставшие научными бестселлерами. В них, в частности, были подробно разобраны вопросы, связанные с коллапсом различных человеческих сообществ в условиях климатических и экологических кризисов, часто рукотворных.

В рамках этого понимания, Улус Джучи следует рассматривать как социум, попавший в критическую ситуацию. Поскольку мы имеем дело, с одной стороны, с малым оледенением и с аридизацией степи, кормившей огромные стада овец и коров; а с другой стороны, с трансгрессией Каспийского моря, воды которого затапливают всю плодородную дельту Волги, где располагалась сельская округа большинства крупнейших золотоордынских городов. Это был сильнейший удар, нанесенный природой по населению Улусу Джучи. В этих условиях золотоордынские города оказались оторванными от кормящей их округи. Поэтому они оказались неспособными существовать в новых условиях. В целом, резкое поднятие уровня Каспийского моря привело к тому, что под массой песка оказался плодородный слой, кормивший тысячи людей. Даже после отступления вод Каспия эти земли оказались непригодными для ведения сельского хозяйства.

События, связанные с возникновением чумы, напрямую связаны с деятельностью Великого Шелкового пути. Причем, как «чума Юстиниана», так и пандемия чумы середины XIV в., являлись прямыми

следствиями активизации этого торгового пути. Дело в том, что у замкнутых обществ древности во время взаимодействия с носителями чумы должен был постепенно выработаться иммунитет к существующим в локальном пространстве болезням. Поэтому следует признать, что человек сам мог становиться носителем заболевания, но при этом не болеть. При активном взаимодействии с представителями другого закрытого сообщества происходил процесс передачи этих вирусов, который в условиях Средневековья и развитых караванных связей привел к взрывному характеру заболевания, приведшего в конечном итоге к пандемии в большей части Старого Света. Впервые в истории именно во время пандемии «Черной смерти» вся Евразия оказалась поражена неизвестными вирусами и бактериями. Чуть позднее этими же микробами были уничтожены Великие цивилизации Мезоамерики, где в течение нескольких десятилетий погибло несколько десятков миллионов коренных жителей. Именно фактор эпидемических заболеваний привел к гибели империю ацтеков, а не только пресловутый фактор технологического доминирования европейцев. Скорее всего, схожие явления по силе воздействия на население наблюдались и в Золотой Орде.

Стоит признать, что все перечисленные факторы в той или иной степени повлияли на развитие кризисных явлений в Улусе Джучи. При этом пока не был назван еще один важный фактор – восстание Чжу Юаньчжана в Китае, падение Юаньской империи и становление Минской империи с последующим прекращением торговли по Великому шелковому пути. Отголосками этого явились прекращение поступления в Золотую Орду шелка, специй и других восточных товаров, а также серебра из Европы в обмен на эти товары. Именно эта торговля являлась тем важнейшим фактором наполнения ханской казны в Сарая и жизнеспособности всей экономики Улуса Джучи. Именно этот обмен позволил в кратчайший срок обеспечить подъем ордынских городов. Достаточно сказать, что такого же уровня урбанизации Золотой Орды Российская империя смогла достичь только в начале XIX в. Этот процесс основывался отнюдь не на разграблении чужих территорий, а в значительной степени на экономическом развитии ордынских городов и их округи. Исходя из этого, следует признать, что основная масса жителей Улуса Джучи являлись горожанами, а представители политической элиты продолжали вести условно кочевой образ жизни. Именно по оседлому населению чума нанесла самый большой удар.

Одновременно она резко обнажила накопившиеся в обществе противоречия. В иных условиях социум мог бы снизить последствия массовой эпидемии, но в условиях скученности в городах людей чума углубила и ускорила кризис Золотой Орды. Причем следует подчеркнуть, что большую роль в быстром распространении чумы сыграла возникшая после монгольского завоевания широкая сеть караванных путей, позволявшая серебру из Европы попадать на Восток.

Экологическая основа степей, начиная со времен скифов, позволяла поддерживать на должном уровне кочевническое население в размере не более 0,5–1 млн. человек. Относительно оседлого населения можно высказать только оценочные суждения. При этом зоны оседлого населения охватывали Приднестровье, Северное Причерноморье, Приднепровье, Крым и Поволжье. В ряде крупных нижневолжских городов число жителей могло достигать 75 тыс. человек. Причем численность населения от Булгара до Каспия могла составлять 0,5–1 млн. человек, а общее число всего оседлого населения в Улусе Джучи в благоприятный период, очевидно, достигло порядка 2–4 млн. человек.

Достоверной реконструкции общей картины произошедшего мешает возникновение военно-политического кризиса. И, в частности, нашествие Аксак Тимура, которое по своим последствиям превосходит все, что происходило до этого. Именно правитель Самарканда ускорил падение Улуса Джучи, уничтожив все то, что начинало восстанавливаться после эпидемии чумы. Главным образом была разрушена система караванной трансзиатской торговли. При этом следует отметить, что на фоне становления капитализма и формирования новой культурной эпохи Ренессанса в Западной Европе возрастает потребность ввозе рабов из Улуса Джучи. Именно об этом свидетельствуют итальянские источники того периода. В этом смысле интересной выглядит сама идея привлечения и перевода новых источников. Поэтому идея с подготовкой сборника имеет смысл и ее следует поддержать.

Дамир Исаков. Следует разобраться и с происходившими изменениями в эпоху чумы в Золотой Орде и на территории государства Тимура. Близость к среднеазиатским очагам и развитость караванных дорог должны были еще более жестко нанести удар по численности местного населения. Почему произошел подъем Тимура и Токтамыша?

Тимур Хайдаров. К сожалению, практически не проведены масштабные исследования по выявлению чумных захоронений. Находка булгарских погребений произошла чисто случайно. Совершенно отсут-

ствуют систематические исследования в данной области. Лишь в последнее время начались подвижки в этом направлении. В Европе данные исследования проводятся на протяжении порядка нескольких десятков лет.

Марат Гатин. Мне представляется, что интерес к этой теме вызван стремлением объяснить исчезновение Золотой Орды. «Черная смерть» нами видится в качестве одной из причин развала и исчезновения с политической карты мира Восточной Европы Улуса Джучи. Дамир Мавляевевич задал интересный вопрос, почему в одних регионах чума повлияла пагубно, а в других государственность была сохранена и продолжила свое существование? И почему именно территории Дешт-и-Кыпчака оказались более подверженными эпидемии, чем остальные? Может, предположение о чуме как об определяющем факторе, несколько преувеличено, и скорее речь идет об одном из факторов? Проще говоря, когда человек умирает от гриппа, то, очевидно, он погибает главным образом не от вируса, а больше от ослабленного иммунитета в момент попадания в организм инфекции. Обратите внимание, что улусы Монгольской империи испытали тяжелейший кризис своей государственности примерно в одно и то же время: Улус Хулагу (1330–1350-е гг.), Улус Чагатай (1340–1360 гг.), Юаньский Китай (1350–1360-е гг.), Золотая Орда (1360–1370-е гг.).

Ильнур Миргалеев. Я думаю, что данная дискуссия должна быть продолжена. Мы предполагаем организовать издание междисциплинарного сборника, надеюсь увидеть там и ваши статьи. Кроме того, скоро мы издадим книгу Тимура Хайдарова. Также Юлай Шамильоглу обещает написать по теме чумы отдельную работу. Конечно, нужны новые данные, на основе которых можно было бы по-иному взглянуть на эти проблемы. В объяснении падения Золотой Орды и кризисных явлений фактор эпидемий и изменений климата и иных природных катаклизмов до сих пор учитывается крайне недостаточно. Скудость письменных источников можно компенсировать исследованиями археологов и применением данных современных естественнонаучных изысканий. Еще раз спасибо за участие! Надеюсь, этот разговор был плодотворным и подтолкнет вас к новым исследованиям, в том числе и по вопросам эпидемии чумы и ее влияния на жизнь Золотой Орды.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ленар Фиргатович Абзалов – кандидат исторических наук, доцент Казанского федерального университета (Казань, Российская Федерация). E-mail: len_afzal@mail.ru

Игорь Евгеньевич Алексеев – кандидат исторических наук, главный советник Управления по взаимодействию с религиозными объединениями Департамента Президента Республики Татарстан по вопросам внутренней политики (Казань, Российская Федерация). E-mail: alekse-igor@yandex.ru

Рикс Босх – независимый исследователь, ECoCoast Consultancy (Ассен, Нидерланды). E-mail: bosch@ecocoast.eu

Леонид Вячеславович Воротынцев – аспирант исторического факультета Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Российская Федерация). E-mail: leonrus1245@mail.ru

Моше Гринберг – Еврейский Университет (Иерусалим, Израиль). E-mail: levant17@mail.ru

Искандер Лерунович Измаилов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: ismail@inbox.ru

Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Курганского государственного университета, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, ResearcherID: J-9551-2017 (Курган, Российская Федерация). E-mail: denmas13@yandex.ru

Александр Николаевич Медведь – кандидат исторических наук, доцент, директор Центра цифровой гуманитаристики Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Российская Федерация). E-mail: man1153@yandex.ru

Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944>, ResearcherID: J-9533-2017 (Казань, Российская Федерация). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Артем Александрович Порсин – кандидат исторических наук. E-mail: porsinart@gmail.com

Сергей Алексеевич Прокопенко – доктор исторических наук, зам. директора ОГБУ «НИИ экономики истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина» (Ульяновск, Российская Федерация). E-mail: sergio1957@mail.ru

Гордан Раванчич – Ph.D. (история), академический советник в Хорватском Институте истории (Загреб, Хорватия). Email: gordan@isp.hr

Константин Александрович Руденко – доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры (Казань, Российская Федерация). E-mail: murziha@mail.ru

Елена Алексеевна Рябинина – старший преподаватель кафедры «Культурология» Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация). E-mail: realdenim77@yandex.ru

Сергей Ювенальевич Скисов – нумизмат, сотрудник Астраханского художественного фонда, художник и скульптор (Астрахань, Российская Федерация). E-mail: srgsksv@mail.ru

Тимур Фаритович Хайдаров – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Российская Федерация). E-mail: timkh2000@yandex.ru

Самир Хамидович Хотко – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (Майкоп, Российская Федерация). E-mail: inalast@mail.ru

Юлай Шамильоглу – Ph.D. (история), профессор, Назарбаев Университет (Астана, Казахстан); департамент немецкого, скандинавских и славянских языков, Висконсинский университет в Мадисоне, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0658-1267> (Мадисон, США). E-mail: uschamil@wisc.edu

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>И.М. Миргалеев</i>)	3
FOREWORD (<i>Uli Schamiloglu</i>)	5
Прокопенко С.А. «Чёрная смерть» в историографии: общая характеристика	7
Uli Schamiloglu. Reflections on Regional Variation in the Impact of the Black Death on the Golden Horde	20
Измайлов И.Л. «Черная смерть» и кризис в Улусе Джучи: идеальный шторм	23
Хайдаров Т.Ф. Эпидемия чумы в XIII–XIV веках и её последствия	47
Порсин А.А. Заговор Ногая против Тула-Буги в контексте эпидемиологической ситуации в Золотой Орде последней четверти XIII века	63
Моше Гринберг. Последняя осада Каффы (1346–1347) ханом Джанибеком и Чёрная Смерть: к вопросу о достоверности источников и о хронологии	75
Gordan Ravančić. Black Death of 1348 in Dubrovnik: Beginning of the crisis or a disruption?	90
Руденко К.А. «Черная смерть» и судьба Булгарского улуса Золотой Орды (археологические свидетельства)	126
Хайдаров Т.Ф. Некоторые замечания по поводу одной публикации о чуме в Золотой Орде	140
Миргалеев И.М. Чума во время противостояния Токтамышша с Тимуром	144
Абзалов Л.Ф. Кто лечил больных в Золотой Орде?	150
Rieks Bosch. Steppe use, Climate Change and the upcoming of the Mongol Empire	165
Скисов С.Ю. Золотая Орда, чума и деньги (клад 2012 года с Селитренного городища в историческом контексте)	176
Алексеев И.Е. «Химерические» мотивы на золотоордынских (джучидских) и «удельных» русских монетах XIV–XV вв. в свете гипотезы о символизации эпидемий чумы	187

Воротынцев Л.В. «Черная смерть» и феномен новгородского ушкуйничества (XIV – первая половина XV вв.)	209
Медведь А.Н. Эпидемии XIV–XV вв. в церковной литературе и жизни православной церкви	221
Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Климатический и эпидемический факторы в истории сибирской государственности Шибанидов в XV–XVI вв.	229
Хотко С.Х. Фактор «Черной смерти» в генезисе адыгского этнополитического пространства (XIV–XV вв.)	241
Стенограмма Международного круглого стола «Черная смерть в Золотой Орде» (Казань, 28 апреля 2016 г.)	263
Сведения об авторах	281

**Эпидемии и природные катаклизмы
в Золотой Орде и на сопредельных территориях
(XIII–XVI вв.)**

Сборник научных статей

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева, Л.С. Гиниятуллина*

Подписано в печать 16.05.2018 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 17,75 Тираж 200 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.пф/departments/6>

Татаровед.рф

